

ПУБЛИЦИСТИКА

АЛЕКСАНДР КЛЮГЕ

ОПИСАНИЕ ОДНОЙ БИТВЫ

Перевод с немецкого Н. ВЕТЛОВА
под редакцией И. КАРИНЦЕВОЙ

О КНИГЕ АЛЕКСАНДРА КЛЮГЕ

Когда в Сталинграде сдался в плен последний солдат армии Паулюса, автору книги «Описание одной битвы» Александру Ключе не исполнилось еще одиннадцати лет.

Я не знаю подробностей биографии этого молодого немецкого писателя и кинорежиссера. Знаю, что он живет в Западной Германии в Ульме. Знаю, что он работает там руководителем кафедры кино в Высшей школе художественного конструирования. Знаю, что он имеет юридическое образование.

Догадываюсь, что, как и на большинство людей его поколения, вторая мировая война наложила на него свой отпечаток, несмотря на то, что, когда она началась, ему было семь лет. Дети не участвовали в войне, но они жили и умирали во время нее. Они приняли на себя и часть ее испытаний, и весь груз ее последствий. Не говоря уже о том, что раны сиротства надо относить к тяжелым ранениям с длительными последствиями.

Я напомнил об этом потому, что мне вовсе не кажется странным, когда люди этого поколения — дети военного времени — начинают с пристрастием, заново допрашивать прошлое. Они хотят знать, как все это было на самом деле, и это не только их право, но, в сущности, их обязанность, поскольку, чем дальше идет время, тем больше ответственности за настоящее и будущее ложится на плечи этих детей войны.

Как мне кажется, книга Александра Ключе одна из тех, которые продиктованы не только желанием разобраться в прошлом, но и стремлением помешать в будущем повторению этого прошлого.

Ключе взял эпиграфом к своей книге слова Поля Валери: «И будущее, к сожалению, уже не то, каким оно когда-то было».

Я лично воспринимаю выбор этого эпиграфа как едкую иронию автора книги по отношению к людям, мечтающим о возрождении мощи германского милитаризма.

Мне кажется, что главный пафос этой очень строго и сдержанно написанной книги «об известной катастрофе в Сталинграде» состоит в том, что «катастрофы» такого рода не должны повторяться.

Мы тоже так думаем. Хотя эта катастрофа, «несчастье», как называет его Ключе, в тот исторический момент, когда оно произошло, для нас было счастьем. И ничем иным не было и не могло быть для нас, людей, видевших в сталинградской трагедии армии Паулюса начало конца фашистской империи Гитлера.

О причинах «несчастья» в Сталинграде написано много трудов, принадлежащих перу немецких генералов. Среди тех, что я читал, мне лично наиболее правдивыми показались воспоминания Паулюса, а наиболее лживыми — воспоминания фон Манштейна.

Во всех этих трудах, в меньших или больших масштабах, неизменно рассматривается один и тот же вопрос — о причинах «несчастья», о том, могло ли оно не произойти, и кто и в какой мере виноват в том, что оно все-таки произошло?

Ключе тоже рассматривает в своей книге эти причины «несчастья», уже многократно изложенные в сочинениях немецких генералов. У Ключе мы тоже найдем различные свидетельства, документы и рассуждения о том, до какого дня Паулюс мог вырваться из котла и после какого дня не мог; сделал ли Манштейн все, что от него зависело, чтобы спасти армию Паулюса, или только делал вид, что делает это; почему уперся Гитлер, не разрешавший осуществить прорыв из сталинградского котла, и что было бы, если бы он не уперся?

Ключе излагает все эти причины и следствия, бесспорные и спорные, действительные и мнимые. Но автора все-таки больше всего интересует не эта поверхность проблемы, не это внешнее, клокочущее взаимными обвинениями извержение событий, а его глубинные причины.

Не случайно в кратком предуведомлении к своей книге Ключе пишет, что «причины катастрофы зародились, может быть, тридцать дней, а может быть, и триста лет назад».

Он задает куда более глубокий вопрос, чем вопрос о том, какого именно числа Паулюс должен был начать прорываться, чтобы не оказаться в плену. Как мне представляется, для Ключе катастрофа, «несчастье» в Сталинграде — это лишь наиболее очевидный символ краха векового прусско-германско-фашистского милитаризма. Символ краха немецкой военщины, ее давно и прочно сложившихся завоевательских концепций, для которых фашизм на какой-то период оказался всего лишь наиболее удобной политической упаковкой.

На вопрос, почему в Сталинграде закончила свое существование 6-я немецкая армия и почему она потом, будучи заново символически сформирована, закончила свое существование во второй раз на полях других сражений, Ключе своей книгой дает куда более широкий и принципиальный ответ, чем тот, который коллективно пытаются дать многочисленные генералы вермахта, вот уже двадцатый год публично выясняющие свои отношения с Гитлером.

Книга Ключе говорит о том, что, несмотря на всю свою внешнюю собранность и силу, милитаризм — это идеология гниения и нравственного саморазрушения. Пытаясь стать господствующей идеологией нации и хотя бы временно начиная преуспевать в этом, он тем самым ставит нацию на грань самоубийства. Сначала, пока убивают главным образом людей других наций, это не так заметно, но потом это скольжение по наклонной плоскости к национальному самоубийству делается все очевиднее и очевиднее, превращаясь из опасности в реальность.

Этот вывод и есть то самое главное ощущение, которое я вынес, прочитав книгу Александра Ключе.

Читая книгу Ключе, я невольно задумался над одним важным обстоятельством, которое мы порой упускаем из виду. Вторая мировая война приучила нас считать почти синонимами германский милитаризм и германский фашизм. Эта привычка воз-

ника естественна, сама собой, но сейчас в ней есть своя опасная сторона. Милитаризм легко отрешивается от своих старых политических оболочек, которые в свое время были удобны, а потом стали компрометирующими. И говоря сейчас о попытках возрождения в Западной Германии германского милитаризма, думается, главную опасность этого следует связывать отнюдь не с теми людьми, которые напрямую стремятся реабилитировать нацизм. Это люди без серьезных перспектив на успех. На мой взгляд, гораздо большую опасность представляют те милитаристы, которые, публично и старательно отряхнув со своих ног прах фашизма, одновременно стремятся возродить те идеалы германского милитаризма, которые являются, так сказать, исконными, историческими, рожденными в гораздо более удобный для воспоминаний и менее скомпрометированный в сознании человечества предфашистский период.

Думаю, что большинство немецких генералов, так страстно и так долго отрешивающихся от Гитлера, делают это не во имя того, чтобы стать в ряды сторонников мира. Они делают это, чтобы освободить новый, возрожденный вермахт от старых неприятных ассоциаций. Они хотят перекинуть мост через физический и политический труп Гитлера прямо в «классический» период идей и замыслов германского генерального штаба, в период, который находится вне подозрений в фашизме, но вполне подходит для того, чтобы на его базе заново решать силой оружия и проблемы пересмотра границ, и проблемы расширения «жизненного пространства».

Я не собираюсь приписывать все высказанные мною здесь мысли Александру Ключе. Но именно его книга навела меня на них.

Мне остается сказать, что «Описание одной битвы» — это книга, при всей своей внешней сдержанности и даже ироничности, полная любви к своему народу и сочувствия к его страданиям и жертвам. Ключе адресует свою иронию, доходящую до сарказма, беспощадной и бесчеловечной военной системе германского милитаризма, первым похоронным колоколом которой был Сталинград. И в то же время, рассказывая языком документов и фактов страшную по своей конечной бессмыслице историю сталинградского котла, он дает представление о той мере стойкости, которая требовалась от заведомо обреченных рядовых участников этой трагедии для того, чтобы она продолжалась так долго, даже когда сопротивление казалось уже невозможным.

Ключе жалеет и не может не жалеть этих рядовых участников трагедии, трагизм положения которых тем острее, чем бессмысленнее их жертвы. И сама стойкость этих людей, за шаг до гибели, становится в книге как бы дополнительным обвинением, брошенным в лицо безликой и одновременно многоликой — от Гинденбурга до Гитлера и от Бломберга до Хойзингера, — беспощадной и самоубийственной машине германского милитаризма.

Я несколько раз употребил слово «самоубийство». При этом следует, однако, подчеркнуть, что война против Советского Союза была первоначально задумана Гитлером и германским генеральным штабом отнюдь не как самоубийство, а как убийство.

И стала она самоубийством не в силу каких-то фатальных причин, а в силу того, что наш народ не позволил ни убить себя, ни сделать из себя раба. Отступив до Сталинграда, он через два с половиной года после этого дошел до имперской канцелярии Гитлера в Берлине и до штаб-квартиры германского генерального штаба в Цоссене. Дошел — и этим надолго поставил крест на завоевательных планах германского милитаризма. Надолго, но не навсегда. И книга «Описание одной битвы», как мне кажется, очень своевременно напоминает нам об этом. Бдительность в таких делах всегда своевременна. Она не исключает возможности возникновения войн, но, будучи вовремя проявлена, иногда способна их предупредить.

На мой взгляд, книга Александра Ключе необыкновенно интересна не только по своему содержанию, но и по своей форме. Метод использования самых разнообразных документальных материалов, который избрал автор, заставил меня еще раз задуматься над безграничными возможностями той современной документальной прозы, которая в последние годы завоевывает себе и у нас, и за рубежом все более широкие круги читателей.

Константин Симонов

И будущее, к сожалению, уже не то, каким оно когда-то было.

Поль Валери

В книге этой рассказывается о том, как была организована одна известная катастрофа. Речь идет о катастрофе под Ст. Причины ее зародились, может быть, тридцать дней, а может быть, и триста лет назад. Фамилии и географические названия, примелькавшиеся из-за частого упоминания, сокращены или изменены.

Александр Ключе

I. СВОДКИ ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ *

Вторник, 10 ноября 1942 г.

В Ст. — действия штурмовых групп.

Среда, 11 ноября 1942 г.

В Ст. — оживленная деятельность штурмовых групп.

Четверг, 12 ноября 1942 г.

В Ст. ожесточенными атаками штурмовых групп противник выбит из многих кварталов и опорных пунктов. Полевая и зенитная артиллерия потопили на Волге пять больших катеров и барж. Авиация нанесла мощные удары по артиллерийским позициям и путям подвоза восточнее Волги.

Среда, 18 ноября 1942 г.

Без перемен.

Суббота, 21 ноября 1942 г.

Южнее Ст. и в Калмыцких степях крупные силы противника при поддержке танков перешли в наступление. Нашими войсками была уничтожена одна моторизованная часть противника. В низовьях Дона германские войска продолжают вести упорные оборонительные бои. Прорвавшийся через наши позиции усиленный кавалерийский полк был окружен и уничтожен.

Воскресенье, 22 ноября 1942 г.

В районе южнее Ст. и в большой излучине Дона продолжаются ожесточенные оборонительные бои. Наши войска в ходе контратаки захватили 600 пленных и уничтожили 25 танков. Кроме того, 20 и 21 ноября одной танковой дивизией было уничтожено 36 советских танков. Германская авиация поддерживала боевые действия наземных войск и, совершая непрерывные налеты на исходные позиции танковых частей, пехотных соединений, районы выгрузки и автоколонны, нанесла противнику большие потери. Штурмовые группы захватили в Ст. еще несколько мощных опорных пунктов и отбили на другом участке вклинившиеся советские части.

Понедельник, 23 ноября 1942 г.

В районе южнее Ст. и в большой излучине Дона германские соединения при поддержке крупных сил тактической авиации продолжают вести тяжелые оборонительные бои.

При временном улучшении погоды на центральном участке наши бомбардировщики совершали налеты на артиллерийские позиции и расположения войск противника.

Вторник, 24 ноября 1942 г.

Южнее Ст. и в большой излучине Дона советские войска, несмотря на большие потери в живой силе и технике, вклинились в нашу полосу обороны. Соответствующие контрмеры приняты. За последние два дня в ходе ожесточенных боев с переменным успехом было уничтожено несколько сот танков противника. Соединения германской авиации, несмотря на неблагоприятную погоду, непрерывно поддерживали сухопутные войска. В самом Ст. велись только бои местного значения.

* В этой главе автор день за днем воспроизводит официальные сообщения германского главного командования со Сталинградского фронта с 10 ноября 1942 г. по 3 февраля 1943 года. Разумеется, они искажают действительный ход событий — более месяца, например, в сводках замалчивался факт окружения нашими войсками 22 гитлеровских дивизий. Как увидит читатель, содержание этих сводок убедительно опровергается в книге А. Ключе — опровергается документально, при всем том, что сама документация, к которой он обращается, естественно, требует к себе критического отношения советского читателя.

Среда, 25 ноября 1942 г.

Юго-западнее Ст. и в большой излучине Дона противник продолжал атаки крупными силами пехоты и танков. Эффективную поддержку нашим обороняющимся войскам оказывали крупные соединения тактической авиации.

Четверг, 26 ноября 1942 г.

В междуречье Волги и Дона, а также в большой излучине Дона противник продолжал наступление крупными силами пехоты и танков. В ожесточенных боях были отбиты все атаки. Противник снова потерял большое количество танков. В результате налетов нашей авиации советские войска понесли большие потери в живой силе, тяжелом оружии и различных транспортных средствах. Вчера в Ст. были отбиты все вражеские атаки.

Пятница, 27 ноября 1942 г.

Все атаки пехоты и танков противника в междуречье Волги и Дона были отбиты вчера нашими войсками благодаря их необычайно высокому боевому духу. Уничтожено 55 советских танков. Соединения пикирующих бомбардировщиков нанесли противнику сокрушительные удары. На Волге в районе Ст. потоплено два моторных судна.

Суббота, 28 ноября 1942 г.

В междуречье Волги и Дона, в большой излучине Дона и в Ст. в ходе ожесточенных боев были снова отбиты крупные атаки противника. Зенитная артиллерия и штурмовая авиация, эффективно поддерживая действия наземных войск, уничтожили 34 советских танка. По имеющимся данным противник потерял между Волгой и Доном за период с 20 по 27 ноября 319 танков. Кроме того, было повреждено 26 орудий и захвачено более 2 000 пленных.

Среда, 2 декабря 1942 г.

В междуречье Волги и Дона советские войска, понеся значительные потери, предпринимали более слабые атаки. В большой излучине Дона наступление противника было отбито нашей контратакой. Скоростные итальянские и тяжелые германские бомбардировщики наносили удары по войскам противника в среднем течении Дона.

Четверг, 3 декабря 1942 г.

Предпринятые вчера противником атаки крупными силами пехоты и танков между Волгой и Доном также разбились об упорное сопротивление германских войск. При поддержке авиации наши войска нанесли противнику огромные потери; подбито 60 танков.

Суббота, 5 декабря 1942 г.

В междуречье Волги и Дона 4 декабря советские войска вновь предпринимали безуспешные атаки, поддержанные крупными танковыми соединениями. 75 танков было уничтожено, 13 — подбито. Противнику нанесены также большие потери в живой силе и технике. Мощной атакой наших танковых войск были разгромлены танко-кавалерийские части противника; захвачено 2 000 пленных и 14 орудий. Итальянские разведгруппы добыли на Донском фронте важные сведения.

Среда, 9 декабря 1942 г.

Новые попытки советских войск прорвать наши позиции на Восточном Кавказе и в районе между Волгой и Доном вчера были отражены с большими для противника потерями. Захвачены пленные и трофеи. В результате контратак в большой излучине Дона наша мотопехота без потерь со своей стороны выбила противника с его позиций, подбито 46 советских танков.

Четверг, 10 декабря 1942 г.

В междуречье Волги и Дона были окружены и уничтожены прорвавшиеся части противника. На других участках советские войска в ходе безуспешных атак несут большие потери. Только на данном участке фронта за 8 и 9 декабря противник потерял 104 танка. Несмотря на упорное сопротивление, наши пехотные и танковые части отбросили противника в большой излучине Дона, отбили его контратаки и уничтожили 16 танков.

Понедельник, 14 декабря 1942 г.

В... районах южного участка фронта продолжались исключительно ожесточенные бои с крупными силами противника. Наши танковые соединения, двигавшиеся из района юго-западнее Ст., разгромили крупную вражескую группировку. Противник предпринял неудачные контратаки, потеряв при этом более 20 танков. В ходе проведенного за последние дни рейда по Калмыцким степям в тыл противника было захвачено большое количество пленных и значительно нарушены коммуникации противника.

Вторник, 22 декабря 1942 г.

В Ст. противник, предприняв атаку через Волгу, пытался закрепиться, но был отброшен в ожесточенном ближнем бою. Оборонительные бои в среднем течении Дона продолжаются с неослабевающей силой.

Пятница, 25 декабря 1942 г.

В течение вчерашнего дня наши героически сражающиеся войска, поддержанные вновь введенными соединениями, перешли на нескольких участках в районе Дона в контрнаступление. В ожесточенных боях они уничтожили моторизованные и танковые части противника, пытавшиеся прорваться в наш тыл через стыки во вновь организованной полосе обороны.

Вторник, 29 декабря 1942 г.

В междуречье Волги и Дона и в большой излучине Дона в ожесточенных оборонительных боях были отбиты новые атаки противника. Окруженная несколько дней назад вражеская группировка была уничтожена. С 24 декабря на данном участке нашими войсками при поддержке авиации было уничтожено или захвачено 65 танков, 30 орудий, большое количество тяжелого и легкого пехотного оружия и другая военная техника, а также захвачено большое число пленных. Потери противника убитыми превышают в несколько раз количество пленных. В оборонительных боях в большой излучине Дона особенно отличилась итальянская дивизия «Джулия».

Пятница, 1 января 1943 г.

В районе Терека, в Ст. и в большой излучине Дона противник, продолжая свои безуспешные атаки, понес большие потери; подбито 33 танка.

Воскресенье, 3 января 1943 г.

В районе Дона продолжаются тяжелые оборонительные бои. По всему фронту противник был отбит и потерял 38 танков. В боях особенно отличилась 6-я танковая дивизия.

Пятница, 8 января 1943 г.

В районе среднего течения Дона и северо-западнее Ст. наши войска продолжали вчера вести тяжелые, успешные оборонительные бои с крупными силами советских пехотных и танковых войск. На различных участках противник был отброшен контратаками и понес большие потери; уничтожено 32 танка.

Понедельник, 11 января 1943 г.

На Северном Кавказе, в районе Ст. и на Дону в тяжелых боях были отбиты многочисленные атаки превосходящих сил советской пехоты и танков с большими для них потерями. Крупные соединения нашей авиации поддерживали действия наземных войск. Пехотные и танковые силы контратакой разгромили несколько частей противника. Уничтожено и подбито 136 танков, из них только в районе Ст. 60. Истребительная авиация сбила 20 советских самолетов, потеряв только два.

Вторник, 12 января 1943 г.

В районе Ст. и на Дону противник продолжал наступление на прежних направлениях, вводя в бой новые крупные силы. В ожесточенных боях, неоднократно переходя в контратаку, наши войска отбили противника, уничтожив 63 танка, из них только 45 в районе Ст. В ходе контратаки была окружена и уничтожена вражеская стрелковая дивизия и захвачено более 1 000 пленных. В большой излучине Дона один только германский танковый корпус подбил и уничтожил, начиная с 6 декабря 1942 г., 511 советских танков.

Суббота, 16 января 1943 г.

В районе Ст. наши войска, ведущие уже несколько недель героические оборонительные бои с наступающим со всех сторон противником, вчера также отбили атаки крупных соединений пехоты и танков, нанеся врагу серьезный урон. Командование и войска показали тем самым блестящий пример героизма германского солдата.

Среда, 20 января 1943 г.

Несмотря на огромные лишения, войска, обороняющиеся в Ст., прочно удерживали свои позиции, отбив все атаки противника.

Пятница, 22 января 1943 г.

Наша группировка в Ст., окруженная тесным кольцом противника и оказывающая ему упорное сопротивление, вчера продолжала вести тяжелые бои с превосходящими силами наступающих советских войск. Несмотря на героическое сопротивление, частям, обороняющим Сталинград, не удалось предотвратить прорыва с западного направления, что вынудило наши войска перенести свои позиции на несколько километров вглубь. Было уничтожено значительное количество советских танков. В большой излучине Дона и в его среднем течении по-прежнему продолжаются тяжелые бои с переменным успехом.

Воскресенье, 24 января 1943 г.

В Ст. обстановка усложнилась вследствие дальнейшего вклинения крупных сил противника с запада. Несмотря на это, наши войска по-прежнему стойко удерживают постепенно суживающееся кольцо обороны вокруг города, показывая тем самым блестящий пример героизма германского солдата. Своими доблестными действиями они сковывают крупные неприятельские силы и уже несколько месяцев подряд парализуют коммуникации противника на одном из важнейших участков.

Понедельник, 25 января 1943 г.

Героически и самоотверженно сражаясь с превосходящими силами противника в Ст., бессмертной славой покрыла свои знамена 6-я армия.

Вторник, 26 января 1943 г.

Войска, обороняющиеся в Ст., объединились на небольшом участке в южной и центральной частях городских руин. Под командованием своих генералов они продолжают оказывать героическое сопротивление, получая, несмотря на исключительно неблагоприятные летные условия, всемерную поддержку авиации.

Среда, 27 января 1943 г.

Боеспособные еще части 6-й армии прочно засели в руинах Ст. Мобилизовав все имеющиеся средства обороны, они отражают непрерывные советские атаки с земли и с воздуха и тем самым сковывают силы нескольких советских армий. В ожесточенных боях разгромлена прорвавшаяся в город часть противника.

Четверг, 28 января 1943 г.

В Ст. войска продолжают оказывать противнику героическое сопротивление. Атаки советских войск в западном и южном секторах города захлебнулись.

Пятница, 29 января 1943 г.

В Ст. противник продолжает на южном участке ожесточенные атаки, которые сдерживаются нашими обороняющимися частями, несмотря на страшные лишения и многократное превосходство противника в силах.

Суббота, 30 января 1943 г.

В Ст. все по-прежнему. Мужество обороняющихся войск не сломлено.

Воскресенье, 31 января 1943 г.

В Ст. противник, подтянув со всех сторон свои войска к нашим оборонительным позициям, нанес концентрированный удар. Южная оперативная группа, героически сражающаяся под личным командованием генерал-фельдмаршала П.*, была зажата на небольшом участке в здании универмага и теперь оказывает последнее сопротивление. В северной части города обороняющиеся войска во главе с командиром 11-го армейского корпуса отбивают атаки противника на западном участке Тракторного завода.

Понедельник, 1 февраля 1943 г.

В Ст. южная группа 6-й армии под командованием генерал-фельдмаршала П. после более чем двухмесячной героической обороны под натиском превосходящих сил противника сложила оружие. Северная группа под командованием генерала пехоты Штр.** продолжает прочно удерживать свои позиции. Переходя в контратаки, она отражает натиск противника. На остальных участках великой оборонительной битвы на востоке с неослабевающим ожесточением продолжают упорные бои.

Вторник, 2 февраля 1943 г.

В Ст. после мощной артиллерийской подготовки значительно превосходящие силы противника перешли в наступление на последний бастион обороняющихся войск — Тракторный завод. Ночью, после того, как наши героически сражающиеся части почти полностью израсходовали свои боеприпасы, врагу удалось на нескольких участках прорвать монолитную до того круговую оборону 11-го армейского корпуса.

Среда, 3 февраля 1943 г.

Сражение за Ст. окончено. 6-я армия под образцовым командованием генерал-фельдмаршала П. до последнего вздоха была верна своей присяге, однако неблагоприятное стечение обстоятельств и натиск превосходящих сил противника заставили ее сложить оружие. Еще не настало время анализировать ход операций, приведших к подобному развитию событий. Но одно уже можно сказать сегодня: жертвы 6-й армии были принесены не напрасно. Выполняя свою историческую миссию, она в течение нескольких месяцев сдерживала натиск шести советских армий. Окруженная плотным кольцом противника, испытывая небывалые лишения, она на протяжении последующих недель продолжала в тяжелых боях сковывать крупные силы врага, предоставив тем самым германскому командованию время и возможность принять контрмеры, от реализации которых зависела судьба всего Восточного фронта. Решая поставленную перед ней задачу, 6-я армия продержалась до тех пор, пока авиация, несмотря на героические усилия и огромные потери, оказалась не в состоянии обеспечить доставку по воздуху необходимых грузов, а возможность прийти на выручку окруженным войскам, постепенно уменьшаясь, не исчезла вовсе. Гордо были отвергнуты два предложения противника о сдаче. Знамя со свастикой, поднятое на одну из самых высоких руин Ст., развевалось над полем последней битвы. До последнего патрона сражались плечом к плечу генералы, офицеры, унтер-офицеры и рядовые. Они погибли, чтобы жила Германия. Несмотря на лживые измышления большевистской пропаганды, их пример будет жить в веках. В настоящее время дивизии 6-й армии возрождаются.

* П. — Паулюс.

** Штр. — Штрекер.

II. ПОДГОТОВКА МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ПРЕССЫ

(Ежедневный инструктаж имперского руководителя печати)

Понедельник, 23 ноября 1942 г.

№ 302/42

В порядке информации:

- а) Ни в коем случае не следует упоминать в газетных заголовках сообщение из сегодняшней сводки главного командования вооруженных сил о тяжелых оборонительных боях в районе Ст.
- б) День рождения Франко...
- в) Пока что в газетах не следует публиковать сообщения из-за границы, содержащие письма немецких военнопленных из Советской России, ждатель установок на этот счет.

Вторник, 24 ноября 1942 г.

№ 303/42

1. ...Антикоминтерновский пакт...
2. Комментарий обстановки в районе южнее Ст. и в большой излучине Дона, пока не станет ясен исход операций, следует ограничить указанием на тяжесть оборонительных боев.
3. В порядке информации:
 - а) Содержащиеся в сводке главного командования сведения о тяжелых оборонительных боях на Востоке в прессе подробно не освещать, однако информацию можно снабдить заголовками на две колонки.
 - б) По этому поводу напоминаем директиву, запрещающую давать сообщения о новом зимнем обмундировании для наших солдат на Восточном фронте. Нельзя также перепечатывать статью из журнала «Наши сухопутные войска» от 24 ноября о новом зимнем снаряжении.

Четверг, 26 ноября 1942 г.

№ 305/42.

Сообщение о тяжелых оборонительных боях на Востоке давать, как и раньше, под заголовками на две колонки.

Суббота, 5 декабря 1942 г.

№ 313/42

Военная обстановка на Востоке характеризуется существенными успехами, достигнутыми нашими войсками в ходе тяжелых оборонительных боев. Однако принятого до сих пор сдержанного тона изложения обстановки на всех фронтах не следует менять.

Среда, 9 декабря 1942 г.

№ 316/42

1. Сообщение об успешных наступательных боях на центральном участке Восточного фронта, содержащееся в сводке главного командования, заслуживает быть особо выделенным.

Разъяснения:

2. Внимание газет обращается на то, что под понятием «выделить» не следует подразумевать широкого освещения; на первых полосах давать только сообщения об успешных наступательных боях на центральном участке Восточного фронта, содержащиеся в сводке главного командования.

Пятница, 11 декабря 1942 г.

№ 318/42

Специального выделения заслуживает сообщение об успешных оборонительных боях на Восточном фронте, приведших к окружению вражеской группировки на центральном участке фронта и к уничтожению 1662 советских танков.

Вторник, 22 декабря 1942 г.

№ 328/42

О продолжающихся тяжелых оборонительных боях между Волгой и Доном сообщать в соответствии со сводкой главного командования. При этом следует подчеркнуть тяжелые потери большевиков, особенно в танках.

(В последующие дни не было никаких прямых или косвенных упоминаний о Ст.)

Вторник, 5 января 1943 г.

№ 5/43

Целесообразно выдвинуть снова на передний план сообщения о тяжелых оборонительных боях на различных участках Восточного фронта.

Пятница, 22 января 1943 г.

№ 21/43

1. В предстоящих воскресных выпусках следует, обращаясь к читателям, указать на серьезность боев на Восточном фронте и на необходимость решительного повышения производительности труда в тылу, а также со всей убедительностью показать, что война требует от всех огромного напряжения сил для достижения победы.
2. В порядке информации:
Используйте регулярно пропагандистские лозунги, как например:
«Победа или большевизм!»
«Тотальная война — это мобилизация всего народа!»
«Только твердая воля побеждает судьбу!»
«Тотальная война — все силы для победы!»

Суббота, 23 января 1943 г.

№ 21/43 (дополнение)

1. В связи с предстоящим введением трудовой повинности для женщин и другими организационными мероприятиями по ведению тотальной войны, показать, что великие жертвы во имя германской нации, героически приносимые окруженными в Ст. германскими войсками, станут моральным стимулом, который приведет весь немецкий народ к истинно героическим деяниям, еще более укрепляя его волю к победе и к напряжению всех сил. При этом на долю немецкой прессы выпадает особая публицистическая задача. Страстным описанием беспримерной самоотверженности героев Ст. побудить всех до единого соотечественников вступить в ряды Великого фронта борьбы, а также закалить нашу волю к победе. Руководству редакций следует подготовиться к этим серьезным мероприятиям, которые продлятся по 30 января включительно, с тем, чтобы, получив ожидаемые воззвания и сводки, обеспечить необходимые эффективные материалы.

В редакционных статьях воскресных выпусков следует подчеркнуть, что немецкий народ всеми своими помыслами с героическими бойцами в Ст.

2. Разъяснение к пункту 1:

Пункт 1 инструктажа за исключением последнего абзаца дается только для информации. Категорически запрещается помещать какие-либо сообщения о введении трудовой повинности для женщин и о других организационных мероприятиях до получения официальных данных.

Воскресенье, 24 января 1943 г.

№ 22/43.

В порядке информации:

Достойным образом продолжать освещать героический эпос Ст.

Дата неразборчива.

№ 24/43

По-прежнему на первом плане — героическая борьба в Ст.

Четверг, 28 января 1943 г.

№ 26/43

1. На первых полосах утренних газет в пятницу дать сообщение о введении трудовой повинности для мужчин и женщин. На прессу возлагается при этом задача убедительно разъяснить и всемерно подчеркнуть национальное и военное значение этого мероприятия, проводимого для тотальной мобилизации. На отчаянный большевистский натиск на Востоке весь немецкий народ отвечает решительными действиями, которые обеспечат ему и впредь превосходство над врагами. Как в заголовках, так и в самом изложении следует особенно подчеркнуть, что речь идет об обязательствах перед нашими героическими солдатами.
2. По-прежнему уделять достойное внимание тяжелым боям на Восточном фронте. Для более наглядного описания продолжающейся героической битвы в Ст. следует прежде всего использовать наиболее интересные отклики из европейской прессы.

Пятница, 29 января 1943 г.

№ 27/43

1. Все газеты 30 января 1943 г. выпустить под лозунгом исключительной решимости и твердой уверенности в победе, подав его как яркий, захватывающий призыв ко всем нашим соотечественникам.
2. Речь рейхсмаршала, которая будет произнесена, вероятно, 30 января, следует печатать только по тексту германского информбюро; отклики — отовсюду.

Суббота, 30 января 1943 г.

№ 28/43 (1-е дополнение).

Так как поступление текста речи рейхсмаршала, обращенной к вооруженным силам, ожидается несколько позже, просьба пока что публиковать достойные отклики с косвенным изложением содержания речи.

№ 28/43 (2-е дополнение).

В порядке информации:

- а) Газетам рекомендуется наилучшим образом подать сообщение о присвоении защитникам Ст.—генерал-полковнику П. звания генерал-фельдмаршала, а генералу артиллерии Гейтцу—звания генерал-полковника; сообщение германского информбюро подкрепить биографическими данными и фотоснимками.
- б) При перепечатке откликов иностранной прессы о Ст. выделять все то, что свидетельствует о героизме, стойкости и солдатской дружбе. Было бы неправильным давать формулировки, подобно следующей: «Герои Ст., стоящие насмерть, отдают свои жизни».
- в) Учитывая обстановку в Ст., спортивный раздел всех газет в понедельник необходимо отнести на задний план. Спортивные сообщения снабдить только деловыми заголовками.

Понедельник, 1 февраля 1943 г.

№ 29/43

1. О героической гибели южной группировки в Ст. сообщить только по получении текста сводки главного командования. Достоинно излагая это событие, следует иметь в виду, что более крупная группировка в северной части города продолжает оказывать героическое сопротивление.

Вторник, 2 февраля 1943 г.

№ 30/43

Достоинным образом освещать обострившуюся обстановку в Ст.

Среда, 3 февраля 1943 г.

№ 31/43

1. Героическая битва за Ст. окончена. Многодневным трауром весь немецкий народ почитает память своих сыновей, сражавшихся до последнего вздоха и последнего патрона; они выполнили свой долг, разбив основные силы большевистских войск на Восточном фронте. Героическая битва за Ст. станет отныне величайшим эпосом немецкой истории. Тем самым перед немецкой прессой поставлена одна из ответственных публицистических задач. На основании и в духе ожидаемого сегодня специального сообщения главного командования немецкая пресса должна изобразить это волнующее событие, затмевающее величайшие героические сражения мировой истории, и окружить этот возвышенный, благородный пример мужества и готовности к самопожертвованию во имя победы немецкого народа священным ореолом героизма. Пример самоотверженности солдат, сражавшихся в Ст., еще больше укрепит дух и силы немецкого народа, его волю к победе, добиваться которой он будет с еще более непреклонной решимостью.

2. Разъяснение к пункту 1.

Объявленный трехдневный траур в связи со специальным сообщением об окончании героической битвы за Ст. означает, что все увеселительные заведения на этот период должны быть закрыты, пресса же должна публиковать материалы, соответствующие этому героическому моменту. Упомянутое специальное сообщение следует подать как пример величайшего героизма, причем заголовки должны вытекать не столько из текста сообщения, сколько из самого духа излагаемого материала. Передовица, написанная по поводу специального сообщения, должна определить план изложения всего материала. При оформлении газет следует учесть следующее:

- а) Газеты выходят без траурной рамки. На первой странице для подкрепления излагаемого материала можно поместить несколько иллюстраций героического содержания.
- б) Весь номер должен быть построен в духе первой страницы. Это значит, что в течение трех дней следует помещать только серьезные материалы, без разделов спорта и юмора. Поскольку в течение этих дней будут публиковаться материалы героического звучания, желательно не допускать траурных ноток; воспевать героизм наших солдат в Ст. следует, однако, в мужественном национал-социалистском стиле, без громких фраз и сентиментов. Раны, которые нанесла многим немецким семьям жертвенная гибель солдат, зарубцуются. Героическая же битва за Ст. переживет века. Задача немецкой прессы—достоинно осветить это событие. Немецкие журналисты должны вписать новые строки в мировую историю и создать миф о Ст., который придаст силы грядущим поколениям немецкого народа и обяжет его на новые подвиги. Внимание газет обращается на то, что с военной точки зрения еще не настало время для анализа тактических и оперативных действий, приведших к подобной обстановке в Ст. Это распространяется и на передовые статьи.

Четверг, 4 февраля 1943 г.

№ 32/43

По-прежнему сообщать о героических жертвах солдат Ст. как о большом обязательстве германской нации и тем самым выражать мнение народа. Излагая это, пресса призвана выражать твердую уверенность в нашей победе.

Пятница, 5 февраля 1943 г.

№ 33/43

К концу недели газеты снова будут заниматься обычной публицистической деятельностью, подчеркивая твердую решимость германской нации добиться победы. В передовых статьях, особенно воскресных выпусков, следует подвести итог героическим событиям предшествующих недель, на которые немецкий народ отвечает непреклонной решимостью продолжать войну. Именно пример борцов Ст., их солдатский героизм еще больше укрепят нашу твердую уверенность в победе и покажут, что Германия полна решимости развернуть новые силы.

Суббота, 6 февраля 1943 г.

№ 34/43

Итак, немецкая пресса заканчивает специальное освещение героических боев в Ст. признанием твердой решимости германского народа добиться победы.

Четверг, 11 февраля 1943 г.

№ 38/43

1. В настоящее время готовится к печати брошюра с официальным изложением хода боевых действий под Ст. До ее выхода в свет запрещаются всякие публикации на эту тему, если они содержат какую-либо новую информацию или подробности операции.

2. Разъяснение к пункту 1.

Со стороны военных ведомств дается следующее указание: героическая битва под Ст. по своим психологическим и военным последствиям имеет такое принципиально важное значение, что освещать ее можно лишь в официальных сообщениях главного командования. Смысл и ход этого события должны быть разъяснены немецкому народу в брошюре, написанной на высоком публицистическом уровне. Поэтому все рассуждения, комментарии, различные передовые статьи, рассматривающие вопросы героических боев под Ст. или содержащие не опубликованные до сих пор подробности, временно печатать не следует.

Исключение при этом составляют только сводки главного командования, а также информация, пропущенная цензурой главного командования после 8 февраля. Материалы о Ст., имеющиеся в настоящее время в редакциях или те, которые будут поступать в будущем, следует сдавать в управление прессы на местах. О планах издания вышеупомянутой брошюры не сообщать.

(В последующих секретных информациях Ст. больше не упоминался.)

III. ДИРЕКТИВЫ ПО ВЕДЕНИЮ ВОЙНЫ В ЗИМНИХ УСЛОВИЯХ

(Из приложения № 2 к Уставу сухопутных войск)

Зимние условия.

Русская зима связана с продолжительными жестокими холодами (от -40°C до -50°C), часто перемежающимися оттепелью, снегопадами, буранами, туманом и плохой видимостью...

Защита от холода и снега.

Следует самым решительным образом предостеречь от употребления спиртных напитков для защиты от холода. Алкоголь расширяет кровеносные сосуды кожи и создает впечатление согревания. Его следует выдавать только в тех случаях, когда предстоит длительное пребывание в теплом помещении. Те, кому приходится выходить из помещения на воздух (часовые), не должны получать алкоголя.

Обмундирование и снаряжение.

Для ведения боевых действий на Востоке и на Севере в зимних условиях солдаты получают положенное им дополнительное зимнее обмундирование из имеющейся в нашем распоряжении одежды. Кроме того, войскам необходимо по собственной инициативе предпринимать все возможное для наиболее целесообразного использования зимнего обмундирования и особенно дополнительных подручных средств для борьбы с холодом.

Вспомогательные мероприятия для защиты от холода:

...Внутри каски положить фетровую подкладку — лучше всего верхнюю часть старой фетровой шляпы, в крайнем случае можно использовать носовой платок или газетную бумагу. Ремешок каски не затягивать, чтобы не нарушать кровообращения.

...Особенно чувствительны к морозу ноги. Чаше менять носки. Испытанным средством от обморожения являются стельки из соломы, ткани или бумаги, а также пучки соломы, нарезанные по размеру обуви, и обернутые вокруг ступни листы газеты (складки тщательно расправлять!).

...Мотоциклистам. Защищать грудь от встречного ветра прокладками из газет между рубашкой и курткой. Обертывать колени для защиты от холода несколькими

слоями мягкой газетной бумаги, лучше всего между кальсонами и носками, достающими до колен, чем предотвращается соскальзывание бумаги...

...Газетная бумага, сложенная в несколько слоев, представляет собой прекрасную защиту от холода. Поэтому необходимо постоянно иметь при себе достаточный запас газет.

В качестве подручных средств защиты от холода войскам выделяются в достаточном количестве следующие предметы: бумажные колпаки, бумажные жилетки, бумажные кальсоны, бумажные портянки, бумажные спальные мешки, бумажные прокладки. Все указанные предметы носить между нижним бельем и верхним обмундированием.

IV. ЭХО БИТВЫ В ПРОПОВЕДЯХ СВЯЩЕННИКОВ

Проповедь, прочитанная священником Н.

Жертвы войны

Бог сказал: «Возьми сына единственного твоего, которого ты любишь (Исаака), и пойди в землю Мориа, и там принеси его во всесожжение (на одной из гор, о которой я скажу тебе)». (Моис., 22.2).

В преддверии войны стоит колоссальный жертвенник. Неисчислимы дары, возлагаемые на него. Кто при этом не уповает на бога, тому полезно вспомнить о тех, кто больше страдал, и подумать над тем, как удалось им пережить свои страдания и не сломиться под их тяжестью. Священное писание знает достойных. Один из них — Авраам. Он должен был пожертвовать своим единственным сыном, которого любил.

1. Можно ли утверждать, однако, что Авраам страдал больше, чем те, кто получает сегодня печальные известия с поля брани: твой муж, твой жених, твой сын, твой брат погиб?! Да, Аврааму пришлось страдать больше.

Мы ДОЛЖНЫ были обнажить свой меч и освободить наших соотечественников из рук жестоких притеснителей. Сыны нашей отчизны ДОЛЖНЫ были идти в бой. Но там, где открываются врата войне, там прокладывается и дорога смерти. Так ДОЛЖНО быть. И в этой необходимости, несмотря на ее кровавую суровость, заключено нечто облегчающее.

Этого-то облегчения как раз и не было у Авраама.

Авраам САМ должен был принести в жертву Исаака; отец сам должен был положить руку на сына. Сколь тягостное требование! Никому из нас господь не предлагал подобного. И, наконец: знал ли Авраам о том, что следует за смертью, знал ли он о воскресении из мертвых и вечной загробной жизни? Представления его об этом были столь же смутными, сколь попытка разглядеть в предрассветные сумерки долину, окутанную густым белесым туманом.

Насколько же легче нам! Мы знаем того, кто лишил смерть ее могущества. Мы знаем, как он в хижине Иаира, на кладбище в Вифании и у врат Наима вырвал из когтей смерти ее жертвы.

Не пытайтесь возражать, что Аврааму все-таки было легче, ибо господь избавил его в конце концов от свершения тягчайшей обязанности. Нет, это вовсе не так. Внешнее послушание было не самым трудным. В борьбе с самим собой принять послушное решение: «Да, я действительно хочу по велению господина принести в жертву сына своего» — вот что было самым трудным.

2. Но если ему действительно было труднее, чем тем, кто сегодня приносит войне свои жертвы, как же сумел он нести это бремя? Он получил эту несказанно тяжкую ношу из рук господина. Непоколебима была его уверенность, и он говорил себе: «Господь приказал мне принести эту жертву». И он молча повиновался.

Вот этому-то и следует нам учиться у Авраама. К кому бы ни пришла с театра войны горестная весть — тот, кого ты любишь, пал на поле боя, — крепись и думай: «Это господь мой призывает меня, настал мой час принести авраамову жертву».

Мы знаем, что ни один волос не падет с головы нашей без воли божьей, можно себе представить, что уж жизнь человеческая не станет достоянием смерти, если господь того не пожелает. Пожелай он того, то кто мы, чтобы осмелиться и сказать: нет, я не согласен?! Неужели послушание наше разобьется о первую заповедь «И возлюби господина твоего» (превыше всего)? Неужели позволим мы посрамить себя язычникам, принимавшим героическую смерть храбрых сынов своих с радостной покорностью, повторяя про себя: «Как сладостно и почетно умирать за отечество»?

Проповедь, прочитанная священником Л.

Бог — убежище наше и защита

Смирись, так взывает к нам наш псалом, он призывает нас в этот трудный час, когда во всем мире и в сердцах наших бушует неистовая свирепая буря! Смирись, братья мои, те, кому пришлось покинуть семью свою, и дом, и отчизну и нести тяжкую службу за народ и отечество. Смирись, сестры и братья мои, кому пришлось проводить на поле брани своих мужей, отцов и братьев, чьи сердца разрываются от боли, а очи рыдают. Смирись: горе ваше не более велико, чем наш Спаситель. Сми-

ритесь и не бойтесь, ибо с нами бог наш, спасший нас и воззвавший к нам. Мы в руке его и спокойны, что ни смерть и ни жизнь, ни ангел, ни князь и никакое насилие, ни настоящее и ни будущее, ни высокое, ни низкое и никакая другая тварь, ни бомбы и ни гранаты, ни заградительный огонь, ни ядовитые газы не в состоянии отлучить нас от любви бога, господа нашего Иисуса Христа. «Смиритесь и познайте, я есть бог ваш», — говорит господь. И этот бог есть убежище наше. Господь наш — убежище наше. Сделаем отсюда в этот трудный час три вывода.

Средь неистовой мировой бури не испытаем страха и ужаса!

Средь бушующей бури народов бог — наш щит и оружие!

На войне и среди гибели бог — наша защита!

Первый наш вывод: среди неистовой мировой бури не испытываем страха и ужаса!

Мы и на самом деле не знаем, какие тяготы и ужасы, беды и страдания несет нам будущее. Кто из нас не вспоминал об ужасах 1914—1918 годов? Мы не знаем, какие раны и мучения уготованы нам. Мы знаем, правда, сколь сильна ныне Германия, не то что в 1914 году. Мы знаем, что у нас ныне совершенно иное вооружение и обширные запасы продовольствия, все у нас ныне совершенно иное, чем 25 лет назад. Мы знаем, что у нас сильное правительство, также совершенно иное, чем 25 лет назад. Все это мы знаем, и, однако, никто из нас не знает того, что нам предстоит. Мы сильны сейчас, как, быть может, ни один другой народ мира, и тем не менее мы знаем: мощь наша ничего не даст нам, и мы погибнем, если, да, если нам не поможет господь! Мы защищены мощным оружием, но кто даст нам гарантию, что все, кто ушел в поход, вернутся целыми и невредимыми, что те, кто ушел в поход, вообще все до одного вернутся? В самой жизни и на войне мы окружены смертью. Кого мы ищем, кто нам поможет, кто смилостивится над нами? Только один ты, господь! В 32-м псалме слово господне гласит: «Не спасется царь множеством воинства; исполина не защитит великая сила. Ненадежен конь для спасения, не избавит великою силою своею. Вот око господне над боящимися его и уповающими на милость его. Это он душу их спасет от смерти...»

Мы не знаем, что нас ожидает, но мы, христиане, знаем одно — это является нашей твердой нерушимой верой, которую познали мы через нашего господа Иисуса Христа. Мы знаем: будь что будет, бог — убежище наше и защита.

Да, бог — убежище наше и защита. Поэтому смиритесь и узнайте: я есть бог ваш. Смиритесь, братья мои, смиритесь, родители и жены, невесты и сестры, и вверьте себя тому, кто есть бог ваш, а он — ваше убежище и защита. Ибо сказал пророк: «Смирение и надежда укрепят дух ваш».

V. КАК ЖЕ ПРАКТИЧЕСКИ ПРОИЗОШЕЛ ПОЛНЫЙ РАЗГРОМ?

(В вопросах и ответах)

1-й офицер.

О. В начале декабря я еще находился в Берлине и, заканчивая там свою деятельность, имел возможность услышать о ст. котле из уст известного тогда эксперта. Этим известным экспертом был генерал-майор Шм. Информация состоялась 6 или 8 декабря. Генерал Шм. впервые сообщил нам о положении вещей и о некоторых подробностях котла и также изложил намерения германского главного командования по этому поводу.

В. Эта беседа состоялась в каком-нибудь центральном военном учреждении?

О. Нет, это был доклад о положении на фронте для слушателей офицерских курсов, на которых я тогда учился, и среди прочего был затронут вопрос о Ст. Точка зрения Шм. была довольно интересной. Он полагал, что имеются благоприятные исходные позиции для двустороннего охвата Ст. с юга и с севера с целью окружения готовящихся там к наступлению русских войск. Все это, как мы считаем, было вполне в рамках возможного. Интересовало нас его сообщение только потому, что Шм. был убежден, что дивизии, находящиеся в котле, смогут выдержать несколько месяцев, используя имеющиеся у них запасы. Но те из нас, кто сам участвовал в наступлении через Калмыцкие степи и в междуречье Волги и Дона, знали, как выглядят в действительности эти дивизии. И все же мы думали, что командование в Берлине узнает об истинном положении вещей, так как мы всегда питали к нему большое доверие.

В Харькове я просидел на аэродроме два дня. Как раз в это время войска противника вклинились на севере Донского фронта, на участке итальянской армии. Затем я полетел дальше в Р., а из Р. в Н. На аэродроме в Н. 4 января царил полная неразбериха. Зима, впрочем, была не очень-то суровой. Погода стояла мягкая, сырая. Мы, уже привыкшие к России, воспринимали события не очень трагично и думали, что все обойдется. В котел я вылетел на «хейнкеле-111», примостившись между хлебом и боеприпасами. Добраться к пулеметам вряд ли удалось бы, весь фюзеляж был забит, ведь приходилось использовать каждый квадратный сантиметр, чтобы взять больше груза.

В. Полет был групповой?

О. Нет, одиночный. Групповых тщательно избегали, вероятно, они были нецелесообразны. Каждая машина, как только была готова, немедленно стартовала.

В. А истребителей вы не видели?

О. Видел, но затем мы снова нырнули в плотные облака. Только когда подлетели к Ст. и стемнело, а облака рассеялись, мы увидели внизу линию фронта, обозначенную частично огнем пехоты, а частично сигнальными ракетами и огнем артиллерии. Весь котел, диаметр которого составлял в то время примерно 50 км, просматривался довольно ясно. Приземлились мы в абсолютной темноте. И сразу же вслед за приземлением на наши головы посыпались бомбы.

В. Это было в Басаргино?

О. Да, это был аэродром в Басаргино. Собственно, в Басаргино работа была организована нормально. Там имелись погрузочные команды, которые располагались на краю аэродрома. Абсолютно ни у кого не было никаких особых предчувствий или, боже упаси, каких-либо сомнений насчет благополучного исхода.

В. Итак, рассказы о том, что Гум.* был якобы усеян сбитыми машинами и что раненые не могли дожидаться эвакуации, не соответствовали действительности. Такая обстановка создавалась позже?

О. Да, в крайней форме это проявилось позже. Конечно, вокруг валялось несколько сбитых машин, их убирали. Раненые располагались частично в землянках, а частично в палатках, так что их тоже не было видно. Во время посадки никто не штурмовал самолеты. О своем прибытии каждый докладывал начальству, а пилот немедленно готовил машину к старту.

В. И это было после 4—5 января?

О. Я думаю, это было 4.

2-й офицер.

О. Я прибыл в дивизию, которая находилась неподалеку от аэродрома Б. на отдыхе. Дивизия, собственно говоря, давно уже была не дивизией, так как половина ее осталась за пределами котла вместе со всеми тылами. В котел попало лишь несколько подразделений танкового полка. Практически мы были, если можно так выразиться, полудивизией, и от этой полудивизии осталось всего две трети. А от этих двух третей танковый полк был представлен одной третью. Артиллерийский полк был в полном составе, но не мог быть использован по назначению. Все орудия вместе с тягачами были расставлены, как на учебном полигоне, ибо не было ни горючего, ни снарядов. Из двенадцати батарей удалось составить одну-единственную. Дивизия находилась в резерве и из штаба армии получила задание в ближайшие дни (6.1) сформировать так называемые «крепостные» батальоны. Задача состояла в том, чтобы объехать отдельные дивизии котла и выяснить, где еще сохранился основной костяк подразделения... Эти сколоченные заново батальоны наскоро обучали, насколько это было возможно в данной обстановке, чтобы люди хотя бы знали друг друга и имели представление, кто выполняет какие функции, а затем их передавали в распоряжение армии.

4-й офицер.

О. Вначале можно еще было удержать вклинивающиеся войска противника. Однако натиск их был такой, что, как мы полагали, долго он продолжаться не мог... Мой генерал и я получили задание выехать на юг, в дивизию генерала П.**, чтобы консультировать его как танкисты. Мы прибыли туда около шести часов вечера. Командир дивизии был человек пожилой. Но у него был бравый молодой подполковник. В землянке мы просидели без дела два часа, наблюдая, как эти два человека, имея в своем распоряжении всего один телефон и одного комбата где-то на переднем крае в степи, который передавал только сообщения о критических ситуациях, оперировали остатками своей дивизии. Причем не полками и не батальонами, а просто двумя отделениями — половиной взвода, одной противотанковой пушкой и одним штурмовым орудием. Но этот подполковник В., которого я и по сей день помню, обладал необыкновенной сообразительностью и спокойствием. На каждое донесение, которое поступало с переднего края и было одно мрачнее другого, он всегда немедленно находил ответ, подсказывал, как выйти из того или иного положения. За эти два часа, которые мы там провели, произошел разгром дивизии, всего в пяти или шести километрах от нас. Неожиданно прибыл резервный батальон, а вернее — один обер-лейтенант и сто пятьдесят рядовых. Обер-лейтенант доложил, что он прибыл с людьми для того, чтобы задержать надвигающуюся катастрофу. Генерал его радостно приветствовал, но тут же спросил: «Что с вами? Вы еле стоите?» На что обер-лейтенант ответил, что у него температура 39°, да еще ранение. «Ну, а где ваши люди?» — «Они здесь, среди них есть легко обмороженные и даже больные. Я был бы очень благодарен, если бы мы получили что-нибудь поесть, так как за последние два дня мы съели только по двести граммов хлеба. Прежде чем мы отправимся дальше, я просил бы накормить людей».

Им выдали немного продовольствия, и они ушли. Что с ними стало, я не знаю. Вероятно, их где-нибудь всех перебили. Мы же вернулись к себе.

* Гум. — Гумрак.

** П. — Пфейфер.

5-й офицер.

О. 13 или 14 января фронт приблизился к нашим позициям в деревне Д. Из штаба армии пришел приказ дальше не отступать, ведь все равно нет смысла. Нам было совершенно ясно, что на этом участке нас ждет конец. Первым делом мы заморозили все автомашины, залив в радиаторы воду. Из орудий мы вынули замки и тоже налили в стволы воду. Мы заливали воду куда только можно было. Затем мы покинули землянки. Потом, часов через 12 или 15, неожиданно пришел приказ, отменяющий ранее присланное распоряжение: дивизии отойти на противоположную сторону железнодорожной линии, где предполагалось занять оборонительный рубеж.

7-й офицер.

О. Все это время мы пытались любым способом вывезти из котла технических специалистов. Речь шла главным образом о танковых экипажах, автослесарях и личном составе мастерских. Мы понимали, что нецелесообразно бросать в бой с винтовкой в руках танковый экипаж, который уже сработался и в течение двух лет прошел через всю Европу.

8-й офицер.

О. Поздно вечером мы получили приказ сосредоточиться в центре города. В то время я был командиром дивизии, вернее, ее остатка, примерно из 250 человек. Точного места мне не указали, приказ гласил: «Сосредоточиться в центральной части Ст. и наладить связь со штабом армии». Получив указание, я выбрал на карте точку, которая бросилась мне в глаза,— это была Красная площадь*. Я подумал: вот чудесный прямоугольник, и расположен в центре, значит, туда и пойдем.

В. И сколько времени продолжался ваш поход?

О. Мы шли туда примерно 6—7 часов.

В. И что было там?

О. На Красной площади мы нашли два подвала, в которых смогли разместиться почти все, сколько нас еще оставалось. Это было важно, потому что мы стали по меньшей мере целым подразделением.

В. Штаб армии размещался в универмаге?

О. Да, напротив нас.

В. Что вы можете рассказать о нем?

О. Это большое угловое здание, и путь к нему был довольно опасным. От площади в сторону Волги и речки Царицы вели открытые улицы; эти улицы просматривались — поэтому Красная площадь находилась под обстрелом. Но там стояло несколько трамвайных вагонов и будок, можно было, пробежав 20 метров, укрыться на короткое время. И вот я побежал к зданию штаба армии. Вход в него был со двора, двор же был открыт с севера. Если я правильно припоминаю, там был пологий спуск для грузовиков. Он переходил в коридор, который вел дальше в длинный подвал. Почти в самом конце его была комната фельдмаршала фон П.

9-й офицер.

В. Говорят, что 30 января над городом состоялся воздушный парад?

О. Да, это было 30 января. В день десятой годовщины победы национал-социализма. Конечно, русским было бы очень важно именно в этот день овладеть Ст. В этот день, кажется, под вечер, но, может, это было и утром, над нами появилась армада самолетов. Стояла ясная, солнечная зимняя погода. Они появились над Красной площадью, над руинами, за которые мы еще цеплялись, и пролетели парадным строем. Число их точно я не могу назвать. Может, их было шестьдесят, восемьдесят, а может и сто. Пролетая на высоте примерно 500 метров, так, чтобы мы не могли достать их из своих винтовок, а ничего другого, кроме винтовок, у нас в то время уже не было, они даже не открыли своих бомбовых люков, а просто, как в мирное время, пролетели парадным строем раз или два над Красной площадью. Это произвело подавляющее впечатление на окруженные войска. Получилось так, что русские не считали даже необходимым использовать свои самолеты для каких-либо боевых действий, ради того, чтобы продемонстрировать свое превосходство в воздухе. Раскройся сейчас хотя бы один бомбовый люк и выпади оттуда хотя бы одна или две бомбы, мы бы по крайней мере видели, что еще что-то значим для противника.

10-й офицер.

О. На Волжском фронте, как и раньше, было абсолютно спокойно. Никаких попыток выйти из окружения мы не предпринимали, потому что на этот счет не было приказа.

В. А не известно ли вам об отдельных попытках выбраться из котла по льду?

О. Известно. В последние две ночи люди из моей дивизии делали такие попытки, но все они вернулись, так как кругом все было заминировано, и притом так густо, что выбраться было безнадежно.

В. Не знаете, удалось кому-нибудь все же?

О. О том, что кому-нибудь это удалось, я не знаю. Мне известны только попытки, которые кончились плачевно.

* По-видимому, автор имеет в виду площадь Павших борцов.

В. Они дошли до противоположного берега?

О. Нет, они погибли от мин, пройдя только треть пути. Мины лежали очень густо.

11-й офицер.

О. После того, как русские захлопнули котел, наша дивизия несколько дней оборонялась на южном участке, а затем была переброшена на запад и северо-запад в район населенных пунктов П. и Д. Заслуживает упоминания тот факт, что примерно с 7 января русские изменили свою наступательную тактику. Если в первые дни нам удавалось отразить русские танки с пехотой перед нашими позициями, то начиная с этого дня русские стали подавлять танками только отдельные гнезда сопротивления. Это происходило следующим образом: русские танки выходили из своих укрытий и с расстояния тридцати-сорока метров выпускали несколько снарядов по укрепленной точке, а сопровождающая пехота забрасывала ее гранатами и захватывала без особых усилий. Обычно уже после обстрела из танковых орудий гарнизон точки становился небоеспособным.

В. Сколько человек было в вашем окопе?

О. Обычно четверо или пятеро. Это был мой артиллерийский наблюдательный пункт.

В. А где же была ваша артиллерия?

О. Примерно в двух—двух с половиной километрах позади. Всякая связь с батареей к этому времени была потеряна, так как средства связи пришли в негодность. Но даже если бы у меня была связь с моим лейтенантом, это ничего бы не дало, так как он не имел права открывать огонь по моему распоряжению; для этого нужен был приказ командира полка. Из-за недостатка боеприпасов батарея могла сделать всего пять выстрелов в день. Эти пять выстрелов в этот день были уже произведены. Чтобы получить разрешение на дальнейшее ведение огня, необходимо было доложить командиру полка боевую обстановку, наличие боеприпасов на батарее, в данном случае на моей, и только после этого командир полка мог в зависимости от обстановки разрешить один, два, три выстрела.

12-й офицер.

О. 15 января мы двигались в восточном направлении, чтобы повернуть затем на юг, в сторону К. Вдруг где-то раздался выстрел, вероятно, из танка, по группе отходящих войск, которые не спасались бегством, а, видимо, только что закончили перегруппировку. Раздался возглас «русские танки», и вот отходившие в обычном походном порядке части превратились в беспорядочную массу, которая потекла на восток. При этом машины давили пехоту, а сами пехотинцы затевали безобразные драки.

13-й офицер.

В. Сколько у вас было всего орудий?

О. Четыре.

В. И все пропало? А что было дальше?

О. В эту ночь от моей батареи осталось только одно орудие. А именно, орудие лейтенанта Х. Позднее мне снова дали батарею, составленную из орудий, расчеты которых погибли.

В. Что же произошло с вашей батареей? Удалось вам попасть в Ст.?

О. Батарея, строго говоря, перестала существовать. Как только командиру удалось захватить где-либо орудие, он говорил: одно или два орудия — это уже батарея.

На южном участке в районе К. мы снова получили орудия, но они попали в руки русских, так как мы их не смогли оттянуть назад. И начиная с этого момента, по моему, это было уже 23 или 24 января, моя батарея перестала существовать. Если судить по личному составу, то она уже давно не существовала, потому что у меня не осталось почти ни одного человека. В виде пополнения я получал из других подразделений два-три, а то и четыре артиллериста. Часто я даже не знал этих людей в лицо. Лейтенант Х., который был непосредственно у орудий, тот, видимо, знал их. Мне же обычно докладывали: мы получили пятерых новеньких, мы снова можем стрелять. Лейтенант Х., например, докладывал мне: на каждое орудие у меня осталось по два-три человека. Расчет одного орудия составляет пять человек. Вот так и получилось, что батарея как таковая давно уже не существовала, а просто определенным образом возрождалась заново и существовала как совершенно новая боевая единица.

14-й офицер.

О. Мне поручили в кратчайшие сроки сделать из пекарей, мясников и всех тыловиков, кого я смогу собрать, солдат. Это было трудновато. Мороз достигал 30—35°, кругом снег. Большой землянки, в которой людям можно было что-то показать, у нас не было. Они лишь кое-как владели винтовкой. Я пытался найти более или менее образованных людей, чтобы обучить их стрельбе из пулеметов. Но чтобы стрелять из пулемета при тридцатипятиградусном морозе, нужно быть очень хорошо подготовленным.

17-й офицер.

О. На следующее утро обстановка немного стабилизировалась; пожалуй, это даже сильно сказано. Просто нам удалось кое-как приспособить для обороны несколько домов. К этому времени от моего подразделения практически уже не осталось никого, мне нечем было удерживать людей, так как продовольствие кончилось.

В. Люди разбегались просто по другим подразделениям?

О. Да, они убегали в другие подразделения, где еще имелись запасы.

1-й солдат.

О. Я был в дивизионном саперном подразделении. Нас, дивизионных саперов, раздали поротно полкам для оказания технической помощи — ставить мины и укреплять местность. Нас снабдили прежде всего огнеметами.

В. У вас были огнеметы? Снабжали вас ими регулярно?

О. Да, ими нас снабжали регулярно. В каждом взводе было обучено три-четыре огнеметчика, и мы умели пользоваться огнеметами с самого начала еще во Франции, когда мы были в 296-й, а потом — в 305-й пехотной дивизии. Владение огнеметом входило в обычную саперную подготовку, так же как переправа на штурмовых лодках, обслуживание компрессоров и минирование.

В. Использовались ли огнеметы в Ст.? Не могли бы вы назвать отдельные места, где они применялись?

О. Точно я не знаю, в ноябре были позиционные бои.

В. А между домами?

О. И между домами и вдоль улиц.

В. Известно ли вам, что в конце октября или в начале ноября в Ст. были специально доставлены на самолетах саперы?

О. До тех пор, пока авиация была в состоянии обеспечивать доставку, мы один раз получили пополнение.

2-й солдат.

В. Кем вы были?

О. Обер-ефрейтором, а по должности ротным писарем. В бою выполнял должность связного.

В. Значит, вы многое видели.

О. Перейдя Дон, мы действовали на северной отсечной позиции, обеспечивая северный фланг 40-километрового участка шоссе, ведущего от Дона на Ст. Пробыли мы там примерно 14 дней. После этого поступили в распоряжение командования, нас перебросили в северную часть Ст., и мы расположились в балке в районе В. Это было еще на Дону.

Войска начали занимать исходное положение около Гор. 10 октября. 14 октября было предпринято крупное наступление на северный район Ст. Уже в первый день мы понесли довольно большие потери и в ходе боев продвинулись до Волги к Белым Домам. Здесь для нас были открыты ходы сообщения, по которым мы могли скрытно передвигаться. После того, как был взят «Красный Октябрь», начались затяжные позиционные бои до самой Волги. Волга уже замерзла.

В. Она уже в октябре замерзла?

О. Нет, в декабре*.

3-й солдат.

О. Это были молодые ребята. Могу сказать, что для нашей роты было выделено примерно 12—15 человек, а для всего батальона, мне кажется, примерно 30—40 человек. Они были доставлены в Ст. по воздуху просто как пополнение, без оружия. Прилетел даже один офицер, только что окончивший училище, но он погиб уже через два дня. Они прибыли без техники и без оружия. Оснащать их пришлось нам. Конечно, жаль, что у них не было боевого опыта. Дней через восемь вообще невозможно было утверждать, что кто-либо из них еще уцелел.

4-й солдат.

О. Моя задача состояла в первую очередь в регистрации мертвых и раненых. Я вынужден был это делать потому, что обязан был ежедневно докладывать о нашем численном составе и о потерях мертвыми, ранеными и пропавшими без вести.

В. Но днем вы, вероятно, не могли выходить?

О. Да, мост находился постоянно под обстрелом.

В. Это был временный мост, сооруженный саперами?

О. Да, русская артиллерия вела по нему непрерывный огонь. Два или три раза мне удалось проскочить. Ранило меня позже, в самом Ст., когда я находился уже у Белых Домов. Рапорт о боевом снаряжении и численном составе я должен был доставлять к 6 или 7 часам вечера на командный пункт батальона и при этом сдавать собранные личные опознавательные знаки. Эти знаки отправлялись воздушной почтой в центральные военно-учетные органы вермахта. Так было до начала декабря, но потом

* Волга замерзла 8 января, а в декабре был ледостав. (Прим. автора.)

всякий централизованный учет потерь стал вообще невозможен. И тем не менее я день и ночь продолжал бегать.

В. Вы бегали с одного опорного пункта на другой?

О. Так точно. Я был подробно информирован о том, что нам завтра предстоит. Ночью мы получали приказ: завтра в 3 часа 30 минут или 4 часа начнется атака. С нами будут взаимодействовать такие-то подразделения, такие-то зенитные части и т. д.

19-й офицер [штабист].

В. Начните, пожалуйста, со своих личных переживаний.

О. Начну с наступления дивизии через Дон. Стояла очень ясная, солнечная погода; мы располагались на исходных позициях в донских лесах в резерве и были рады, что нам не приходится наступать в передних рядах. Но вскоре мы узнали, что в 3 часа начнется наступление.

В. Назовите, пожалуйста, дату.

О. 21 августа 1942 года. Мы узнали, что действующие впереди полки, особенно 203-й полк, понесли большие потери. Объяснялось это тем, что высоты в четырех километрах восточнее Дона оборонялись крупными силами русских, которые уничтожали переправляющиеся через реку наши войска ружейно-пулеметным огнем между рекой и высотами. Эти высоты, взятые окончательно 22 августа 1942 года с большими потерями и после введения в бой нашего полка, позволили подтянуть 16-ю и другие танковые дивизии, которые должны были наступать на Ст. через степи. В то время мы были недовольны генералом К., которому удалось переправиться правее нас, у В., а говоря точнее, восточнее В. Ведь попытка нашего полка переправиться в районе В. сорвалась именно из-за сильного огня с тех самых высот, расположенных в четырех километрах восточнее реки. А генералу К. удалось относительно легко переправиться со своей дивизией, после того как мы уже взяли эти высоты. Насколько я помню, он первым доложил (не знаю, будет ли это подтверждено историей) о том, что занял донские высоты. Мы закрепились на плацдарме, а 14-й танковый корпус с 16-й танковой дивизией двинулись на Ст.

21-й офицер [штабист].

О. Боевая ценность вновь прибывших людей была совершенно недостаточной. К тому же мы были вынуждены делиться с ними своими незначительными запасами продовольствия. Именно среди них появились первые признаки недисциплинированности и неповиновения. Но в той ситуации было бессмысленно подвергать их дисциплинарным взысканиям или отдавать под суд. И я, как это ни ужасно, понимал, что единственный оставшийся для нас выход — это плен. По моему предложению командир дивизии наградил нескольких моих офицеров, унтер-офицеров и рядовых Железным крестом первой и второй степени. Для меня было особой честью вручить награжденным их ордена.

23-й офицер [штабист].

О. Ночь прошла в оттягивании фланговых подразделений и последних контратаках, чтобы облегчить положение на флангах. Возвратившиеся штурмовые группы доложили о невозможности выполнить поставленную задачу. Повсюду они наталкивались на группы пленных, перемешавшиеся с русскими частями, и на подразделения соседних дивизий. Мы были почти полностью окружены, разведывательные дозоры русских продвигались уже далеко позади нас к Волге. Видел группы пленных немцев, охраняемых одиночными русскими солдатами.

25-й офицер [штабист].

О. 30 января мы еще как-то пытались, где это было возможно, задержать русских у Красной площади. А рано утром 31 января, примерно около 8 часов (следует заметить, что у нас было одно время, а у русских — другое), так вот, около 8 часов утра я прибыл со своим адъютантом на Красную площадь, а там уже стояли русские с двумя или тремя танками Т-34. Это был конец.

26-й офицер [штабист].

О. В соответствующем штабе, к сожалению, слишком поздно пришли к убеждению, что положение котла безнадежно. В войсках же, чем больше в этом убеждались, тем больше занимались вопросом передвижения в случае катастрофы. В нашем штабе существовали даже более или менее организованные группы, подготовленные к действиям в случае катастрофы. Но только в случае катастрофы, а не раньше. Были даже такие, кто говорил: «Меньше всего русские следят за восточным направлением». Они считали, что можно глубокой зимой двинуться на восток, куда-то по направлению к Китаю.

VI. БЕСЕДЫ С ВОЕННЫМИ ВРАЧАМИ ИЗ СТ.

1-й врач.

В. До того, как котел захлопнулся, имелись случаи обычных заболеваний, например, воспаление легких, грипп и т. д. В каких случаях солдата отпускали с переднего края? Мог он, например, с температурой 40,1° уйти с позиций?

О. За исключением указаний об инфекционных заболеваниях, среди которых прежде всего имели в виду инфекционную желтуху, не было никаких конкретных приказов, определяющих, в каких случаях больной или раненый мог быть эвакуирован. Что же касается высокой температуры, то здесь ограничений не было.

В. Изменились ли указания, касающиеся первого вопроса, после того, как котел захлопнулся? Были ли введены какие-нибудь более жесткие ограничения?

О. И во время пребывания в котле от вышеназванного принципа не отступали. Наоборот, раненые или больные старались, насколько это было возможно, остаться в своем подразделении и сохранить за собой место под крышей.

2-й врач.

В. Отмечались ли в котле психические заболевания? Если да, то какие из них были самыми частыми?

О. Психическая нагрузка, которой все подвергались, была, естественно, очень тяжелой. Причины крылись в потере надежды на прорыв, в уменьшающемся рациионе, отсутствии почты с родины, холоде, в ужасающих условиях существования. Другие же впадали в крайний оптимизм, проявлялся он в отращивании бород в память о котле. Я вспоминаю также случаи голодных галлюцинаций в первые дни нашего марша в плен. Люди видели недостроенные дома или блиндажи, которых в действительности не было.

3-й врач.

В. Проводились ли в котле какие-нибудь мероприятия по борьбе с вшивостью, возможно ли было что-либо предпринять в этом отношении?

О. Практически не было никакой возможности бороться со вшами. Вначале вшивость была незначительной, борьбу вели успешно подручными средствами, кипятя в баках белье. Иногда пытались даже дезинфицировать обмундирование в старых духовках. Но часто при этом белье сгорало.

Армейский врач.

О. В октябре 1942 года возникли определенные трудности с эвакуацией раненых и больных с позиций, находящихся непосредственно перед Ст. Но вот русские захлопнули котел. Вместе со штабом начальника тыла армии я должен был отойти через Дон в Н. Как только закончилось окружение, я заявил, что хочу слетать в котел, чтобы на месте ознакомиться с положением.

В. Как же выглядел штаб 6-й армии?

О. Мне кажется, это были русские блиндажи, построенные для зенитно-артиллерийского дивизиона. Там П. возложил на меня заботу о том, чтобы все поступающие раненые по возможности надежно и быстро были эвакуированы из котла. Я обосновался на аэродроме в Басаргино. Туда же для выполнения подсобной работы я взял с собой санитарную роту. В ее обязанности входило собирать раненых из блиндажей и землянок летного и технического состава и заботиться о том, чтобы самолеты сразу же после разгрузки немедленно загружались ранеными и чтобы раненые, насколько это возможно, получали все необходимое на время короткого перелета (1—2 часа) и были переписаны. Через некоторое время работа блестяще наладилась.

В. Какой контроль проводился на аэродроме?

О. Каждый раненый прибывал со справкой от своей части, с указанием фамилии, вида ранения и необходимости эвакуации.

В. Были, наверно, попытки симуляции?

О. Да.

В. Не могли бы вы рассказать о каком-нибудь случае?

О. Был такой случай. Майор медицинской службы доложил мне о прибытии какого-то офицера с повязкой на плече. Я решил осмотреть его сам и когда снял повязку, то увидел, что у него никакой раны нет. Мы его не эвакуировали.

В. Он был предан военно-полевому суду?

О. Вероятно, его отдали под суд. Но это была не моя задача. Я просто сообщил о случившемся в штаб. Так как подобные случаи, хотя и незначительно, но все же участились (всего их было пять-шесть, а может быть и семь-восемь), то из штаба армии пришел приказ впредь эвакуировать офицеров только с моей личной подписью.

В. Вы лично составляли истории болезни на раненых?

О. Только на офицеров. Да это и понятно, при 29 тысячах это просто невозможно.

В. Но вы все равно не могли контролировать каждого офицера и осматривать его рану?

О. А это незачем было делать. Офицеры ко мне поступали по одному со справками от лечащих врачей, которые лично несли ответственность за свое заключение. Затем принималось решение: если прибывал офицер с легким сквозным ранением мышц, то его не эвакуировали. И только в тех случаях, когда было очевидно, что прибывшие относятся к тяжелораненым, они немедленно получали мою подпись.

В. Вы производили осмотр на аэродроме, или же офицеров доставляли к вам на пункт?

О. Мой пункт находился на самом аэродроме. Это был жилой вагончик. Его поставили колесами в яму, засыпали со всех сторон снегом и сверху, конечно, тоже.

В. А для осмотра раненых вам куда-то приходилось идти?

О. Нет. На том же самом аэродроме в 300—500 метрах от меня располагалась санитарная рота со своими кухнями и врачами; у нас было пять-шесть врачей, перевязочные пункты и т. д.

В. В каком-то из сообщений я читал, что на аэродроме было всего один или два самолета, а раненых скопилось несколько сот...

О. Нет, такого не случалось. Все находилось под контролем.

В. И даже в самом конце?

О. В самом конце, конечно, нет. Все изменилось после того, как мы вынуждены были оставить аэродром в Басаргино.

В. А затем вас перебросили на другой аэродром?

О. В Гум. В то время там находился штаб армии, но его скоро перевели оттуда.

В. А что происходило в Гум.?

О. В Гум. у меня был почти целый блиндаж, без прочного перекрытия, но очень удобный. Была там и вспомогательная посадочная полоса, и аэродром, и мы продолжали эвакуацию. Санитарная рота у меня тоже была, кроме того, большой пункт сбора легкораненых, откуда мы постоянно получали людей для погрузки в пустые самолеты.

В. Но контроль там, конечно, был уже не таким строгим?

О. Нет, контроль был.

В. В последние дни у вас был совсем маленький аэродром.

О. Совсем маленький, в нескольких километрах от Ст., и это был последний. Там все было также под контролем. Этим занимались унтер-офицеры медицинской службы. Однако им было не под силу обеспечить оцепление, чтобы предотвратить перегрузку самолетов. Те 29 000 человек, которые были эвакуированы из котла, я лично не пересчитывал.

В. А как выглядел ваш последний полевой аэродром?

О. Это, собственно, был не аэродром, а площадка, на которую могли садиться одиночные машины. Русские же обстреливали их с края поля из пулеметов.

В. А что вы делали потом?

О. Я перебрался в Ст., то есть в город, в свой штаб, и доложил о прибытии командующему П. Я ему сообщил, что возложенную на меня задачу — организацию отправки и эвакуацию самолетами раненых — дальше выполнять не в состоянии.

В. А где располагался штаб?

О. Штаб располагался в огромных подвальных помещениях бывшего универмага. Вот там, в штабе, я и сидел. На второй или третий день я спросил П., не будет ли каких-либо распоряжений для меня. Я не мог сидеть без дела. Он ответил, что в доме имеется медицинский пункт и мне, пожалуй, лучше всего находиться там. «А если придут русские, мы что, капитулируем?» — спросил я. «Нет, этого нам не разрешат. Вы подниметесь наверх и скажете, что я здесь, внизу раненые, пусть примут это во внимание. И больше ничего. Это единственное, что нам разрешено». Я так и сделал.

В. Не могли бы вы рассказать что-нибудь о П.?

О. П., собственно говоря, курил целый день, чаще всего был расстроен и даже подавлен.

В. А как держался он в окружении?

О. Всегда был вежлив и любезен, но добиться от него конкретного ответа было трудно.

В. Вы уже говорили здесь, будто у вас зародились подозрения, что солдаты в котле умирают от голода, и что вы проводили вскрытие трупов.

О. Все чаще и чаще нам докладывали, что люди умирают так, будто просто засыпают. Тогда я приказал адъютанту сделать несколько вскрытий. Это были неполные вскрытия, только чтобы установить, действительно ли смерть наступила от голода. Вскрытия показали, что во всех случаях смерть наступала от голода. В ту пору мы получали по 60—70 граммов хлеба, а люди на передовой, возможно, по 100—120 граммов, не больше. Представьте себе — две крошечные булочки.

В. Как вас снабжали медикаментами?

О. Это делалось регулярно. У нас была связь с моим штабом, который находился за пределами котла; там же была и моя аптека. Штаб регулярно отправлял нам две тонны перевязочных материалов и медикаментов. Столько вмещалось в один «юнкерс».

5-й врач.

В. Я слышал, что некоторых раненых помещали в бумажные мешки. Считаете ли вы, что так и должно быть?

О. Конечно нет. Это, вероятно, была вынужденная мера, чтобы спасти их как-то от холода. У нас не было одеял. Чем же нам было накрывать их?

6-й врач.

О. На западной окраине Ст., в овраге, примерно в трех километрах от города, мы оборудовали стационарное помещение и организовали там медицинский пункт, в котором должны были работать всю зиму. Недалеко от выбранного нами места мы обна-

ружили летний лагерь с более или менее сохранившимися бараками, там мы в первую очередь надеялись раздобыть доски. Вначале мы хоронили мертвых по всем правилам; в этом отношении мы также подготовились к зиме, откопав заранее до наступления морозов большое количество могил. Но позже это стало невозможным, и мертвых мы складывали просто в большой операционной палатке санитарной роты.

10-й врач.

О. До сих пор у меня перед глазами стоит такая картина: высокий худой солдат держит в руках огромную кость, вероятно, это была бедренная кость лошади, а может быть и человеческая, и грызет ее. Я окликнул его: «Эй, что ты там делаешь?» Но он даже не слышал меня.

VII. ДНЕВНИК БИТВЫ

Вторник, 10 ноября 1942 г.

139 дней после победы под В. Дальше дело не пошло.

Среда, 11 ноября 1942 г.

Подполковник Ш. видел через стереотрубу в донских лесах русские соединения, главным образом артиллерию; капитаны Г., фон Шв. и фон К. видели, как войска занимают исходное положение. Несколько летчиков тоже кое-что видели и доложили по инстанции своему командованию. Майор М. вместе с несколькими офицерами наблюдал большие передвижения войск в районе Серафимовича. Радиоразведкой было установлено прибытие новых соединений красных.

Четверг, 12 ноября 1942 г.

Как доходила информация до штаба армии? Если унтер-офицер А. что-нибудь наблюдал, он докладывал своему офицеру. Если что-нибудь наблюдал офицер А. и докладывал своим начальникам Б. и В., то практически об этом узнавал самое большее командир корпуса. Для того чтобы о чем-нибудь могли узнать в штабе армии, нужно было получить специальную задачу. Если армия ставила задачу корпусу, корпус — дивизии, дивизия — полку, полк — батальону, а получившие задачу А., Б., В., Г., Д. что-нибудь наблюдали, то эти данные попадали на карты и в таблицы штабов вплоть до штаба группы армий. От войск, ведущих напряженные бои под Ст., поступали сведения, но в соответствии с указаниями передаче в вышестоящие инстанции они не подлежали. Все органы штаба армии отлично приспособились отбивать всякую информацию, и в течение нескольких дней их нельзя было отучить от этого. «Отбитая» информация распределялась по шести служебным каналам: сухопутным войскам, через немецкого генерала в штаб румынской армии, военно-воздушным силам, через шеф-адъютанта ф.*, инстанциям, ведающим личным составом и снабжением, а также по специальному каналу — артиллерии.

Пятница, 13 ноября 1942 г.

С севера на юг в виде ленты вдоль Дона и в районе Ст. растянулись: 376, 44-я дивизии, 384, 76, 113, 60-я моторизованная, 16-я и 24-я танковые дивизии, 3-я моторизованная, 94, 389, 305-я «Бодензее», 79, 99, 100-я егерская, 295-я «Гордая», 71-я «Счастливая», 371, 297, 29-я моторизованная, части 14-й танковой дивизии «Рейнгольд» (в резерве), 9-я зенитно-артиллерийская дивизия.

Суббота, 14 ноября 1942 г.

47 дней после небольшой победы под Орловкой.

Знал ли П., что армия застряла?

Он заметил, что продвижение остановилось. Но это еще не значило, что она застряла. Возможно, скоро удастся двинуться дальше.

Воскресенье, 15 ноября 1942 г.

Командир корпуса оптимист Штр. засмеялся, узнав, что среди офицеров распространился слух, будто в донских лесах находятся русские. Начальник генерального штаба Цейт. сообщил в ставку: «В настоящее время русские решительно ослаблены».

Понедельник, 16 ноября 1942 г.

Организация подчиненности, установленная для ст. группировки:

Гит.

Цейт.

фон Б., фон В., фон Ман.

П.

* Ф. — фюрер, Гит. — Гитлер; Цейт. — Цейтлер, начальник генерального штаба сухопутных сил; фон Б. — Бок, командующий группой армий «Б»; фон В. — Вейхс, сменивший впоследствии Бока; фон Ман. — Манштейн, с 28 ноября 1942 г. командующий группой армий «Дон».

Ш.*

фон Зейд., Гейтц, Штр., Ен., Хуб.

Эдлер фон Д., Пф., Шт., Александр фон Х. и так далее до последнего ефрейтора.

Вторник, 17 ноября 1942 г.

Взаимоотношения командиров:

Генерал-полковник фон Рих. звонил Ешоннеку, Ешоннек — Гер., Гер. — Шм., а Шм. звонил ф.: «Командование войсками в районе Ст. никуда не годится». Генерал фон Зейд. считал действия и большинство решений П. неправильными. Командиры дивизий Л. и фон К. вообще не терпели друг друга; трудности во взаимоотношениях были также между командирами дивизии и командирами корпусов. В одном вопросе мнение генералов было единым: нужно закрыть глаза на внутренние трения и бросить все силы на достижение успеха.

Четверг, 19 ноября 1942 г.

На рассвете 19 ноября в значительном удалении от флангов нашей армии русские перешли в наступление. В 18 часов П. доложил вышестоящему командованию свой замысел на 20 ноября: «В Ст. продолжать действие штурмовых групп». 5-я батарея 16-го артиллерийского полка обстреляла канонерские лодки, а также войска противника, оборудующие позиции на противоположном берегу Волги.

В Ст. нелетная погода.

На Кавказе в районе Майкопа — погода летная, поэтому генерал-полковник фон Рих. действует со своими летчиками там. Гит. находится в южной Германии, Гер. — в Париже, а Цейт. — в Восточной Пруссии. Фельдмаршал фон Ман. — в Витебске. Штаб 6-й армии П. расположен в Голубинском. Генерал-полковник фон В. с Зоденштерном в Старобельске; он-то как раз правильно оценил опасную обстановку.

Пятница, 20 ноября 1942 г.

Южнее Ст. в районе озера Цаца в наступление перешла 2-я группировка русских. Генерал-полковник Гот., командовавший войсками, уже через несколько часов остался без армии и вынужден был, не мешкая, покинуть штаб. Вот в этой-то запутанной обстановке в бой вступила испытанная 29-я моторизованная дивизия. Стоял густой туман. Приказ гласил: «29-й мпд в ночь на 20 ноября занять исходное положение для наступления на юге и рано утром 20 атаковать и отбросить прорвавшегося на южном участке противника в направлении Элисты и уничтожить его». Как только туман рассеялся, открылась следующая картина: на железнодорожной ветке южнее Ст. стоят эшелоны с русской пехотой. По всему пространству мелкими группами двигались танки. К 17 часам отдохнувшая 29-я дивизия вступила в бой. Командование 6-й армии вначале считало вероятным прорыв противника на северном участке в районе Клетской, где днем раньше ему удалось вклиниться в наши позиции. П. молча рассматривал карты. «Ну и влипли!» — сказал Ш. «Влипли!» — сказал генерал Штр. «Здесь мы здорово влипли», — сказал генерал артиллерии Г. своим офицерам. «На Дону мы, кажется, влипли», — сказал генерал-майор Л., услышав пром канонады. «Да, солидно влипли», — сказал Пф. Генерал Хуб. кричал в телефонную трубку: «Здорово мы влипли!» «Не могу себе представить, нужно сначала разобраться», — сказал Цейт. по телефону, прежде чем реально представил себе весь масштаб опасности. «Влипли!» — сказали фон Зейд., К., Вульц и др.

Что же произошло?

Крупная западная группа русских у Серафимовича, теперь яснее вырисовывающаяся на немецких картах, продвинулась еще на 60 километров. В качестве резерва против русских был брошен 48-й танковый корпус (практически один танковый полк), оснащенный трофейными танками, в которых почти не осталось внутреннего оборудования. Едва танки миновали деревни Д. и Ч., как в 12 часов был получен приказ о наступлении в северо-западном направлении.

Что же делал в этот момент невезучий корпус?

Он свернул со своего маршрута налево. Все его подразделения перемешались. Радиосвязь оборвалась. И вот в таком состоянии корпус двигался навстречу 5-й русской танковой армии, которая шла через населенный пункт Блинов.

Последовал приказ: отойти к реке К. Отходя, корпус получил новый приказ: остановиться. Затем — наступать в северном направлении. Потом — организовать круговую оборону. Далее — наступать в северо-восточном направлении. И, наконец, — остановиться и ждать. Корпус находился в отчаянном положении, командира вскоре арестовали и должны были расстрелять.

Первый батальон 79-го полка, первый батальон 64-го полка, подразделения 5-й и 10-й рот 64-го полка, 11-я рота 64-го полка, подразделения 16-го артиллерийского полка, остатки 2-го танкового полка, а также имевшиеся в данный момент подвижные части 6-й армии сосредоточились на рассвете в районе О. Снег доходил до колен. После 60-километрового форсированного марша по «коридору» и между реками В.** и

* Ш. — Шмидт, начштаба 6-й армии; фон Зейд. — Зейдлиц; Ен. — Енеке; Гер. — Геринг; фон Рих. — Рихтгофен, командующий 4-м воздушным флотом.

** В. — Волга.

Д. на западе стали появляться отдельные темные точки, а затем группы людей, идущих на восток, многие без оружия. Через час вся дорога была забита.

В ночь на 21 названные выше части армии переправились по мосту через Дон в районе Г. Высланные арьергарды спешили в С. У танков не было гусениц с шипами. Поэтому тяжелые машины превратились здесь практически в железные ящики, которые скользили, то и дело разворачиваясь поперек дороги. Поступило несколько приказов: «Создать оборонительный рубеж вдоль ручья — южнее Г.!» Несколькими минутами позднее: «Кругом, марш!» Еще чуть позже: «Предыдущий приказ — отменить! Продвигаться вперед!»

Ночью русские развернули свои северные, северо-западные и южные «клещи» на 90°, они двигались теперь в направлении К.* До поздней ночи в штабе 6-й армии шли оживленные телефонные разговоры. Генерал П. практически не спал. Его начальник штаба генерал-лейтенант Шм. спал всего только два часа. Русские танки двигались всю ночь.

В качестве срочной меры Гит. назначил фельдмаршала фон Ман. командующим вновь созданной группой армий «Дон». Учитывая плохую погоду, Ман. не воспользовался самолетом, а выехал по железной дороге.

Суббота, 21 ноября 1942 г.

В районе К. появилось около 40 русских танков. Их не пропустили. Во второй половине дня они появились на высоком западном берегу Дона, недалеко от командного пункта армии около Голубинского. Теперь штаб армии увидел опасность.

Воскресенье, 22 ноября 1942 г.

До 11 часов в штабе идут телефонные переговоры. Оперативная группа штаба вылетает в 12 часов в район намечающегося котла. Командующий армией П. и его начштаба вылетают в Нижне-Чирскую. В 13 часов туда же выезжает командующий разбитой 4-й танковой армии генерал-полковник Гот. На командном пункте армии в Нижне-Чирской Гот. и П. совещаются с сопровождающими их офицерами.

В 14 часов генерал П. вылетает со своим начальником штаба в намечающийся котел. Командный пункт армии оборудуется в небольших землянках вблизи вокзала Гум. Просмотрев карты, П. сказал Ш.: «Сейчас мы с вами расстанемся на час, подумаем, после чего встретимся и обменяемся мнениями».

Поразмыслив, они решили прорываться в юго-западном направлении.

Передовые части 51-й русской ударной армии, наступающей с юга, соединились в полдень с передовыми отрядами 5-й танковой армии (северная группа). Поздно вечером Гит. на специальном поезде покинул Оберзальцберг и направился в Лейпциг, отдав перед этим приказ 6-й армии стоять на берегу Волги.

Понедельник, 23 ноября 1942 г.

Радиограмма, отправленная вечером:

«Совершенно секретно, особой важности!»

Главному командованию (в порядке информации: командованию группой армий «Б»).

Мой ф.!

С момента получения вашей радиограммы от 22 ноября вечером обстановка коренным образом изменилась. Закрывать котел на западе и северо-западе пока не удалось. Ожидается новое вклинение противника в этих местах.

Боеприпасы и горючее подходят к концу. Многие батареи и противотанковые орудия расстреляли все снаряды. Своевременное и достаточное снабжение исключено. В ближайшее время армия окончательно окажется на краю гибели, если концентрированным ударом не удастся уничтожить противника, наступающего с юга и запада.

Для этой цели необходимо немедленно снять все дивизии из Ст. и крупные силы с северного участка фронта. Конечным результатом в данном случае должен быть прорыв в юго-западном направлении, так как удерживать восточные и северные участки фронта сейчас невозможно. Хотя мы и потеряем при этом значительное количество техники и материалов, но сохраним основную массу ценных бойцов и по меньшей мере часть техники.

За это донесение я несу всю полноту ответственности, однако заявляю, что того же мнения в оценке обстановки придерживаются и командиры корпусов генералы Х., Штр., Ен. и фон Зейд.

Исходя из создавшейся обстановки, еще раз прошу предоставить мне полную свободу действий! Хайль, мой ф.!

Подпись: П.»

Генерал фон Зейд., ничего не сообщив штабу армии, приказал вечером оставить участок севернее Ст., уничтожив лишние материалы и технику с целью подготовки к прорыву в юго-западном направлении.

Цейт. позвонил в 2 часа ночи фон З., уверенный, что ему удалось убедить Гит. Генерал-полковник фон В. отдыхал, П. ложился спать, Ш. спал, фон З. ждал до 4 часов утра нового звонка от Цейт. Позднее П., фон Вей., фон З., а также Цейт. в ставке ожи-

* К. — Калач.

дали приказа на прорыв из окружения, который еще можно было бы предпринять до 28 ноября. Примерно в середине следующего дня позвонил Цейт.; по его голосу фон З. почувствовал, что произошел крупный разговор с Гит.

Вторник, 24 ноября 1942 г.

Погода немного улучшилась. Авиация брошена на подавление противника.

В одиннадцатом часу утра оборвалась телефонная связь с войсками, действующими за пределами котла.

Фон Ман. прибыл в Старобельск и беседовал с З., отправил из штаба фон Вей. радиogramму П.: «Делаем все, чтобы вас выручить». При этом он распорядился удерживать берег Волги. Во время телефонных переговоров с Цейт. фон Ман. сказал: «Прошу не сомневаться в том, что мы абсолютно уверены в возможности обеспечить 6-ю армию снабжением, иначе мы не стали бы рисковать, задерживая ее здесь, так как она может еще вырваться из котла в юго-западном направлении». После этого фон Ман. улетел в Харьков.

Русские считали, что в окружении находятся 80 тысяч человек, а генеральный штаб вермахта — примерно 400 тысяч. Начальник тыла армии назвал цифру 300 тысяч. П. полагал, что под его командованием находилось около 200 тысяч человек.

Четверг, 26 ноября 1942 г.

П. направил фон Ман. письмо:

«Глубокоуважаемый господин фельдмаршал!

Благодарю Вас за радиogramму от 24 ноября и за обещанную помощь.

Чтобы Вы могли верно оценить мое положение, позволю себе доложить следующее.

1. Когда 19 ноября началось крупное наступление русских на участке правого и левого соседа нашей армии, то не прошло и двух дней, как фланги армии оказались открытыми, и русские сумели быстро продвинуть свои моторизованные силы. Двигающиеся через Дон в западном направлении, наши мобильные соединения (14-й танковый корпус) столкнулись западнее Дона с превосходящими силами противника и оказались в очень тяжелом положении, особенно из-за недостатка горючего. Одновременно противник вышел в тыл 11-му армейскому корпусу, который удерживал в соответствии с приказом позиции на северном направлении. Так как для ликвидации опасности невозможно было снять с фронта ни одну часть, то ничего другого не осталось, как оттянуть левый фланг 11-го армейского корпуса, развернуть его в южном направлении и отвести в ходе дальнейших боев на плацдарм западнее Дона, чтобы не дать противнику отсечь части, находящиеся западнее Дона, от основной массы. При реализации указанных мероприятий был получен приказ фюрера, который требовал, чтобы левый фланг 14-го танкового корпуса нанес удар по Добринской. Однако ход событий опередил данный приказ, и я не мог его выполнить.

2. Утром 22 ноября в мое подчинение был передан также 4-й армейский корпус. Правый фланг 4-го армейского корпуса отходил в это время с юга на север через Бузиновку, вследствие чего оказались открытыми южный и юго-западный фланги. Чтобы не допустить проникновения русских в тыл армии в направлении Ст., мы вынуждены были снять часть сил из Ст. и с северного участка фронта. Сделать это с помощью соединений, действующих западнее Дона, было невозможно. Используя отведенные из Ст. части, 4-й армейский корпус сумел создать неглубокую полосу обороны на южном участке фронта, упирающуюся своим западным флангом в Мариновку. Однако 23 ноября противнику удалось вклиниться в эту полосу в нескольких местах. Исход боя не ясен. Во второй половине дня 23 ноября были обнаружены крупные танковые соединения противника в районе западнее Мариновки, что подтверждалось неоднократно в последующих донесениях. На всем участке между Мариновкой и Доном находились небольшие немецкие заслоны. Путь для русских танков и моторизованных частей был свободен. Подобная же обстановка сложилась у населенного пункта Песковатка. От вышестоящих инстанций я уже 36 часов не получал никаких приказов и информации. Через несколько часов я вынужден был бы:

а) либо стоять на западном и северном участках и наблюдать, как противник прорывает фронт армии с тыла, при этом формально выполняя отданный мне приказ удерживать достигнутые рубежи;

б) либо, приняв единственно правильное в данной обстановке решение, нанести всеми силами удар по противнику, стремящемуся разбить армию с тыла. Разумеется, при реализации данного решения нельзя будет удерживать восточный и северный участки фронта, и в дальнейшем возможен только прорыв из котла в юго-западном направлении. Приняв решение «б», я, действуя в соответствии с создавшейся обстановкой, нарушил бы, и притом уже дважды, отданный мне приказ.

3. Оказавшись в столь трудном положении, я направил ф. радиogramму с просьбой предоставить мне свободу действий. Неограниченные полномочия нужны мне, чтобы своевременно, а не слишком поздно отдать единственно правильный в данной обстановке приказ.

Прошу верить мне на слово, так как я не могу представить каких-либо доказательств в подтверждение того, что не отдам подобного приказа преждевременно, а только в самом крайнем случае.

На эту радиограмму я не получил прямого ответа... Пересылаю Вам карту с обстановкой на сегодняшний день. Если бы на юго-западный участок фронта и удалось подтянуть еще силы, обстановка на нем продолжала бы оставаться по-прежнему напряженной...

Войска Ст. фронта продолжают отражать сильные атаки противника...

В результате организованного три дня назад снабжения по воздуху удалось получить лишь незначительную долю требующегося минимального количества материалов (660 тонн — 300 рейсов в день).

Положение со снабжением может привести уже в ближайшие дни к серьезному кризису.

Однако я думаю, что армия сможет продержаться некоторое время. Сейчас еще трудно сказать, позволят ли тающие с каждым днем силы армии, недостаток блиндажей, а также нехватка строительного леса и дров длительное время удерживать район вокруг Ст. — даже если к нам будет пробито нечто вроде коридора.

Так как меня ежедневно штурмуют многочисленными вопросами относительно нашего будущего, я был бы весьма благодарен, если бы до моего сведения доводили больше, чем до сих пор, данных, которые я мог бы использовать, чтобы поднять дух и укрепить мужество моих солдат.

Позволю себе доложить, г-н фельдмаршал, что в Вашем руководстве я вижу гарантию того, что будет сделано все возможное для оказания помощи 6-й армии...

С почтением ваш П.»

Пятница, 27 ноября 1942 г.

В эти дни Гит. считал, «что в Ст. имеются самые благоприятные перспективы, какие только вообще можно себе представить». После того как многие наделали ошибок, 27 ноября фон Ман. уверенно приступил к командованию группой «Дон».

Суббота, 28 ноября 1942 г.

Фельдмаршал фон Ман. немедленно отправил главному командованию сухопутных войск донесение с новой оценкой обстановки, на которое получил ответ 3 декабря. На северо-западе, юге и западе котла были предприняты попытки организовать прочную оборону. В долине реки Кар.* в качестве опорных пунктов использовались деревни и хутора. На остальных участках обороняющиеся войска располагались на холмах в степи.

Понедельник, 30 ноября 1942 г.

Командование армии сегодня приняло решение создать армейский резерв. Потеряно много тяжелого оружия и техники, особенно в 14-й танковой дивизии. Поэтому из оставшихся солдат, усиленных обозными подразделениями, должны быть созданы пехотные части.

Вторник, 1 декабря 1942 г.

Севернее О.** противнику удалось вклиниться в нашу оборону. В этот день командование ознакомилось с первыми боевыми группами, составленными из специалистов, не находящих себе в котле применения. Среди них группа парашютистов, присланная в Ст. для того, чтобы после предполагавшейся победы там были представлены, по возможности, все рода войск.

В соответствии с директивами на всех участках котла введена жесткая экономия боеприпасов.

Частые метели, вследствие чего полеты ограничены.

Среда, 2 декабря 1942 г.

В Восточной Пруссии, в ставке, Гит. с офицерами генштаба разрабатывает операцию «Лила» по оккупированию остальной части Франции.

Штаб 6-й армии доложил, что на сокращенном рационе армия выдержит еще 12—16 дней.

Четверг, 3 декабря 1942 г.

В котле вводится строжайшее централизованное распределение продовольствия, дров, боеприпасов, горючего. Неустанно рыщут различные комиссии и инспекции, изыскивая новые возможности для экономии.

Пятница, 4 декабря 1942 г.

Туман и гололед.

Солдаты 16-й танковой дивизии целый день наблюдают за ходом боя, который начался после мощной артиллерийской подготовки правее их участка. Ночь с 4 на 5 декабря прошла в штабе армии беспокойно. П. снова не сомкнул глаз. За эти дни он основательно вымотался.

Настроение в штабе у одних подавленное, другие, наоборот, полны надежд. Приближенные начальника штаба армии генерала Ш. оценивают обстановку положительно.

* Кар. — Карповка.

** О. — Орловка.

Воскресенье, 6 декабря 1942 г.

24 танка 36-го танкового полка, составляющие резерв армии, в 6 час. 15 мин. при поддержке групп «Людвиг» и «Фокс» атакуют противника. Всю ночь было сыро и холодно, а к утру ударил сильный мороз. Самая благоприятная погода для обморожения.

Генерал П. провел еще одну бессонную ночь; несмотря на это, в штабе армии продолжают положительно оценивать события. Эта уверенность должна дойти вниз — до корпусов, дивизий и полков. Начальник штаба 51-го армейского корпуса, полковник К., отдал распоряжение подслушивать радиопереговоры штаба армии. Они показались ему слишком оптимистичными. Как только командующий армией узнал, что его радиопереговоры перехватываются 51-м корпусом, он приказал сменить шифр. Офицер фон Ц., посланный в Ст. начальником генерального штаба Цейт., показал приготовленные им радиogramмы начальнику штаба армии. Ш. счел донесения слишком пессимистичными и многое из них вычеркнул. После переговоров с начальником оперативного отдела штаба армии Ц. стал отправлять радиogramмы, не показывая их предварительно Ш.

Вторник, 8 декабря 1942 г.

На всей территории котла — резкий ветер и мелкий колючий снег. Над Волгой — снег густой и мокрый. Русские организовали паромную переправу через Волгу; чтобы пересечь реку, парому приходится пробиваться между льдами 5—8 часов. Старый пароход снабжен стальным защитным поясом, но вмещает мало. Какой-то русский генерал давал указания команде парохода, кого грузить в первую очередь.

Среда, 9 декабря 1942 г.

После того как 14-й артиллерийский полк оставил плацдарм на Дону и передал свои орудия на пункт сбора в котле, он был реорганизован в пехотную роту. Около полудня солдаты услышали мощную канонаду. Это на северном участке русские начали артиллерийскую подготовку. Солдаты в спешке доели суп, получили оружие, боеприпасы, а также шерстяные одеяла, шинели и котелки. После продолжительного марша отдыхали два часа, приготовились вступить в бой. Но двигаясь сквозь метель, они заблудились, а на рассвете обнаружили превосходящие силы противника.

В районе Котельниково деблокирующие войска ждут распределения. Все еще нет частей, которые ожидалось. К 10 декабря 23-я танковая дивизия пытается подойти через степи западнее Элисты.

Четверг, 10 декабря 1942 г.

На сегодня каждый полк получил разрешение произвести только три выстрела из полевых орудий, семь выстрелов из противотанковых пушек и 12 выстрелов из 20-миллиметровых орудий. В вечерних сумерках на стороне противника вдоль всего северо-западного участка котла был слышен шум моторов и особенно сильно — лязг гусениц.

Полевая жандармерия армии произвела 74 ареста. Трибунал вынес шесть приговоров. Однако общее состояние дисциплины вполне удовлетворительное для данной ситуации. В военно-уголовном кодексе содержался обширный перечень проступков, подлежащих наказанию для поддержания организации и порядка. Например:

- § 64 Самовольная отлучка.
- » 69 Дезертирство.
- » 77 Незаявление начальнику о дезертирстве.
- » 80 Несоблюдение домашнего ареста.
- » 81 Членовредительство.
- » 83 Уклонение от несения службы и симуляция.
- » 84 Нарушение служебного долга из страха.
- » 85 Трусость.
- » 89 Угрозы начальству.
- » 91 Оскорбление начальника.
- » 92 Неповиновение.
- » 96 Сопротивление.
- » 99 Подстрекательство к бунту.
- » 101 Подача совместной жалобы.
- » 102 Возбуждение недоверия.
- » 102а Подрыв дисциплины.
- » 103 Бунт.
- » 147 Прочие действия, направленные против военного порядка.

К этому следует добавить также основные статьи национал-социалистского законодательства.

Пятница, 11 декабря 1942 г.

Вдоль южного участка котла на юго-запад (река А., * город Котельниково) движутся русские соединения.

Штаб армии рассчитывает получить завтра положительную информацию.

* А. — Аксай.

Гит., Цейт., фельдмаршал фон Ман., командующий войсками в котле, а также генерал-полковник Гот с подчиненными ему войсками ждут с нетерпением следующего дня, когда начнется наступление с целью деблокирования окруженной группировки.

Генерал-лейтенант Пф. вместе со своим штабом вылетел из котла. Его задача — перехватывать возвращающихся из отпуска (примерно 1000 человек в день) и формировать боевые группы.

Суббота, 12 декабря 1942 г.

Первый день деблокирования. Хорошая, ясная погода. При проведении операции по деблокированию Гит. контролировал Цейт., Цейт. — фельдмаршала фон Ман., фон Ман. — генерал-полковника Гота, Гот — генерала танковых войск Фридриха К., К. — генерал-майора Рауса, Раус — полковника Х., а последний командовал своим полком.

Наступление началось в 5 час. 20 мин. Прорыв через фронт русских в районе Котельниково не представил трудностей; 200 танков прошли, не встретив серьезного сопротивления. Были захвачены трофеи: 5 танков, 10 полевых орудий, 10 противотанковых пушек, одна реактивная установка, 5 легковых автомобилей и много стрелкового оружия. Взято 450 пленных. Полковник Х. находился все время впереди. К вечеру картина не изменилась. Со всех сторон были видны пожары. Стрельба продолжалась до глубокой ночи — вероятнее всего, для поддержания духа. После получения вечерних донесений в штабах почувствовали разочарование. Х. сообщил генерал-майору Раусу: «Либо перед дивизией находились только незначительные силы противника — тогда операцию следовало планировать совсем иначе, — либо русским удалось уклониться от боя».

Воскресенье, 13 декабря 1942 г.

Второй день операций по деблокированию. Сильный ветер, местами туман.

Богослужения не проводятся. На повороте железной дороги, в 2 километрах западнее разъезда Бирюковский, произошел короткий бой с танками противника. К сожалению, в районе С. под командирским танком полковника Х. провалился мост через реку А. Наступление прекратилось уже в 12 час. дня.

Гит., Цейт., фон Ман., Г., К., Раус, а также полковник Х. ожидали быстрых успехов.

Вечером П. несколько раз запрашивал о достигнутых успехах.

Генерал авиации фон Рих. после осмотра местности высказался относительно наступления деблокирующей армии следующим образом: «Не заметно горячего стремления прорваться в Ст. Там и сям мелкие «баталии» с противником, силы которого оценены неверно. Относительно тяжелой обстановки в Ст. командир корпуса (генерал К.) информирован поверхностно и посему не выполнил своей задачи». Офицеры сухопутных войск считали суждение генерала фон Рих. несправедливым.

Понедельник, 14 декабря 1942 г.

Третий день операций по деблокированию. Очень плохая погода, туман, моросит мелкий дождь, тепло.

12 декабря командующий пятой инстанцией (К.) считал целесообразным двинуть войска в направлении через Кр., это направление было короче и доступнее для танков шестой инстанции; (Р.) придерживался 13 декабря иного мнения, чем непосредственный исполнитель приказов (Х.). Последнего одно время поддерживал четвертый по инстанции (Гот). Серьезные разногласия возникали между четвертым и пятым по инстанции командующими (Готом и К.). Третий по инстанции не вмешивался в детали, а требовал положительных результатов. Вторая сверху инстанция (Цейт.) дважды в день запрашивала об успехах. Решительного успеха с жадным нетерпением ожидала высшая инстанция (Гит.).

Верил ли кто-нибудь из участников твердо в успех операции?

С первого дня разразившейся в Ст. катастрофы во всех действиях войск чувствовалось сомнение.

Среда, 16 декабря 1942 г.

Пятый день операций по деблокированию. Дымка, местами туман; над котлом густая облачность.

Противник с утра приготовился встретить наши войска у деревни Верхне-Кумской.

Русские атаковали северный фланг на участке 8-й итальянской армии, и через день там уже не было никакого фронта.

Четверг, 17 декабря 1942 г.

Шестой день операций по деблокированию. Неожиданно сильный мороз.

Наступление на Верхне-Кумскую было начато утром с опозданием на один час.

Медико-санитарная служба находящихся в котле войск сообщила о первом случае смерти от истощения. Донесение было отправлено в Главное военно-медицинское управление в Берлине с копией в ставку ф. Радиограмма штаба 6-й армии командованию 4-го воздушного флота: «Несмотря на великолепную солнечную погоду, 17 декабря не приземлился ни один самолет. Штаб армии просит выяснить причины, по которым были отменены полеты. Подпись: Ш.».

Активно действовала вражеская авиация. Противник перебрасывал вдоль фронта котла в южном направлении машины и орудия.

После совещания с начштаба Ш. П. отдал армии следующий приказ: «Офицер не имеет права сдаваться в плен живым; однако запрещается и преждевременное самоубийство».

Пятница, 18 декабря 1942 г.

Седьмой день операций по деблокированию. Сильный мороз, погода ясная.

Второе наступление на деревню Верхне-Кумскую окончилось также безрезультатно. Радиостанции не сообщают ничего о перемещениях деблокирующего корпуса.

В полдень в ставку прибыли утомленные поездкой итальянский министр иностранных дел граф Ч.* и начальник генерального штаба, маршал граф К. Их принимали: Д., фон В., Риб., Гер., Цейт., Кейт., Й. и Гит. Переговоры касались критической обстановки на южном участке Восточного фронта. Благодаря блестящей выдержке граф Ч. и граф К. не показали, как глубоко затронул их разгром итальянской армии. Однако они поставили вопрос: нельзя ли достигнуть компромисса с Россией? Гит. отверг такую возможность. В этот и в последующие дни он был целиком поглощен переговорами, так что даже сам Цейт. не смог попасть к нему.

Суббота, 19 декабря 1942 г.

Восьмой день операций по деблокированию.

Противник отошел от Верхне-Кумской. Х., преследуя противника, не останавливался даже ночью. Он подошел примерно на 60 километров к котлу, в населенном пункте В.**.

В юго-западной части котла около ста танков 6-й армии ожидали приказа. Было объявлено, что горючего хватит только на 30 километров.

Во второй половине дня фельдмаршал фон Ман. просил у Цейт. разрешения на прорыв 6-й армии. В 18 часов фон Ман. отдал окруженной армии следующий приказ: «В ближайшее время возможен буран». Это означало, что танки 6-й армии должны двинуться навстречу деблокирующему корпусу. Армия приказа не выполнила, фон Ман. заявил: «При других обстоятельствах я бы просто сместил своего командующего, но в данной ситуации это невозможно, да и Гит. не захотел бы этого».

Воскресенье, 20 декабря 1942 г.

Девятый день операций по деблокированию.

Гит. снова вернулся к вопросу о ст. котле и высказался, наконец, против капитуляции.

Среда, 23 декабря 1942 г.

Двенадцатый день операций по деблокированию.

Прощание с войсками, подошедшими к району В. 6-я танковая дивизия должна покинуть деблокирующие войска. Открытому северному флангу начали угрожать русские войска, находившиеся в данный момент уже на полпути к Ростову. Если бы им удалось занять Ростов, то в окружении оказались бы две группы армий.

Четверг, 24 декабря 1942 г.

Майор из штаба 2-го армейского корпуса В. рассказал: «Я хорошо помню, как генерал нас всех собрал, вернее, попросил зайти к нему в определенный час, это было под вечер. Генерал фон Зейд. подал каждому из нас руку и преподнес в качестве рождественского подарка ломоть хлеба».

Подполковник Б. из 389-й дивизии сообщил: «У нас было очень много железа, стали, меди и алюминия. Из этих материалов я приказал своему технику-оружейнику и его помощнику изготовить рождественские подарки: ножи для открывания писем, пепельницы, рамки для фотокарточек и т. д. Сам я даже набросал несколько эскизов, например, маленькой звездочки из листовой меди для елки, а также эскиз самой елки».

Обер-лейтенант В. из 60-й мотодивизии: «Мои друзья устроили в большой палатке настоящий праздник. Мы соорудили стол, на котором разложили хлеб и шоколад. Горели свечи. Я зачитал приказ генерал-полковника П.: «Все мы, от самого старого генерала до самого молодого солдата, стоим плечом к плечу, спаянные в единый монолит, о который разобьются все атаки противника. Мы будем удерживать крепость Ст. до тех пор, пока кольцо окружения не прорвут деблокирующие войска, присланные ф.!» После этого я вручил награжденным солдатам Железные кресты I и II степени, которые мы получили в штабе дивизии. Праздник мы закончили песней «Тихая ночь, святая ночь».

Войска фон Ман., наступавшие за пределами котла, окончательно застряли. Часть его дивизий начала беспорядочно отступать. Аэродром в Т.***, с которого шло снабжение в Ст., был оставлен противнику вместе со 100 самолетами. Об этих трудностях 6-я армия не должна была знать.

* Ч. — Чиано, К. — Кавалiero, Риб. — Риббентроп, Кейт. — Кейтель, Й. — Йодль.

** В. — Васильевка.

*** Т. — Тацинская.

Пятница, 25 декабря 1942 г.

С самого утра жуткая метель.

Командование армии приняло атаку русских на северном участке фронта за начало крупного наступления.

В ставке ф. разрабатывают важные приказы, которые, однако, не касаются Ст. В этот день Цейт., как и 18, 19, 21, 22, 23 и 24 декабря, не мог прорваться к Гит.

Настроение в штабе группы «Дон»: 6-я армия все равно потеряна. Ей больше ничем нельзя помочь, остается только сказать ей об этом. Но сделать это никто не отваживается.

Настроение в штабе 6-й армии: от недоедания войска не в состоянии проводить длительные марши и наступательные действия без больших потерь.

Никто из корпусных командиров не мог дать совета, как действовать. В частных беседах пытались договориться, следует ли разъяснить войскам создавшуюся ситуацию и тем самым вызвать общее волнение или же оставить их в неведении. Фон Зейд. был за разъяснение ситуации. П. пытался найти компромисс: «Нельзя ли решить этот вопрос индивидуально для каждого случая?»

Суббота, 26 декабря 1942 г.

Ежедневный хлебный рацион сокращен до 50 граммов. Согласно расчетам штаба армии, это мероприятие следовало провести еще 23 декабря, однако оно испортило бы рождественское настроение. Недалеко от населенного пункта В. располагался армейский лагерь военнопленных, в котором к концу декабря находилось 3500 русских. П. приказал отправить военнопленных в западную часть котла. Он исходил при этом из того, что там они скорее всего будут освобождены русскими войсками. Позднее он приказал передать пленным русским, но это приказание, однако, не было выполнено. До сих пор еще ни разу не было случая, чтобы слабая сторона возвращала пленным сильному противнику.

Во второй половине дня П. направил командованию группы армий для передачи в ставку следующее донесение о положении 6-й армии:

«Большие потери, холода и недостаточное питание сильно ослабили за последнее время боеспособность войск. Поэтому я вынужден доложить следующее:

1. Армия сможет еще некоторое время, как и прежде, отражать атаки небольших сил противника и ликвидировать местные прорывы при условии улучшения снабжения и срочной доставки по воздуху подкреплений.

2. Если русские оттянут крупные силы от Г. и бросят их или какие-либо другие силы в наступление на Ст. крепость, то она долго не продержится.

3. Вырваться из котла возможности нет, если только не будет пробит коридор, а армия пополнена людьми и обеспечена продовольствием.

Исходя из этого, прошу доложить вышестоящим инстанциям, что необходимы самые энергичные меры для быстрого деблокирования армии, если только общая обстановка не вынуждает пожертвовать ею.

Само собой разумеется, что армия со своей стороны сделает все, чтобы продержаться до последней возможности».

Вечернее донесение:

«Сегодня авиация доставила только 70 тонн грузов. Завтра кончается хлеб, сегодня вечером — жиры. Завтра в некоторых корпусах не будет ужина. Срочно необходимы радикальные меры».

Секретное распоряжение:

«Центральной инстанцией отдано секретное распоряжение, согласно которому ни один раненый или вообще эвакуированный из котла не должен быть доставлен на запад за линию Днепра, чтобы не допустить проникновения из котла в Германию и в занятые области неконтролируемой информации».

Главное командование направило в котел выдающегося берлинского патологоанатома Х. с секретной миссией — установить причину смерти солдат, не участвующих непосредственно в боях.

Х., сделав несколько вскрытий, констатировал: под кожей и вокруг внутренних органов нет и намека на жировую ткань, внутренние органы бледные, вместо красного и желтого костного мозга — стекловидная студенистая масса, печень набухшая, сердце маленькое, коричневого цвета, правый желудочек и предсердие резко расширены.

Сопровождающий его полковник медицинской службы Д. сказал: «Старческие тела».

Х. оставался в котле до конца и сдался вместе со своими коллегами-врачами в плен.

Вторник, 29 декабря 1942 г.

«Охотничьи похождения» обер-лейтенанта Г. после перехода через Дон: через 8 дней после дня «икс» Г. застрелил сперва двоих детей, затем женщину, а потом комиссара.

Через 31 день колонне обер-лейтенанта Г. удастся прорваться; 12 человек гибнут, не добежав 100 метров, 10 человек, не добежав 50 метров, остальные врываются на позиции противника и приканчивают его штыками. Через 43 дня: сбор продовольствия и ценностей в партизанском районе. В деревнях и на хуторах собраны ценности стоимостью в 50 000 марок.

Четверг, 31 декабря 1942 г.

Гит. заявил о своем намерении послать не позднее конца февраля корпус войск СС из района Харькова на выручку в Ст. От Харькова до Ст. 540 км и две реки.

Сочельник 1940 года 6-я армия провела на люксембургской границе. В полночь развлекались, стреляли трассирующими пулями.

В сочельник 1941 г. армия находилась на реке Миус. День прошел спокойно.

В сочельник 1942 г. стреляли русские, державшие армию в котле. Ровно в 24 часа ночное небо вспыхнуло от трассирующих пуль и артиллерийских залпов. Ошеломленный генерал П. вышел из своего блиндажа.

Пятница, 1 января 1943 г.

Командование 6-й армии отдало приказ о строжайшей экономии боеприпасов. В соответствии с этим ежедневно разрешалось производить: полку — три выстрела из легких полевых гаубиц, два выстрела из противотанковых пушек, два выстрела из 88-миллиметровых зенитных орудий, а корпусу — один выстрел из тяжелых полевых гаубиц. Приказано было экономить и патроны. Право на сосредоточение огня в направлении главного удара штаб армии оставил за собой.

Хитрые слуги.

Малочисленная рота итальянской Восточной армии была придана одной из отборных частей, полку «Савойя»; однако люди этого подразделения никогда не стремились стать «отборными». В ноябре их послали в Ст., так как полку нужен был лес для оборудования офицерского казино. Строительный лес можно было собрать в руинах города. Но не успела рота попасть в Ст., как захлопнулся котел. У роты не было ни командировочного предписания, ни письменного приказа, дающего права на пребывания в Ст., поэтому ее командиру не удалось добиться какого-либо статута, дающего права на получение довольствия. В роте опасались, кроме того, что взятие на довольствие повлечет за собой отправку на передовую. Итальянские офицеры, пославшие роту за лесом, считали ее пропавшей без вести, не отваживаясь доложить о нелегальном задании; сразу же после 16 декабря они бежали в западном направлении. Остатки роты — человек сорок автомехаников и кавалеристов — совершали в котле налеты на обозы с продовольствием. В январе их окружила полевая жандармерия. Военно-полевой суд приговорил всех к расстрелу. Перед расстрелом они еще пытались объяснить, как они оказались в котле.

Суббота, 2 января 1943 г.

Низкий туман. За последние 24 часа в котле не мог приземлиться ни один самолет. В этот день русские генералы В. и Р.* приняли решение предъявить ультиматум окруженной армии.

Воскресенье, 3 января 1943 г.

Издающийся в котле информационный бюллетень армии сообщил: «Истребительная эскадра «Удет», четыре самолета которой находятся в котле, сообщает о том, что ее летчиками сбит 4000-й самолет противника. Майор медицинской службы Мар. из 14-й танковой дивизии, откомандированный для преподавания в военно-медицинской академии, вылетает самолетом в Берлин. В батальонах укрепленных районов идет обычная боевая подготовка и инструктаж».

С лета 6-я армия теснила русских и как победоносная армия обладала высоким моральным духом. Этот дух сохранялся еще некоторое время, когда армия уже бездействовала, а затем начал постепенно падать. Однако в котле было трудно изменить что-либо в установившемся порядке. Переход группами требовал бы договоренности, но среди посвященных мог оказаться предатель. Перебегать же в одиночку было не менее опасно, так как по беглецу оставшиеся могли бы открыть огонь. По этой причине «переход в другое организационное состояние» практически был возможен только в том случае, если офицеры сами отдавали приказ о таком переходе или о капитуляции.

Понедельник, 4 января 1943 г.

В Н. прибыло трое лично известных Гит. исследователей Гималаев. Они должны были определить, какие продукты и защитные средства следует доставлять в Ст. в первую очередь. Потребности армии были зафиксированы в документе Ia с грифом «совершенно секретно» за номером 0874/42:

500 г. хлеба, 90 г. мясных консервов, 100 г. овощей, 90 г. продуктов на ужин, 50 г. жира, 50 г. сахара, 20 г. кореньев и соли, 15 г. напитков, 25 г. табака; итого: 940 г., а вместе с упаковкой 1130 г. Для армии в 250 000 человек это составляет 282 т. в день.

* В. — Воронов; Р. — Рокоссовский.

Вторник, 5 января 1943 г.

Русские генералы В. и Р. представили в свою Ставку проект ультиматума 6-й армии:

«6-я Германская армия, соединения 4-й Танковой армии и приданные им части усиления находятся в полном окружении с 23 ноября 1942 г. Части Красной Армии окружили эту группу германских войск плотным кольцом. Все надежды на спасение Ваших войск с юга и юго-запада не оправдались. Спешившие к Вам на помощь германские войска разбиты Красной Армией, и остатки этих войск отступают на Ростов. Германская транспортная авиация, перевозившая Вам голодную норму продовольствия, боеприпасов и горючего, в связи с успешным продвижением Красной Армии вынуждена часто менять аэродромы и летать в расположение окруженных издалека. К тому же германская транспортная авиация несет потери в самолетах и экипажах от русской авиации. Ее помощь окруженным войскам становится нереальной.

Положение ваших окруженных войск тяжелое. Они испытывают голод, болезни и холод. Суровая русская зима только начинается; сильные морозы, холодные ветры и метели еще впереди, а ваши солдаты не обеспечены зимним обмундированием и находятся в тяжелых антисанитарных условиях.

Вы, как Командующий, отлично понимаете, что у Вас нет никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения. Ваше положение безнадежно, и дальнейшее сопротивление не имеет никакого смысла.

В условиях сложившейся для Вас безвыходной обстановки, во избежание напрасного кровопролития, предлагаем Вам принять следующие условия капитуляции:

Всем германским окруженным войскам во главе с Вами и Вашим штабом прекратить сопротивление.

Вам организовано передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии.

Мы гарантируем всем прекратившим сопротивление офицерам, унтер-офицерам и солдатам жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую страну, куда изъявят желание военнопленные.

Всему личному составу сдавшихся войск сохраняем военную форму, знаки различия и ордена, личные вещи, ценности, а высшему офицерскому составу и холодное оружие.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам немедленно будет установлено нормальное питание. Всем раненым, больным и обмороженным будет оказана медицинская помощь.

Ваш ответ ожидается в 15 час. 00 мин. по московскому времени в письменном виде через лично Вами назначенного парламентаря, которому надлежит следовать в легковой машине с белым флагом по дороге на разъезд Конный — ст. Котлубань.

При отклонении Вами нашего предложения о капитуляции предупреждаем Вас, что войска Красной Армии и Красного Воздушного Флота будут вынуждены вести дело на уничтожение окруженных германских войск, а за их уничтожение Вы будете нести ответственность.

Представитель Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии
генерал-полковник артиллерии ВОРОНОВ,
Командующий войсками Донского фронта
генерал-лейтенант РОКОССОВСКИЙ».

(Окончание следует)

Пропуск в историю

Janusz Przymanowski. Cztery pancerni i pies. Warszawa, Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1964.

За творческой деятельностью Януша Пшимановского я с интересом наблюдаю давно, более двадцати лет. Еще с той поры, когда в армейской печати стали появляться его корреспонденции и короткие рассказы о солдатском житье-бытье, подписанные псевдонимом Рекрут Жираф. Признаться, сперва-то интерес был чисто практический: в польском полку, куда я прибыл в 1944 году с группой советских офицеров-инструкторов, нас учили языку по газетным текстам.

В первых опытах Пшимановского, хотя он явно стремился сократить сроки литературного ученичества, было что-то и от истинно варшавского юмориста Веха, и от Гашека, и даже от реприз легендарного Растяпы, появившегося на сцене польского фронтового театра с легкой руки поэта-сатирика Леона Пастернака. Но, может быть, именно эти знакомые интонации и привлекли окопного читателя. А это очень важно для начинающего автора — иметь свою постоянную аудиторию.

Журналистика была для Пшимановского прямым, естественным продолжением бесед, которые он, политработник, проводил с солдатами артиллерийского дивизиона. На фронте будущему литератору представилась счастливая возможность видеть, какое место занимает на самом переднем крае слово публициста, проверять его действенность огнем, учиться снимать с вооружения слова, не находящие отклика в солдатском сердце.

Военная тематика поныне остается ведущей в творчестве Пшимановского. Часто, откладывая работу над большой прозой, он с энтузиазмом разыскивает следы героев минувшей войны, мужественных, окрыленных высокими идеями, бойцов до последней минуты жизни. Таких, как русская девушка Аня Морозова и поляк Ян Маленький. (Кстати, эти подпольщики-антифашисты знакомы советским читателям и телезрителям по книге «Вызываем огонь на себя», созданной Пшимановским в содружестве с московским писателем О. Горчаковым, и по одноименному телевизионному фильму С. Колосова.) Таких, как танкисты бригады имени героев Вестерплатте, которые, взаимодействуя с советскими гвардейцами, удержали плацдарм на Висле, откуда позднее началось знаменитое январское наступление 1945 года.

Подвигам польских танкистов-вестерплаттовцев писатель посвятил очерковую книгу «В прицеле Т-IV», пьесу для телевидения «Пятнадцать секунд» и, наконец, повесть «Четверо из бронетанковой». Надо сказать, что тема эта, затронутая еще Люцианом Шенвальдом в «Балладе о первом батальоне», привлекала многих литераторов и до

КНИЖНОЕ

Так «свобода художника» превращается в «подчинение диктату», едва художник позволяет себе выступление, отвечающее его демократическим убеждениям. Зато открытый или замаскированный подкуп или использование художника в реакционных политических целях освящается этой самой «свободой».

«Мне пишет Луиджи Ноно из Милана: «Фонд Форда зондировал почву, чтобы выяснить, соглашусь ли я принять их стипендию (приблизительно 20 тысяч долларов плюс квартирные расходы) и остаться на год в Берлине (Западном). Я ответил отказом. Без малейших сомнений и колебаний».

Ответ Ноно на предложение Форда — новое доказательство его последовательности.

Однако это дело с фордовским фондом достаточно любопытно: что означает приглашать деятелей искусства, предлагая им жалованье в миллион лир в месяц, квартиру, машину и слуг-негров в Западном Берлине? Что имеется в этих новых Афинах столь важного для культуры (чтобы это к тому же интересовало американцев)? Великая китайская стена, или стены Иерихона, или башни Ниневии?

Нет. Там есть лишь пограничная стена между двумя государствами. Разъезжать в «кадиллаке» по эту (западную) сторону стены, бахвалиться богатством, показывать беднякам-социалистам, что значит настоящая жизнь, — вот та культурная деятельность, которую призывают проводить некоторых видных представителей европейской культуры!

А вот еще один примечательный штрих, довершающий картину, не оставляя никаких иллюзий относительно свободолюбия американских меценатов:

«Сегодня мы узнали из газет, — пишет Гуттузо, — что Луиджи Ноно было отказано во въездной визе в Соединенные Штаты. Это смехотворное использование власти посредством «виз» — современная форма американской демократии для дискриминации деятелей культуры.

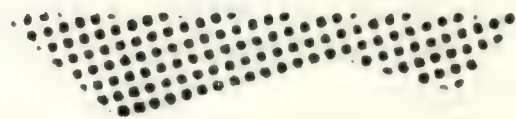
«Нетерпимость 1960 года» — название оперы Луиджи Ноно.

«Нетерпимость 1965 года» — вот девиз американского консульства в Триесте».

Вопреки словоблудию тех, кто понимает свободу как беспринципность, подлинная свобода не только не противоречит партийности, а, напротив, предполагает ее. Только художник, занимающий определенную, недвусмысленную позицию в идейно-политических битвах своего времени и ставящий свое искусство на службу одушевляющим его идеалам, только художник, не поддающийся ни идеологическому шантажу, ни модной лжи, ни укоренившимся предрассудкам (среди которых не последнее место занимает старательно культивируемое представление о художнике-сверхчеловеке), — только такой художник может по праву называться свободным.

К таким художникам и принадлежит Ренато Гуттузо. Это доказывает как его творчество, так и его публицистические и критические выступления, в том числе — блестящий «Дневник».

Н. Владимиров

АЛЕКСАНДР КЛЮГЕ

ОПИСАНИЕ ОДНОЙ БИТВЫ

Перевод с немецкого Н. ВЕТЛОВА
под редакцией И. КАРИНЦЕВОЙ

Среда, 6 января 1943 г.

На аэродромы, используемые для снабжения Ст., из ставки прибыли шесть «юнкерсов-52». Это были личные самолеты Гер., Рих., Лея и других.

Генерал-интендант К. организовал для зоны действия группы армий поезд-молнии. Эти поезда формировались в Шлезвиг-Гольштинии и грузились сырокопченой колбасой, шпиком, шоколадом и другими продуктами. Пропускались они в первую очередь, даже впереди эшелонов с боеприпасами, и шли из Шлезвиг-Гольштинии до Рос. * семь дней.

На сегодня русскими было запланировано генеральное наступление на котел.

Четверг, 7 января 1943 г.

Вечером 7 января, т. е. накануне передачи ультиматума, русские попытались установить радиосвязь со штабом окруженной армии. Так как им никто не ответил, то фронтовая радиостанция, которая использовалась на Донском фронте для воздействия на окруженные войска, всю ночь передавала сообщения о высылке парламентариев.

376-я пехотная дивизия находилась на западном участке котла. Солдаты сидели в снежных ячейках; позиций здесь не оборудовали, хотя вблизи находилась полусгоревшая деревня, в которой можно было найти стройматериал. Штаб армии принял решение заменить 376-ю пехотную дивизию частями 29-й моторизованной дивизии.

Пятница, 8 января 1943 г.

Волга замерзла. По многим дорогам через Волгу к русским беспрерывно текут грузы и пополнение. Немецкая артиллерия 94, 389, 305, 79, 100, 295 и 71-й дивизий давно уже мечтала о подобных целях, но у нее нет снарядов, необходимых для ведения беспокоящего огня.

В котел возвратился генерал Х. В западной части котла, благодаря настроенному оптимистически генералу, дух несколько поднялся.

Русские парламентарии Смыс. и Дят.** покинули свои окопы на северном участке фронта и, как было объявлено по фронтовой радиостанции, направились к проволочным заграждениям противника. Но их никто не встречал. Через некоторое время окруженные открыли минометный огонь. Генерал В. сказал при этом: «Вражеская сторона ведет себя по-вражески!» Из Москвы пришел приказ: «Переговоры прекратить!»

Окончание. Начало в № 5.

* Рос. — Ростов.

** Смыс. — майор Смыслов, Дят. — капитан Дятленко.

Суббота, 9 января 1943 г.

Вопреки полученному из Москвы указанию, генерал В. решил еще раз послать товарищей Смыс. и Дят., на этот раз на южный участок котла. У проволочного заграждения парламентареры были встречены немецкими офицерами, потребовавшими отдать им пакет. Смыс. запротестовал, и их в соответствии с международной конвенцией повели с завязанными глазами через немецкие позиции. У парламентареров были приготовлены на этот случай большие белые платки. Ультиматум был передан в конверте лично П.

Посоветовавшись с вышестоящими инстанциями, П. оставил ультиматум без ответа.

Примерно в 21 час русское командование уведомило германскую армию о том, что 10 января в 6 часов утра после 45-минутной артиллерийской подготовки начнется генеральное наступление на котел.

Начштаба 6-й армии считал, что противник сможет начать генеральное наступление не раньше 20 января.

Ночью продолжалась смена 376-й пехотной дивизии 29-й моторизованной дивизией; артиллерия находилась на марше. В это время русские нанесли удар.

На позициях в районе Орловки, куда было трудно добраться на грузовиках, в этот день выдали последний хлебный паек.

Воскресенье, 10 января 1943 г.

1-й день русского наступления. Целый день светило солнце.

Русские начали наступление точно в 6 часов.

21-я армия наступала на Мар.* (крайний западный участок), 65-я армия — между совхозом № 1 и Димитр. (растянувшийся северо-западный участок). На севере наступала 66-я, а на юге 64-я армии.

В котле:

71-й пехотный полк (западный участок): зная приказ командования армии о том, что каждый, кто подобьет в ближнем бою танк противника, будет эвакуирован, многие солдаты пытались забросать бутылками с бензином русские танки, двигавшиеся с 6.30 между дзотами в поисках целей.

29-я моторизованная дивизия (западный и северо-западный участки): к вечеру уцелело только одно орудие. В полдень с севера пришел оставшийся в живых солдат 44-й пехотной дивизии и сообщил, что на северном участке больше никого нет. Теперь офицеру с 50 солдатами 29-й моторизованной дивизии пришлось прикрывать северо-западный выход из лощины.

44-я пехотная дивизия (северо-западный участок): с самого раннего утра на дивизию непрерывным потоком надвигаются русские танки с пехотным десантом; на башнях развеваются красные знамена. Над степью из репродукторов походных раций гремят марши и призывы. За танками плотными колоннами движется пехота. 44-я пехотная дивизия залегла по обе стороны плоской вершины Казачьего кургана. Забраться на эту вершину, чтобы вести наблюдение, никто не отважился. Наконец, преодолев утренний шок, солдаты начали оказывать сопротивление. Однако очень быстро часть их была уничтожена.

Западный участок: здесь действуют 8-й армейский и 14-й танковый корпуса. Вскоре после полудня в полосе обороны образовались большие бреши.

113-я пехотная дивизия (северный участок): ровно в 5.15 дивизия вышла из-под артиллерийского огня русских, оттянув основной состав на передний край. Перехитрив таким образом противника, она отбивает последовавшую атаку. Однако эта атака была вспомогательной.

60-я моторизованная и 16-я танковая дивизии (на северной отсечной позиции) понесли тяжелые потери.

Понедельник, 11 января 1943 г.

День рождения Фридриха Великого.

2-й день русского наступления.

Обстановка в окружении:

В первой половине дня противник вклинился небольшими силами на северном и южном участках; катастрофических размеров достигло вклинение на западном участке. Солдаты, оборонявшие долину реки Кар., где еще были теплые землянки, отброшены в открытую степь.

Обстановка в группе армий:

В этот день отчаявшийся майор Т. решил отказаться от всяких переговоров в группе армий и с авиационными штабами и возвратиться на самолете в котел. Начальник штаба группы не дал ему разрешения, сказав: «Дорогой Т., вы слишком хорошо ознакомились с обстановкой. Что вы хотите доложить генералу П.? Необходимо, чтобы П. получил действительно положительную информацию, а таковой в данный момент нет».

* Мар. — Марьяновка.

Вторник, 12 января 1943 г.

3-й день русского наступления. Пасмурно.

Остатки разбитых соединений западного участка котла отходят на рубеж: совхоз № 1—Новоалекс.—Жирн.*. Новый рубеж, кажется, удастся удержать.

На северном участке солдаты 16-й танковой и 60-й моторизованной дивизий вот уже 30 часов лежат перед своими позициями, которые им так и не удалось возвратить. Укрывшись за снежными валами, они топчутся по кругу, чтобы хоть как-нибудь согреться. Во время очередного артналета нервы у них больше не выдерживают. Командир одной роты прискакал на КП дивизии верхом на полевой кухне.

Среда, 13 января 1943 г.

4-й день русского наступления.

С энтузиазмом было встречено в котле приземление четырехмоторного самолета «юнкерс-290». В огромном фюзеляже разместились сто пятьдесят раненых. При взлете солдаты заскользили по гладкому металлическому полу самолета в хвостовую часть. Получив перегрузку на хвост, этот колосс врезался в землю, все раненые погибли.

За несколько дней до этого выяснилось, что на высоте более 1000 метров раненные в легкие и в голову умирали. В Н. было разгружено четыре транспортных самолета с умершими в пути.

Генерал Х. из 14-го танкового корпуса располагается с остатками своего штаба в районе Дуб.**, в 6 км за Новоалекс. В связи с продвижением русских на южном участке его оборонительный рубеж потерял значение. Х. расставляет штабных офицеров и нескольких оставшихся в его распоряжении солдат у окраины населенного пункта. Так как все уже безнадежно, генерал сам окапывается, чтобы стоять здесь насмерть. Значительную часть техники его подчиненные уничтожили и, расположившись вокруг генерала Х., рассчитывают дать последний бой. Вечером к ним начали приближаться отдельные русские танки.

По заданию генерал-полковника П. из котла вылетел капитан генштаба Бер. Он вез с собой журнал боевых действий 6-й армии, а также письма от П. к фон Ман. и от начштаба армии Ш. к начштаба группы армий «Дон». В полдень он прибыл на командный пункт в Таганроге. Ему дали указание: обрисовать фон Ман. и Гит. безвыходность положения армии, а также объяснить, что через 48 часов 6-я армия погибнет, если не будут приняты действительно решительные меры.

Почему П. послал именно Бера?

Офицеров генерального штаба Гит. считал профессиональными пессимистами. Попытка послать к Гит. генерала уже однажды предпринималась, но безуспешно. Может быть, на Гит. подействует разговор с молодым, приятной наружности кавалером «Рыцарского креста»?

Кроме того, П. хотел, чтобы за пределами котла был хоть один свидетель событий. П. считал, что, вероятно, дня через два котлу придет конец. К этому времени Бер не успеет еще возвратиться.

Высокий чин Бера не терять, и, может быть, поэтому он будет держаться с Гит. без стеснения. Кроме того, молодой капитан приходился свояком одному из военных адъютантов Гит. Когда Бер вылетал с аэродрома Басаргино, было уже ясно, что в ближайшее время аэродром будет потерян.

За пределами котла атмосфера была совершенно иной, что Бер и почувствовал сразу же, как только покинул здание аэропорта. Но он сохранял невозмутимость, не дал сбить себя с толку. Майор Т., перехватив Бера, сообщил, что его некоторым образом просто не выпускают отсюда. Удивленный фон Ман. принял Бера немедленно, однако вылететь в этот же день в ставку ему не разрешил.

Бер привез майору Т. открытку от К., в которой тот писал о случаях разложения в окруженной армии. Это потрясло Т., никогда раньше его начальник К. не доверил бы открытке даже намек на подобные явления.

Четверг, 14 января 1943 г.

5-й день русского наступления.

На южном участке котла разбита 297-я пехотная дивизия.

Русские танки и колонны войск, двигавшиеся в направлении Новор. и Басаргино, повернули затем на восток.

С сегодняшнего дня перестали вести списки потерь. Однако боевая обстановка на карты наносится.

Особенно упорно преследуемая противником группа Рейnbr. из 29-й моторизованной дивизии сумела к вечеру довольно основательно окопаться. Техникам, присланным из дивизии, в течение ночи удалось отремонтировать два 20-миллиметровых орудия.

* Новоалекс.—Новоалексеевский, Жирн.—Жирноклеевка.

** Дуб.—Дубининский.

К концу дня на аэродроме в Басаргино возникла паника — пронесся слух, что недалеко появились русские танки. Было приказано эвакуировать аэродром. Оставшиеся на аэродроме четыре истребителя поднялись в воздух, однако при попытке приземлиться в котле на полевом аэродроме Гум. разбились. К вечеру начштаба 6-й армии генералу Ш. удалось по телефону прекратить панику.

Утреннее донесение армии: только половина войск получила по 200 г хлеба. Боеприпасов так мало, что о подавлении противника и речи быть не может.

Дневное донесение: дивизии ведут частично рукопашные бои, так как нет боеприпасов. Вследствие превосходства противника, особенно в артиллерии, а также из-за многочисленных случаев обморожения и полнейшего истощения войск невозможно больше удерживать занимаемые на западном участке позиции.

Миссия капитана генерального штаба Бера:

В первой половине дня капитан Бер вылетел из Таганрога в ставку. На аэродроме в Р. его встретил свояк; он проинформировал Бера о настроениях в ставке, а также отбил атаки чиновников и охраны, пытавшихся проверить и обыскать капитана. К 21 часу он был приглашен на ежевечернее совещание к Гит. Присутствовали: Кейт, Йод., Шм., Бод., Гит., Бор.*, офицеры, подготавливающие данные с различных театров военных действий, стенографы, адъютанты Гит. и офицеры для поручений. Гит. произнес: «Хайль, господин капитан!» От такого обращения Бер вначале смешался. После многочисленных бесед с офицерами в ставке, истощенный, подавленный тяжестью возложенной на него ответственности, он чуть было не дал сбить себя с толку. Гит. уже хотел заняться обычным обсуждением обстановки, как Бер взял слово. Услышав, что Гит. перебили, все высшие офицеры затаили дыхание. Стоявший за спиной ф. Кейт подавал Беру знаки, чтобы он замолчал. Шм. негодовал. Бер сказал: «Мой ф., прошу выслушать меня, я еще не закончил». Гит. слушал сообщение Бера, заметно волнуясь. Он понял теперь, что для Ст. необходимо немедленно что-то предпринять. Бера он пригласил прийти вечером следующего дня.

Пятница, 15 января 1943 г.

6-й день русского наступления.

В районе Б.** солдат удается удерживать в окопах только угрозами. На еще обороняющихся участках в долине реки Рос.*** у солдат такая апатия, что они просто сидят на дне окопов и стреляют в воздух. Солдаты, оборонявшие позиции восточнее Новоалекс., получили в 13 часов приказ отойти. Едва они вышли из окопов, как их со всех сторон обстреляли. Укрыться в снегу было невозможно. Русские преследовали их, выкатив на открытые позиции артиллерию и станковые пулеметы.

Ночью русские войска двинулись к окружной Ст-ской дороге. На хуторах попадают машины со штабными документами. По поводу создавшегося положения фон Зейд. выразился следующим образом: «В этом жалком медленном умирании, в гибели немецких солдат под гусеницами русских танков я не вижу никакого высшего смысла». А Ш. заявил: «Говорите везде, где вы только сочтете нужным, что армия была предана высшей инстанцией и брошена на произвол судьбы».

Вечером Гит., как и обещал, принял капитана Бера. «Передайте привет П., — сказал он. — Я сделаю все, что от меня зависит». Друзья вручили Беру мешок шпика для передачи своим знакомым. Еще в присутствии Бера Гит. предоставил фельдмаршалу М. обещанные чрезвычайные полномочия. После разбора обстановки Гит. обратился к фельдмаршалу М.: «Так как нами принято окончательное решение удерживать Ст., необходимо использовать для этой цели все возможные средства. Я знаком с обстановкой и знаю, что там все напряжены до предела. В целом там сделано все, что можно было сделать; тем не менее я требую доставлять ежедневно в крепость 300 тонн грузов, чтобы она могла держаться, сковывая крупные силы русских. Предоставляю вам чрезвычайные полномочия и право отдавать приказы и распоряжения всем командным инстанциям вооруженных сил».

Суббота, 16 января 1943 г.

7-й день наступления русских. Мороз —30°, метель.

В этот день был оставлен аэродром в Басаргино; командный пункт армии перенесен дальше в глубь котла.

Дневное донесение 6-й армии: противник предпринял массированные атаки на южном, юго-западном и западном участках, однако в результате жестоких боев на новом оборонительном рубеже все они были отбиты. Положение со снабжением катастрофическое. Из-за недостатка горючего подвоз продовольствия к фронту невозможен. Большинство рот на западном участке уже два дня не получает питания. Войска круглые сутки находятся на тридцатиградусном морозе, ничем не защищенные от тяжелых бомб русских пикирующих бомбардировщиков. Наша же авиация либо неисправна, либо отозвана из котла.

* Бор. — Борман.

** Б. — Бабуркин.

*** Рос. — Россошка.

Совершающий по поручению штаба армии инспекторскую поездку полковник З. имел в северной части котла беседу с командиром корпуса генералом Штр. относительно того, какой избрать конец. К этому времени было проведено уже несколько сот бесед с офицерами штабов о том, что предпочтительней: попытка вырваться из котла или смерть. Командование армии предоставило право каждому принять по этому вопросу любое решение, кроме дезертирства.

Воскресенье, 17 января 1943 г.

8-й день русского наступления.

В течение ночи на импровизированном запасном аэродроме в Гум. не приземлилась ни одна машина. Позже, правда, выяснилось, что приземлились пять машин, но так как на аэродроме не оказалось обслуживающего персонала, весь груз был передан проходившей мимо аэродрома части.

Генерал-полковник П. направил ф. радиogramму о том, что военно-воздушные силы предают находящиеся в котле войска. Фон Ман. звонит по телефону М.; Гер. также звонит М., М. звонит генералам Ф. и фон Рих., по селектору производится опрос аэродромов и экипажей, а в это время от 6-й армии поступает новая радиogramма с обвинениями. Между командованием военно-воздушных сил и командованием 6-й армии идет спор, можно ли приземляться на аэродроме в Гум., который находится под артиллерийским обстрелом. У одного приземлившегося самолета проходившая мимо войсковая часть выкачала из бака весь бензин, и самолет не смог вылететь обратно. Высокие инстанции договариваются, наконец, о том, что на следующий день в котел прибудет представитель авиации, который на месте разрешит спор.

Фронтальная радиостанция передает из Харькова специальную программу для Ст. (в основном, песни о Вене и Дунае).

Понедельник, 18 января 1943 г.

9-й день русского наступления.

В помощь обороняющимся перебрасывают истребители и бомбардировщики из Франции. Для доставки грузов М. предполагает использовать грузовые планеры. Придя в себя после автомобильной катастрофы, случившейся накануне, М. нанес визит фон Ман.; мнения фельдмаршалов совпадают.

Радиogramма командующего 6-й армией: «Мой ф., Ваши приказы относительно снабжения армии не выполняются. Аэродром в Гум., начиная с 15 января, полностью готов к приему самолетов. Посадочная полоса признана безупречной. Необходимо Ваше немедленное вмешательство, обстановка чревата катастрофой».

Следующая радиogramма: «Претензии авиации рассматриваются здесь только как отговорка. Посадочные возможности признаны летными частями вполне приемлемыми. Командующий просил непосредственно ф. вмешаться в это дело, так как промедление авиации уже стоило жизни многим и многим людям».

Ночная радиogramма: «Все еще ни одного самолета. Армия просит отдать экипажам самолетов приказ производить посадку».

Вторник, 19 января 1943 г.

10-й день русского наступления.

Дневное донесение армии: на западном участке противник возобновил массированные атаки на левый фланг 76-й и на правый фланг 44-й пехотных дивизий, которые были успешно отбиты. Вследствие снежных заносов найдена только часть сброшенных кассет с продовольствием.

В 11 часов в котле приземлился офицер ВВС, майор Т. К 16 часам его самолет не был еще разгружен. Над Ст. много истребителей противника, но они не опускаются ниже 1000 м. Как только противник обнаруживает какое-либо передвижение на аэродроме, три русских патрулирующих штурмовика начинают сбрасывать бомбы. Если же объекту удастся избежать удара с воздуха, немедленно подключается русская артиллерия. Солдаты наземной службы находятся в состоянии апатии и почти не выполняют приказов.

М. отдал за пределами котла распоряжение не отвечать на упреки 6-й армии в адрес ВВС, так как ситуация в котле действительно тяжелая. Такую же сдерживающую тактику проводил и генерал-фельдмаршал фон Ман.

Полковник А., * адъютант П., сказал в этот день своему другу: «Ты знаешь, нас осталось теперь только 150 000, но все эти 150 000 — государственные изменники. Писатель-коммунист В.** читал сдавшимся в плен стихи. Пленных, главным образом офицеров, собрали для этого в деревне К. на Дону, в школе. Обычно столь упрямые, офицеры не в состоянии были сопротивляться поэзии, хотя она содержала неприятную информацию».

* А. — Адам.

** В. — Эрих Вайнерт.

Среда, 20 января 1943 г.

11-й день русского наступления.

Дневное донесение: приступили к сокращению северо-западного участка фронта. Отсутствие горючего приведет к большим потерям в людях, оружии и технике.

П. отправил Цейт. следующую радиограмму: «Крепость может продержаться еще всего несколько дней. Прекращение снабжения лишило людей последних сил, а технику — подвижности. Скоро будет потерян последний аэродром, в связи с чем снабжение сократится до минимума. Базы для выполнения боевой задачи по удержанию Ст. больше не существует. Уже сейчас русские могут прорваться на отдельных направлениях, так как целые участки фронта остаются открытыми из-за больших потерь в людях. Тем не менее героизм солдат и командиров еще не сломлен. Чтобы использовать его для последнего удара, я намереваюсь перед катастрофой отдать всем частям приказ на организованный прорыв в юго-западном направлении. Отдельным группам удастся прорваться и вызвать замешательство в тылу противника. Если же мы останемся на месте, то наверняка все погибнем; даже те, кто попадет в плен, погибнут от голода и холода. Предлагаю вывезти на самолетах некоторое количество специалистов — офицеров и солдат, — чтобы использовать их в дальнейшем. Приказ на это необходимо отдать как можно быстрее, ибо вскоре негде будет совершать посадку. Офицеров прошу перечислить поименно. Лично я при этом, разумеется, исключаясь.

Подпись: П.»

Ответ:

«Радиограмму получил. Совпадает с моим предложением, сделанным четыре дня назад. Еще раз докладывал ф.

1. Относительно попытки прорваться: ф. оставил за собой право принять последнее решение. Прошу, при возможности, направить мне еще одну радиограмму.

2. Относительно эвакуации самолетами: ф. пока что отклонил это предложение. Прошу прислать сюда Ц., с тем чтобы он еще раз доложил об этом. Я возьму его с собой к ф.

Подпись: Цейт.»

Два офицера нашли в погребке кассету с продовольствием; съели содержимое, а затем застрелились.

Четверг, 21 января 1943 г.

12-й день русского наступления.

Генералы Пф. и фон Зейд. просили в этот день П. прекратить бои. П. не знал, что предпринять. Переводчика в штабе армии не было. По радио пригласили капитана фон Н. из 4-го армейского корпуса. Во время совещания П. сказал фон Н.: «Возможно, то, что мы сейчас делаем, является государственной изменой», — и добавил: «Что мне остается делать, если ф. не дает согласия?» В этот день, находясь в подавленном состоянии, они решили согласиться на предложение о капитуляции от 9 января. Фон Н. перевел на русский язык письмо следующего содержания:

«Генерал-полковнику артиллерии В.

Я готов вступить в Ваши переговоры на основе Ваших условий от 9 января. Прошу Вас отдать 23 января с... часов приказ о прекращении огня. Мои полномочные представители придут на двух машинах с белыми флагами в ... часов 23 января по дороге вдоль железнодорожной линии Ген.—разъезд Конный — Котлубань. Командующий 6-й армии».

Утреннее донесение 6-й армии: начиная с 16 января получено только по 36 снарядов для легких полевых гаубиц, израсходованы уже тысячи; на каждый ствол остается по 30 выстрелов. Горючего и продовольствия по-прежнему недостаточно.

Дневное донесение: с беспримерным героизмом дивизии западного участка фронта вели ожесточенные бои, отражая массированные атаки войск противника, поддержанные танками и артиллерией. Сегодня нами ликвидированы несколько глубоких вклинений; контратаками мелких групп пока что удалось приостановить продвижение полков противника. Уничтожено несколько танков, главным образом, в ближнем бою. С наступлением темноты 60-я мотопехотная, 113-я и 76-я пехотные дивизии, ведя сдерживающие бои с атакующим противником (противник зашел в тыл!), отходят на рубеж Надежа — 4 км. восточнее Гончара, который необходимо удерживать в течение 22 января. 44-я пехотная дивизия, вероятно, уничтожена.

Ярко светит солнце. Обледенный труп на холме клюют вороны. Птицы в степи — зрелище необычное. Маленькое белое солнце, пробивающееся через белесую дымку, изменило привычную свою окраску, но, увы, не греет. Чистое небо дышит жестоким холодом, а движущиеся со стороны Астрахани массы холодного воздуха вовсе не желают считаться с тем, что может выдержать человек.

Пятница, 22 января 1943 г.

13-й день русского наступления.

Начальник штаба 6-й армии Ш. предложил командующему армией ввиду создавшейся обстановки «регулировать смертность», т. е. сдать госпитали противнику. П. не

хотел решать этого вопроса без консультации с вышестоящими инстанциями. Мнения П. и его начальника штаба (при свидетелях) разошлись.

Утреннее донесение 6-й армии: в ходе тяжелых, продолжавшихся целый день боев на северном, западном и юго-западном участках фронта противнику удалось глубоко вклиниться на юго-западном участке. У большей части подразделений боеприпасы израсходованы. Отмечаются отдельные случаи морального разложения войск. Последними средствами удалось уничтожить 20 танков противника. На западном участке слабая оборона в виде редкой цепочки опорных пунктов. 76-я и 297-я пехотные, а также и 3-я моторизованная дивизии уничтожены.

Фронтальная радиостанция русских передает немецкие лирические песни: «Здесь каждая роза твердит о любви...»

В восточной части котла, в 305-й и 79-й пехотных дивизиях, упорно ходят слухи, что в котел прилетел ф. с несколькими полками парашютистов-десантников.

В 389-й пехотной дивизии, находящейся на северо-западном выступе у Ш. на реке В., изучалось предложение командования 51-го корпуса: внезапной атакой совместно с тремя соседними дивизиями совершить, против воли П., прорыв на восток, через Волгу. Двигаться намеревались сначала на восток, затем назад, через Волгу, на запад и юг к немецким позициям. Позднее от этого плана отказались.

Подполковник Ф. из штаба корпуса генерала Г. приказал одному из шоферов штаба отвезти его на аэродром. Там он, утверждая, что имеет задание наладить важные организационные мероприятия за пределами котла, сумел прорваться в самолет. После возвращения шофера в штаб корпуса было обнаружено, что подполковник Ф. просто дезертировал. Явившись в штаб группы «Дон» с фальшивым заданием, он был расстрелян на следующий день за трусость. Для начальника этого офицера, которого все звали «папа», было непонятно, как мог подобным образом покинуть штаб сотрудник, с кем он вместе проработал много лет.

Суббота, 23 января 1943 г.

14-й день русского наступления.

Штаб армии передислоцировался сначала на командный пункт 71-й пехотной дивизии, а затем в южную часть Ст.

В штабах частей побеждает мнение, что раненых при отходе лучше оставлять там, где они лежат. Против этого говорит известное чувство сентиментальности, но с практической и медицинской точек зрения правильнее оставить их на попечение противника, чем, сохранив им на несколько дней свободу, оставить их без всякого ухода. В этот день с импровизированного аэродрома вблизи Ст. вылетел последний самолет.

Воскресенье, 24 января 1943 г.

15-й день русского наступления. Погода солнечная.

Тысячи солдат разгуливают по улицам Ст. Русские стреляют редко. На всех углах жарят и варят. Из Гум. к городу движутся толпы людей. Прошлой ночью войска оставили балку Тигода и отошли на условную линию, частично обозначенную на снегу колышками и веревкой. Им было сказано, что это последний оборонительный рубеж. В полдень западный участок фронта официально оттягивается на окраину Ст. Капитана фон Н., знающего русский язык, снова вызвали в штаб армии и приняли, как герцога. Подавали кофе, сигареты и французский коньяк. Капитан будет находиться в распоряжении командования армии в качестве переводчика. Начальник штаба Ш. сказал ему: «Желательно удерживать командуемого и его приближенных от непосредственного участия в бою. Об этом не должны знать фон Эльхлепп и начальник оперативного отдела. Основная идея состоит в следующем: командуемый не сдался, а был захвачен в плен».

В этот день П. несколько раз говорил, что ему надо застрелиться. Генерал Ш. в подобные разговоры не вступал. Он твердо придерживался своей линии: организованные действия в котле, а затем столь же организованный переход на статус военнопленных.

Примерно в полдень начальник штаба 51-го корпуса собрал вблизи развалин какой-то фабрики всех своих подчиненных и сказал: «Вы свободны делать, что хотите; битва проиграна. Желаю вам счастья», — а затем пожал всем присутствующим руки. Люди, привыкшие к приказам, не знали, что делать со своей свободой.

П., потрясенный безвыходностью обстановки, которая была ясно видна на его карте, направил Гит. следующую радиограмму: «На основании оперативных сводок корпусов и личных донесений их командиров командование армии докладывает: войска без боеприпасов и продовольствия, связь поддерживается лишь с частями шести дивизий. Случаи разложения войск отмечаются на южном, северном и западном участках фронта. Единоначалие больше неосуществимо. Восточный участок особых изменений не претерпел. 18 000 раненых не получают никакой медицинской помощи; нет ни перевязочных материалов, ни медикаментов. 44, 76, 100, 305 и 384-я пехотные дивизии уничтожены. Противник глубоко вклинился на многих участках. Опорные пункты и укрытия есть только в самом городе. Дальнейшая оборона бессмысленна. Катастрофа»

неминуема. Для спасения оставшихся армия просит разрешения на немедленную капитуляцию».

Гит. не пожелал понять, как мог П. послать ему подобную радиограмму, и, разумеется, отверг капитуляцию.

Глазное командование предложило П. представить людей к наградам и повышению в звании.

Утреннее донесение 6-й армии: в городе положение ужасающее. Около 20 000 раненых, не получающих никакой медицинской помощи, нашли себе пристанище в развалинах домов. Примерно столько же голодных, обмороженных и отбившихся от своих частей, большинство без оружия.

Понедельник, 25 января 1943 г.

16-й день русского наступления.

297-я пехотная дивизия под командованием Морица фон Др. двигалась маршем к русским позициям; к ней не присоединился ни один солдат из соседних дивизий, но никто и не стрелял в нее. Бывший президент имперского военного трибунала генерал Г., командовавший 8-м корпусом, приказал открыть огонь по штабу капитулирующего соседнего корпуса фон Зейд. Убито несколько офицеров. Из оставшихся 150 000 солдат, начиная с 20 января, 120 000 не участвовало в боях.

В руинах Ст., протянувшихся на 21 км, укрылось еще примерно 150 000 солдат.

Утреннее донесение 6-й армии: на самом высоком здании в центре города поднято знамя со свастикой.

Дневное донесение: противник предпринимает мощные атаки, поддержанные большим количеством танков и артиллерии при незначительных силах медленно продвигающейся пехоты. Западная окраина Ст. в основном удерживается. Пригород Минино оставлен. 11-й армейский корпус обороняется, имея небольшое количество тяжелого оружия, боеприпасов мало, продовольствия нет. Авиация противника совершает непрерывные налеты на всю территорию города. Количество раненых, умерших от голода и отбившихся от своих частей, растет с каждым часом.

Вторник, 26 января 1943 г.

17-й день русского наступления. Ночью метель и сильный ветер.

В этот день русские генералы В. и Р. разрезали котел на две части.

Встреча русской 21-й армии с наступающей с востока 13-й стрелковой дивизией произошла в районе расположения немецкой 100-й егерской дивизии и стоила последней жизни.

Объединенные остатки штабов 4-го армейского корпуса и 71-й пехотной дивизии («Счастливой») под командованием генералов Пф. и Александра фон Г., а также полковники Гр. и В. сидели в блиндаже, ожидая конца. Когда русские перешли в атаку, все во главе с Александром фон Г. вышли на насыпь и, стоя в полный рост, до тех пор стреляли в русских, пока последние не застрелили генерала фон Г. Это моментально охладило пыл оставшихся в живых, и они покинули насыпь. К концу дня начальник оперативного отдела штаба М. сколотил отряд в 280 человек, чтобы организовать прорыв в юго-западном направлении. Попытка состоялась вечером. В этот же день командир разбитой 371-й пехотной дивизии застрелился на командном пункте генерала Пф.

Генерал-майор В. удивленно спросил офицера Б.: «Почему Вы меня не приветствуете?»

Последняя батарея одного артиллерийского полка была добита из минометов.

Когда подполковник генштаба фон Ц. доложил Гит. о положении в оставшейся части котла, Гит. приглушенным голосом, который для многих из его приближенных звучал отечески, сказал: «Люди восстанавливаются быстро!»

Как «восстанавливался» полковник В.

В Польше полковник В. был еще капитаном. На его глазах погибли семь его друзей-офицеров. Эти жертвы были оправданы победой. Во Франции он потерял еще двух своих друзей; отныне он больше не торопился приобретать новых друзей. Однако не мог избежать привязанности к молодым людям, которых обучал. В Сербии он потерял часть своих молодых солдат, попавших в засаду. В Греции (он дошел только до Салоник) от огня собственной артиллерии он потерял двух солдат. В южной России артиллерии не было. Солдаты увязали в липкой, скользкой грязи и попадали в засады. Форсируя Днепр, они не заметили дзот противника, это стоило жизни 15 солдатам, которых обучил и воспитал В. Зимой на реке Миус В. потерял еще 40 человек убитыми и ранеными, среди которых был и его друг, лейтенант М. К весне 1942 г. у В. осталось еще 12 человек старого кадрового состава. Под Ст. он потерял до ноября еще восемь. В октябре В. получил пополнение и дошел с ним до поселка Р. Плохо обученные солдаты пополнения сразу же погибли. Пробыв 30 дней в котле, В. решил спасти хотя бы одного из оставшихся четырех кадровых солдат. 10 января в 6.00 утра противник после 45-минутной артиллерийской подготовки перешел в генеральное наступление. Артиллерийский огонь не причинил вреда подразделению В. Кое-кто из его солдат пытался выступить против русских танков с бутылками, наполненными бензином. В этот день

погибло трое из четырех оставшихся у него кадровых солдат. Сам В. был ранен и успел выбраться из Ст. Он «восстанавливался» во Франции, формировал там новую роту. Эту роту он потерял в Яссах. Так как к тому времени В. снова был ранен, у него была полная возможность оправиться и от этого шока. В Пуште в конце 1944 года он снова принял участие в битве. Здесь он командовал танковым соединением и надеялся на этот раз сохранить хоть часть своих солдат. Когда же в декабре ему пришлось в течение одного дня покинуть подряд четыре танка, так как все они были по очереди подбиты, он сел в борозду на поле и заплакал. После четырехнедельного пребывания в тылу В. снова «восстановился» и даже принимал участие в обороне Ахензее в Баварии.

Среда, 27 января 1943 г.

18-й день русского наступления.

На восточном участке котла обычная боевая обстановка. Здесь даже предпринимались попытки наскрести резервы. На командном пункте 14-го танкового корпуса во второй половине дня появился генерал-полковник П. и беседовал с заместителем командира корпуса генералом Шл. Несмотря на крайне бедственное положение П. не принял никакого решения.

Начальник штаба корпуса полковник М. просил начальника штаба армии Ш. дать указание прекратить бой. Ш. ответил: «Обстановка нам известна, но приказ гласит — продолжать бой». М. спросил его: «Что могут сделать солдаты без боеприпасов?» Ш. ответил: «У них есть ножи, а у кого нет, пусть кусается». Услышав это, заместитель начальника оперативного отдела штаба корпуса застрелился. Узнав об этом, его начальник М. выскочил из командного пункта и скрылся на территории полуразрушенной фабрики.

Четверг, 28 января 1943 г.

19-й день русского наступления.

Генерал фон Д. принял командование беспризорным 14-м танковым корпусом. Он пригласил к себе командиров дивизий и посоветовал им сдаться на следующий день в плен. П., узнав об этом, сместил генерала фон Д. По телефону ему удалось убедить командиров дивизий не капитулировать по крайней мере до завтра. Тогда генерал фон Д. решил капитулировать хоть с одной 376-й пехотной дивизией.

Основной темой при разборе обстановки у Гит. было возрождение 6-й армии. Большие надежды Гит. возлагал на переброшенные в южную Россию свежие танковые дивизии СС. Гит. стал осторожным. Он требует изучить вопрос: нельзя ли все-таки вывести войска из Демянского котла. Захват Ленинграда он считает более важной задачей, чем сохранение этого котла.

Пятница, 29 января 1943 г.

20-й день русского наступления.

В Ст. все перемешалось: немецкие солдаты, раненые, русские солдаты. Только отдельные офицеры и старые унтер-офицеры получили разрешение стрелять по русской пехоте, чтобы не попасть при этом в своих.

Суббота, 30 января 1943 г.

21-й день русского наступления.

Генерал-полковник П. обдумывает возможность подорвать себя.

В полдень в сверкающем голубом небе русская авиация несколькими эскадрами провела на небольшой высоте воздушный парад.

Присвоив П. звание фельдмаршала, Гит. дал армии полководца. Награды солдатам и офицерам сыпались как из рога изобилия.

Генерал К. с подразделениями 295-й пехотной дивизии отбил оставленную ранее часть здания казармы.

Немецкие штурмовые группы добились частного успеха на улице... Русская артиллерия обстреливала центральную часть города. Железобетонные перекрытия универмага, под которыми находился штаб армии, держались прочно. Генерал Роске, командовавший частями в центральной части города, отклонил предложение поднять в полдень над его командным пунктом германское знамя. Солдаты, укрепившие было знамя на гробах, получили приказ: «Отставить! Знамя может служить для русской артиллерии хорошим ориентиром». Большинство телефонных линий оборвано. Из отбившихся от своих частей солдат были сформированы три роты. Через два часа они разбежались. В этот день фельдмаршала охраняло 17 человек из надежных частей.

Вечером вблизи «Нового театра» майор П. наткнулся на какой-то штабель. Оказалось, что это замерзшие трупы погибших солдат. С точки зрения гигиены это было счастьем, ведь если бы катастрофа произошла в более теплое время года, то могла бы вспыхнуть эпидемия.

В третьем часу утра генерал Роске решил принять парламентария противника. Русские прислали капитана. Но его отправили назад — немецкое командование потре-

бовало по меньшей мере старшего офицера. После этого русские прислали майора. Уточнялся вопрос о том, смогут ли офицеры 6-й армии, приняв безоговорочную капитуляцию, сохранить при себе холодное оружие (палаши, кортики, шпаги). Это условие было отклонено.

Воскресенье, 31 января 1943 г.

В ясном голубом небе летают немецкие разведчики дальнего действия.

В северном котле генерала Штр. относительно спокойно.

В южной части Ст. серое мрачное утро; ни одного выстрела. В предрассветных сумерках у главного входа в универмаг стоял майор Ц. Русские солдаты едва не попали на минное заграждение перед главным входом; это могло бы привести к осложнениям. Майор Ц. предупредил их. В коридорах подвала много русских и немцев. В специальном подвале армейского полка связи уничтожают передающую и приемную аппаратуру. Кто-то сказал, что фельдмаршал хочет застрелиться, поэтому майор Ц. был послан офицерами штаба армии разыскать П. и не допустить самоубийства. Во всех подвальных помещениях жгли документы. Ц. увидел фельдмаршала во дворе универмага; П. стоял и смотрел вдаль, оружия у него, по всей видимости, не было. В течение часа Ц. неотступно следовал на некотором расстоянии за фельдмаршалом. Солдаты почти не знали фельдмаршала в лицо, они знали только его имя. Некоторые приветствовали его, потому что это был все-таки генерал. Около полудня фельдмаршал, несколько генералов и старшие офицеры штаба уехали на машинах в плен.

На командном пункте коменданта центральной части Ст. у только что получившего повышение в чине генерала Роске, который сдал центр города вместе со штабом армии, был накрыт скудный стол для прибывших русских офицеров. Все немецкие офицеры нервничали. А нервничали высшие чины, между прочим, и потому, что не могли дать удовлетворительного ответа на вопрос о местонахождении 3500 русских военнопленных. Генералы не знали, получали ли в последнее время эти русские довольствие. Часть военнопленных была переброшена из населенных пунктов в восточной части котла на запад. Где они были в последней фазе битвы — неизвестно.

В полдень в штаб русского Донского фронта прибыл народный комиссар Агеев, он попросил выделить ему 300 трофейных машин и разрешить участвовать в допросе фельдмаршала П. Немецкие генералы, включая П., были доставлены в Зав., там им предложили закусить. После обеда П. прозели в штабное здание генерала В. Ни товарищу В., ни товарищу Р. не приходилось прежде допрашивать немецкого фельдмаршала. Кинооператору Кар.* было разрешено присутствовать и производить съемку. Подойдя к В. и Р., П. поднял руку в гитлеровском приветствии. Ему предложили сесть. Сигареты он не взял.

В. сказал: «Мы предлагаем вам немедленно отдать приказ германским войскам, продолжающим оказывать сопротивление в северо-западной части Ст., прекратить бесполезное кровопролитие». П. не хотел отдавать подобного приказа. Р. закурил, после этого взял себе сигарету и П. В. предложил П. еще раз взвесить ситуацию и приказать остаткам германских войск капитулировать. П. нервничал и отказывался. После этого В. спросил, какая диета нужна ему при нынешнем состоянии его здоровья. Вопрос поразил П.; он ответил, что просит помощи не для себя лично, а для больных солдат и офицеров своей армии. В. разговаривал перед этим с начальником медицинской службы 6-й армии относительно состояния здоровья П. Дискуссия продолжалась до позднего вечера. В заключение В. сказал: «Мы хотим обратить внимание фельдмаршала на то, что по его вине многие солдаты подчиненных ему войск будут завтра уничтожены». После этого П. встал и поднял правую руку.

Понедельник, 1 февраля 1943 г.

389-я пехотная дивизия выделила специальную боевую группу для сбрасывания трупов в Волгу.

За последние дни военно-полевой суд вынес 364 смертных приговора. Бывший президент имперского военного трибунала, ныне командир корпуса в центральной части котла, капитулирует. Гит. после разжалования капитулянта П. заявил: «Нужно будет наградить этого Штр.**, чтобы он держался до последнего».

Вторник, 2 февраля 1943 г.

Ночью генерал фон А. разговаривал с подполковником медицинской службы Г. и заявил ему, что отказывается капитулировать. Позднее его нашли мертвым. Когда офицеры штаба генерала фон А. вышли утром из своих погребов, они услышали от стоящих вокруг немцев предупреждение: «Не стрелять!» В балке Ор. генерал фон Л. сдавал свою дивизию в плен. Выстроив всех оставшихся в живых солдат, фон Л. поблагодарил их и пожелал им всего наилучшего на их пути в неизвестность. После него выступил русский командующий Р. Оба генерала приветствовали друг друга и направились к блиндажу, где был организован завтрак.

* Кар. — Кармен.

** Штр. — генерал пехоты Штрекер, командующий 11-м армейским корпусом.

Отдел генштаба «Иностранные армии Востока» считал, что в результате окончания боев в Ст. освободится 107 русских войсковых частей и 13 танковых полков резерва главного командования. Практически часть этих войск была переброшена из Ст. уже в последние дни боев.

Вечером фельдмаршала П. снова препровождают в штаб Донского фронта. В. и Р., которые сегодня же вылетают в Москву, задают ему следующие вопросы:

1. Располагали ли вы информацией о готовящемся в ноябре крупном наступлении?

Ответ частично отрицательный.

2. Как вы, образованный и опытный военачальник, могли проводить столь рискованную операцию, не имея достаточного прикрытия флангов?

Ответ обстоятельный со ссылкой на приказы свыше.

3. На что вы надеялись? Почему не проявили необходимой активности? Вы могли бы попытаться прорвать наш фронт?

П. ответил, что сам он не мог решить этих вопросов, их решала вышестоящая инстанция.

VIII. ОБОБЩЕНИЕ, ИЛИ ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Кого защищают солдаты?

Кого защищают солдаты? Внутренний порядок. О каком порядке идет речь? О существующем. На чем основано его существование? На разграничении обязанностей в производстве. А что этим достигается? Рабочие служат и работодатели служат. Кому они служат? Церкви и солдатам. А кому служат солдаты? Порядку. Кому служит порядок? Церкви, военным и разграничению обязанностей в производстве. Кто их защищает? Солдаты.

Исторический экскурс.

Княжеские армии.

Разбойничьи армии.

Церковные армии.

Боевой порядок Фридриха Великого.

После поражения у Иены и Ауэрштедта Пруссия ввела в своей армии разведку. У кого есть идейная сплоченность, тому не нужна сплоченность боевых порядков. Прусские реформисты переняли для монархии идею *levée en masse* *.

Польза реформы для нереформированного мира: монархия получила теперь эффективную военную машину, столь необходимую для ее существования.

В 1848 году в армии еще имелись либералы. Задача армии состояла в том, чтобы охранять внутренний порядок и трон. Эта задача на долгий срок исключала всякий либерализм. В 1848 году демократия победила армию, но та незаметно опять восстала. Роон сказал: «Армия — наше отечество». Вслед за этим произошел государственный переворот: был увеличен военный бюджет.

Кризис начался в 1918 году, 19 июля 1918 года объединившиеся вокруг Гугенберга пангерманцы, которые затеяли войну, потребовали: «Умно выйти из войны».

22 ноября главное командование разрабатывало план, как очистить Берлин с помощью 10 дивизий. Позднее это удалось в несколько иной форме. Задача состояла в том, чтобы спасти важнейший консервативный фактор — армию.

Несмотря на союз с правящей партией, армия сокращалась. 1 апреля 1919 года она насчитывала 800 000 человек, 10 января 1920 года — 400 000, 15 мая 1920 года оставалось только 200 000. 1 января 1921 года командование рейхсвера объявило, что численность личного состава равна 100 000 человек (включая и так называемый черный рейхсвер).

В 1925 году произошло дальнейшее сокращение рейхсвера. 1926 год был плохим годом для рейхсвера. В это время офицерский корпус под руководством фон З., фон Шлейх., фон Г. обучался оборонительным действиям и осторожности. Основная цель состояла в том, чтобы сохранить идею и кадры рейхсвера.

К захвату власти рейхсвер отнесся выжидательно. После введения всеобщей воинской повинности Верховное командование вплоть до 1939 года занималось обучением оборонительной армии. Из осторожности (с целью сохранить идею рейхсвера) шли на компромиссы между оборонительной и наступательной концепциями, на компромиссы в военно-политических и кадрово-политических вопросах. Армия не хотела войны. Но и здесь она пошла на компромиссы (как в вопросе войны с Россией), чтобы сохранить в рамках вермахта кадры рейхсвера. Успехи пробудили в офицерах хищные инстинкты.

Тем не менее война с Россией была для большинства не «его» войной, а просто компромиссом для сохранения важной традиции, традиции рейхсвера, от которого не желали отказаться.

* Рекрутский набор (франц.). Во времена французской революции Национальный конвент принял закон о рекрутском наборе неженатых молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет.

Генеалогическое древо.

Министры Фридриха Великого были по существу мелкими чиновниками. После Иены и Ауэрштедта это положение изменилось. За фон Штейном много лет правил фон Гарденберг. За ним последовал фон А. За фон А. ... и так до М. М. передал бразды правления Брюн., а Брюн.—фон Пап. Фон Пап., собственно, не хотел ничего передавать фон Шл., но должен был это сделать и в отместку передал бразды правления Гит.

На поколение 1830—1860 гг. работало поколение 1810—1840 годов... и т. д.

На поколение 1860—1890 гг.—предшествовавшее.

На поколение 1890—1920 гг. работали предшественники их предшественников.

На поколение 1910—1940 гг. вначале работало третье поколение предшественников, второе же поколение предшественников позднее не захотело уйти с политической арены.

Гит. прогнал стариков,

и вот после 1933 г. и 1940 г.

молодежь наконец захотела сама

жить,

действовать,

не рисковать, допуская стариков до правления,

а идти сама на риск

(что в свое время делали и старики).

В 1806 году прусские генералы (принц Луис при Заальфельде, Тауенциен — у Дорнберга близ Иены, Граuert — по одну, а Рюхель — по другую стороны Каппельсдорфа, выстроив войска облическим боевым порядком Фридриха Великого, очертя голову ринулись навстречу своей гибели.

Гинденбург знал садовника своей бабушки, который 14 дней успел еще прослужить под знаменами Фридриха Великого. В походе 1866 года Гинденбург уже принимал участие сам; лейтенантом он побывал в Версале; в 1911 году ушел в отставку. Потом командовал войсками в первой мировой войне. В 1917 году он отметил свое семидесятилетие. В 1919 году писал мемуары, а в 1925 году был выдвинут правыми на пост рейхспрезидента. Его девиз: «Никаких авантюр».

Государственный секретарь М. говорил: «Уберите бумагу, иначе старик подпишет ее». Он подписывал очень много бумаг. В 1934 году ему удалось еще спасти 27 консерваторов. Собственно говоря, ему всегда хотелось одного — стать владельцем имения Нейдек.

Военный министр генерал фон Бл., как истый офицер, отклонил летом 1933 г. всякие политические переговоры. Фон Бис., внук великого Бис., заявил ему: «Я пришел не к офицеру, а к военному министру фон Бл.». Фон Бл. стукнул кулаком по столу и сказал: «Я запрещаю вести подобные разговоры в моем служебном кабинете!» Фон Бис. возразил: «Если бы в 1862 году Роон думал так же, то сейчас на этом месте сидели бы не вы, а демократы». В стремлении немецких генералов заниматься военной политикой и в то же время принципиально воздерживаться от участия в политике сказывалось определенное разделение труда. Трусость, тщеславие, ум, знания, безрассудная смелость, откровенность — все это служило одной цели: способствовать успеху армии.

В консервативном лагере фон Бис. также существовало разделение труда: одни поддерживали новый курс, другие оказывали ему достойное сопротивление; но и те и другие преследовали определенную цель — сохранить свой класс.

Обязательство — не думать.

В порядочном обществе не принято касаться вопросов высокой политики. Аналогичным образом при дворе Людовика XIV смех короля определял успех или неуспех комедии. Но в 1920—1930 гг. в Германии не было короля. Были те, кто задавал тон и в свою очередь зависел от тех, кто этим тоном руководствовался.

Кто оплачивает политику рейхсвера?

Камарилье 1848 г. не нужно было платить.

Победители 1871 г. не платили.

Реформаторы армии 1892, 1905 и 1912 гг. не платили; не платили и авторы военно-морских реформ.

Рейхсканцлер генерал фон К. заявил, что не может позволить себе такой роскоши, как его предшественник фон Б., который начинал действия, имея по пять патронов на человека. Он начинает, имея по два.

«Речь идет о судьбе наших поместий», — сказал фон Пр., но платить не захотел.

Не хотели платить:

пангерманцы,

сотрудники Министерства иностранных дел и Управления имперской канцелярии 1905—1914 гг.,

консерваторы,

заправила промышленного и финансового мира,

пресса и

верховное командование.

Генерал-полковник Рейнгардт из Баден-Вюртемберга, первый республиканский начальник Управления сухопутных войск, был в глазах военных недостаточно консервативным. Его заменили генерал-полковником фон З., который обещал сделать все так, как было раньше, учитывая, однако, особенности республики. Платить он тоже не хотел.

Лишенные прав левые не хотели платить, не хотели и центристы и правые.

Так как фон Пап. тоже не хотел платить, то передал все счета Гит.

Гит. хотел иметь все, но не хотел платить.

Не хотели платить за свою карьеру: фон Ман., фон Б., фон Рун., фон Лис., фон Кл.*, П., Ш. и др.

Армия фон Р.

6-я армия была армией генерала фон Р.** и первоначально называлась 10-й. Сформированная в Лейпциге, она считалась первоклассной армией и была оснащена значительно лучше других. Генерал фон Р. слыл способным и преданным национал-социализму. Гинденбург, однако, считал его несерьезным человеком.

В 1934 г. фон Р. составил проект разъяснения по поводу расстрела его предшественников, генералов фон Шл. и фон Бр.; их, может быть, и не расстреляли бы, если бы фон Р. не промолчал.

В 1935 г. он разработал проект военной присяги ф.

Фон Р. человек тучный, галифе висят на нем пузырями, состоит в родстве с богемской знатю, однако не верит больше в великое предназначение этой прослойки. Земельных владений не имеет. Не питает никаких чувств к старой касте военных. Отечество для него там, где живут он сам и его друзья; он за полную свободу перемещения в этом мире. И ведет он себя по отношению к этому миру как главарь разбойничьей шайки. Отсюда — позерство. Не видит причин отказывать себе в удовольствиях, т. к. нет причин для пуританства; поэтому не признает никаких ограничений для солдат. Не прочь пооригинальничать — подчиненные могут обращаться к нему непосредственно, не соблюдая субординации (часто говорит, что ему нравится, когда офицеры и рядовые говорят друг другу «ты»). Непринужденно ведет себя в присутствии начальников; курит сигареты во время еды. Не бережет себя под огнем противника, считая, что заранее ничего не угадаешь, а главная опасность не в потере собственной жизни, ибо жизнь, как таковая, едва ли имеет самостоятельный смысл. Основная характерная черта: руководствуется личными симпатиями, холоден. Когда однажды Гим., Гейд. и Далюге подошли в ресторане к столику фон Р., он не встал, а просто сказал: «Присаживайтесь, но не мешайте нам!»

Его отношение к национал-социализму. Он верил в это движение, был всей душой предан ему и надеялся принимать участие в руководстве движением, которое, по мнению ученых, может превращать людей в слепые орудия (себя-то уж он ни в коем случае не причислял к таковым).

Во время польской кампании детище фон Р., 6-я армия, двигаясь из Силезии, успешно повернула на север и не раз окружала значительные группировки противника. Зимой 1939—1940 гг. фон Р. приказал расстреливать солдат 6-й армии для поднятия дисциплины. На западе армия ворвалась в Бельгию и выиграла несколько битв. Ее предполагали высадить в Англии. На нее возлагалась также задача по захвату Гибралтара. Позднее армия оказалась в России, на северном фланге группы «Юг». Здесь она тоже считалась одной из лучших по оснащению. Год спустя, находясь под Ст., армия имела в своем составе столько дивизий, сколько обычно имеют две армии, вместе взятые.

В январе 1941 г. фон Р. был назначен командующим группой «Юг»; 6-ю армию он оставил за собой. В Полтаве этот энергичный человек командовал сразу двумя большими штабами. К этому он всегда стремился. С самого начала фон Р. был рейхсверовцем, и с самого начала он был также сторонником Гит. Коллеги мешали его продвижению по службе. Разразившийся на рождество 1941 г. кризис лишил его коллег власти. Три недели фон Р. занимал новый пост. Как-то морозным утром его хватил апоплексический удар. Грузного, потерявшего сознание маршала отнесли в самолет, который должен был доставить его на немецкую землю. Во время промежуточной посадки во Львове самолет разбился. Фон Р. был тяжело ранен в голову; маршальский жезл сломался пополам. Официальные похороны состоялись в Берлине.

В это время армия, получив пополнение, отразила наступление русских у Харькова.

Заменил фон Р. его бывший начальник штаба, генерал П.

Лето 1942 г. принесло прежде всего большие переходы. Предусмотренные битвы с окружением противника не дали существенных результатов. Это были так называемые «ординарные победы» в стиле Шлиффена. У Воронежа танковые войска слишком за-

* Рун — Рунштедт, Лис. — Лист, Кл. — Клюге.

** Р. — Рейхенау.

держались, надеясь овладеть городом. Воинственный командующий фон Б. не хотел упускать тактического преимущества. Штабы пуще всего опасались осени. Еще побежденный французский генерал Вейган высказывал в своих научных докладах сомнения относительно выдвижения танковых клиньев, не защищенных с флангов. Он говорил: «Каждый может отсечь такие клинья». Генералы фон В. и П. уже в августе высказывали опасения относительно своего северного фланга. Высшие офицеры генштаба изложили эти опасения письменно. Большая излучина Дона как бы всосала в себя массу немецких войск, поставив их в сравнительно незащищенное положение. Первоначально планировалось: создать группу армий «Дон» под командованием румынского маршала А.; передать командование 6-й армией генералу фон Зейд.; генерала П. перевести в ставку в качестве личного помощника Гит. Фон Ман. принял командование Кавказским фронтом. 6-я армия должна была в конце ноября перейти за Доном на зимние квартиры.

Ожидали прибытия первых танков типа «тигр». Войскам обещали придать танковый корпус СС.

Эти настроения и планы были сорваны подготовленным наступлением русских. Оказалось, что победоносная 6-я армия вполне готова и к поражению.

Командовали бы генералы до рождества иначе, чем Гит.?

«Если спросят, как вообще было возможно что-либо подобное, то следует отвечать так: немецкий офицер вырос в традиции повиновения. Ни одна армия не может отказаться от этого...»

(Из служебной инструкции)

После ст-ской катастрофы четверо из 70 непосредственно участвовавших в операциях генералов покончили жизнь самоубийством. Из генералов, находившихся за пределами котла, покончил с собой один только генерал-полковник Ешоннек, отвечавший непосредственно перед Гер. за снабжение по воздуху (он сделал это и за своего хозяина).

Командовали бы генералы до рождества иначе, чем Гит.?

Нет.

Можно ли было перебросить 11-ю армию на Дон после взятия Севастополя?

Из-за недостатка транспортных средств это так же маловероятно, как и переброска армии под командованием Бласковица в Смоленск зимой 1941 г. 11-я армия была частично переброшена под Ленинград, поскольку железнодорожная связь север — юг позволяла это сделать.

Можно ли было раньше начать наступление с целью деблокирования?

Да.

Можно ли было при деблокировании рассчитывать на больший успех, если бы пошли кратчайшим путем, более благоприятным для танков?

Вполне возможно.

Можно ли было раньше подтянуть к Ст. танковый корпус СС, который готовился для февральского наступления 1943 года?

Из-за отсутствия транспортных средств — нет.

Следовало ли оттянуть с Кавказа группу армий «А» и бросить ее на Ст.?

Да.

Следовало ли 6-й армии, учитывая создавшуюся обстановку, попытаться вырваться из окружения между 24 и 27 ноября?

Да.

Не следовало ли 6-й армии 23 декабря нанести удар в направлении отходящей 4-й танковой армии?

По всей вероятности, это было бы опасно.

Какие примеры напоминают обстановку 20 ноября?

Фридрих Великий

Мольтке

Положение рейхсвера в 1918—1928 гг.

Положение национал-социалистского движения до 1933 г.

Демянск

Холм

Харьков 1942 г.

Какие примеры могли бы послужить предостережением?

Фридрих II (Колин, Хохкирх, Кунерсдорф, Максен)

Мольтке-младший

Шлиффен

Шлейхер

Рейхенау

Демянск

Холм

Харьков 1942 г.

Были ли у П. категорические возражения против использования его армии?

У него были только сомнения.

Было ли назначение П. командующим 6-й армии большой кадрово-политической ошибкой?

Генерал Гейм полагает, что да.

В 1934 г. П. командовал автобатом в Вюнсдорфе, затем служил в штабах. Последнее время был генералом танковых войск.

19 ноября. П. еще надеялся, что это только испытание судьбы, как под Харьковом. Он предпочел сохранять спокойствие. 20 ноября он приказал прекратить в Ст. действия штурмовых групп; 21-го он убедился в серьезности обстановки: перед его командным пунктом появились танки противника. Он заполнял время телефонными переговорами. 22-го утром он встретился с генералом Г., а в 14 часов улетел в котел; 23-го он пришел к убеждению, что армия должна пробиваться на запад. Это мнение разделяли все подчиненные ему генералы, его начальник штаба, вышестоящий начальник и начальник генерального штаба. Но это мнение так и не удалось реализовать.

С 24-го началась жизнь в котле.

Мог ли П. надеяться, что останется безнаказанным, если на свой риск выведет армию из Ст.?

После 24 ноября это было невозможно, так как уже имелись специальные приказы.

А раньше?

Может быть, да, а может быть, и нет; может быть, ему заметили бы, что следовало бы дожидаться приказа.

Вступился бы за него фон Ман.?

В этом полной уверенности нет.

А мог бы он его защитить?

Полной уверенности также нет.

Вступился бы за него Цейт.?

Может быть,— в случае заступничества фон Ман. Может быть, за более мягкое наказание для П. выступили бы и другие фельдмаршалы.

Потерпел бы Гит. самостоятельные действия П.?

Нет.

Окончилась бы на этом карьера П.?

Да.

Закончилась бы карьера фон Ман., если бы он вступился за П.?

Возможно. Во всяком случае, позднее он все равно поссорился с Гит. по другим причинам.

Закончилась бы карьера фон Ман., если бы он самостоятельно отдал приказ на выход из котла?

Безусловно.

На что надеялся в случае благоприятного исхода фон Ман., послушно выполнявший приказы?

Он мог стать главнокомандующим сухопутных войск и прослыть «светлой головой» в оперативных вопросах.

На что мог надеяться, послушно выполняя приказы, П., если бы все обошлось благополучно?

Стать советником Гит. в генштабе или же начальником штаба группы армий, а может быть, получить и более высокий пост. Кроме того, он мог быть причислен к лику упорных и последовательных командиров.

П.

Фридрих Эрнст П. родился в 1890 г. в Брейтенау в семье бухгалтера исправительно-трудового заведения; по вероисповеданию евангелист. Предки: крестьяне, управляющий молокозаводом, учитель, священник, тюремные служащие. «Мать — красивая, тихая, терпеливая женщина, переносившая все тяготы и лишения, не жалуясь на судьбу». Будучи офицером генерального штаба старой школы, он старался не наживать врагов, тщательно следил за своей внешностью. Имел фигуру кавалериста. Обладал превосходными манерами. Мог бесконечно долго обдумывать формулировку какого-нибудь приказа; писал готическим шрифтом, а расписывался латинским. Женился на представительнице румынской знати, род которой берет начало еще от византийских царей. В дни боев каждый вечер повторял шепотом весь ход событий истекшего дня. На соревнованиях по спорту и стрельбе его рота показала в 1922 г. результаты лучшие, чем рота Роммеля.

Беспомощен и беззащитен против грубости; всякая жестокость, которая не оправдывалась какой-либо предварительной договоренностью, парализовала его. Гит. был для него «ф.», к своему начальнику Фричу относился с особым уважением, а в лице фон Р. уважал вышестоящего начальника (хотя тот чавкал за едой и расстреливал солдат). Он почитал также своего начальника фон Ман. Из П. вышел бы отличный председатель какого-нибудь земельного суда.

В сентябре 1940 г. ему поручили разработать планы наступления на Россию. Лично он считал, что решающим для исхода войны является Средний Восток, тем не менее, из чувства долга, взялся за разработку порученного ему плана. Несмотря на требование строгой секретности, П. обсуждал с женой все планы стратегического развертывания войск (вопросы политические он решать не брался). П. сомневался в благополучном исходе войны, хотя это не значило, что он погрузился в безбрежный пессимизм. Он не был национал-социалистом, но не был и противником национал-социализма.

Скачок на протяжении одного поколения от бухгалтеров и тюремных служащих до крупного военного был связан с большими трудностями. П. стал разносторонним актером. Он соблюдает все договоренности и все правила: правила аристократического общества (щедрость, утонченность), правила того общества, из которого происходит (пунктуальность, точность), правила старшего поколения (солдатские идеалы), правила молодого поколения (танки), национал-социалистские правила (вера). Он исходит из того, что все правила действительны. После освобождения из плена П. умер точно в тот день (2.2), который в свое время был будто бы предсказан ему Гит.

Дело П.

Разве фон Ман. не взял действительно на себя ответственность за Ст.?

Фон Ман. готов был взять на себя ответственность, если бы П. добился успеха.

Русский генерал В. сказал: «Фон Ман. потерял 10 дней, прежде чем перешел в наступление на Ст.»

Почему фон Ман. не наступал сразу?

Сначала он рассчитывал получить для деблокирования дополнительно 11 дивизий. Тогда он мог бы устроить новые Канны с преследованием до Астрахани.

Почему он не добился 23 декабря реализации своего приказа «Зимняя гроза»?

Он не желал добиваться исполнения своих приказов, как нотариус добивается исполнения завещания. Данная ситуация создалась не по его вине. Некий офицер генерального штаба, подчиненный фон Ман., выразился по этому поводу следующим образом: «Мы не выбирали этого преступника — Гит.». Фон Ман. заявил: «Я ничего не обещал». Он намечал для себя победы только там, где их можно было добиться, а там, где победы были невозможны, он и не пытался их добиваться.

Альтернативы для П. и фон Ман.

Действовал ли бы кто-нибудь из занимавших тогда руководящие посты фельдмаршалов или генерал-полковников иначе, чем П.?

Все они были очень осторожными.

Могли бы фон Кл., фон Б., фон Лис., фон К. или другие командовать иначе, чем фон Ман.?

Они были людьми осторожными, это значит, что кое-кто из них был еще более осторожным, чем фон Ман., ведь у них не было такого надежного прикрытия, как у фон Ман., который только что захватил «крепость».

Кто мог бы действовать иначе, чем П. и фон Ман.?

Целый ряд генералов, но они не имели командных постов и не могли их получить.

Откуда это известно?

Они сами заявляли об этом.

Официально?

Нет, доверительно, свсим друзьям.

Действовали бы они так, как говорили, если бы оказались на месте П. или фон Ман.?

Четверо из них — да.

Действовали бы они так даже в том случае, если бы имели столь блестящие перспективы, как фон Ман.?

Двое из них — да.

Их доводы?

Традиция. Генерал-полковник в отставке фон Г. заявил: «П. должен был прогнаться, даже рискуя головой». Генерал-полковник в отставке Б., ученый-теоретик, хотел бы, будь это в его власти, предать П., а может быть, и фон Ман. военному суду.

Кто мог бы действовать иначе, чем П. и фон Ман.?

Умерший фон Р.

Итак, либо мертвый, либо отставной.

Что предпринимал начальник Цейт.?

Для деблокирования Ст. Цейт. делал все, что только мог. Две дивизии, которые он хотел послать туда, пришлось передать войскам на излучине Дона. Половину горно-стрелковой дивизии взяла группа «А», а вторую половину перехватила во время переброски группа «Центр» вследствие создавшегося здесь кризиса. Вместо них на февраль главное командование обещало Цейт. дивизии с Запада.

Совет фельдмаршала Кейт.

Кейт., который пользовался у Гит. авторитетом, сказал: «Мой ф.! Оставайтесь на Волге». Гит. в ответ кивнул.

Соображения генерал-полковника Йод:

Йод. говорил спокойно, уверенно, взвешивая каждое слово.

«Мой ф.,— сказал он,— это действительно трудный вопрос. Если мы уйдем с Волги, мы должны будем оставить большую часть территории, которую заняли. С другой стороны, если мы не выведем 6-ю армию, обстановка может стать очень серьезной. Операции, запланированные для освобождения армии, могут привести к успеху, но могут оказаться и безуспешными. Я думаю, что мы должны выстоять на Волге!»

Что знал Гит.?

Дидро говорит: «Предчувствия бесполезны. События развиваются независимо от них».

Знал ли Гит., что принесет ему осень?

У него были только предчувствия, но ничего определенного.

Чрезмерные притязания Гит.

Уже осенью 1941 г. Гит. заявил: «Не желаю больше слышать о трудностях снабжения наших войск зимой. Нечего ломать себе над этим голову, никакой зимней кампании не будет. Надо лишь нанести русским несколько мощных ударов, и все увидят, что русский колосс стоит на глиняных ногах. Категорически запрещаю обращаться ко мне по поводу зимней кампании». Подобные высказывания явились результатом чрезмерных притязаний. Чрезмерные же притязания были следствием перегрузки. А перегрузка — результатом недоверия. Гит. не доверял генералам. Армия — это машина, а за машиной нужно следить.

Техника «игольного ушка».

Агент из русской столицы докладывал 6 ноября 1942 г. отделу «Иностранные армии Востока» о совещании ответственных военачальников в Москве. Цейт. упомянул об этом донесении 9 ноября, но никаких распоряжений не последовало. 27 октября Цейт. высказал мнение, что широкая пропаганда противником новых крупных операций является пропагандистским трюком. Уже 12 ноября генерал-полковник фон Рих. знал о подготовке в донских лесах русского наступления. Сам Гит., а также и Цейт. высказывали различные предположения: Цейт. уже 9 октября считал вполне возможным зимнее наступление русских. 26 октября Гит. забеспокоился, не начнет ли противник наступать в направлении одного важного порта на Черном море. Вся информация должна была пройти, как сквозь игольное ушко, либо через мозг Гит., либо через мозг Цейт.; только они могли принимать решения. Но как Гит., так и Цейт. одновременно могла владеть только одна идея. А посему эти «индивидуальности» не в состоянии были оценить по достоинству ни данных своих агентов, ни знаний своих сотрудников, ни собственных соображений. Агент, передавший столь важное донесение от 6 ноября, был через некоторое время схвачен в Москве и расстрелян.

Гит., убедившись, что ему удастся заключить договор о ненападении с Россией, барабанил кулаками по стене и кричал: «Победа!» Узнав о победе на Западе, он запрыгал на одной ножке и как ребенок радовался, когда ему удалось обмануть Чемберлена.

После захвата Франции Гит. находился в основном либо в ставке, либо на командных пунктах. Положение на фронтах он видел глазами Г., затем Цейт., Шм., фон Б. В октябре—ноябре 1942 г. Гит. послал на угрожаемый участок одного за другим шесть известных офицеров генштаба; разумеется, они не смогли предотвратить катастрофы. В октябре Гит. все надежды возлагал на фон Зейд., в ноябре — на Венка, Шп., фон Рих. (в тайне на фон Ман. и авиацию); в декабре надеялся на фон Ман., Г., Рауса, П., в январе — на фельдмаршала М., генерала Гуд., с оговорками на П. и уже почти никаких надежд не возлагал на фон Зейд.; в феврале — снова на фон Ман. и танковые корпуса СС. Ни одна из его надежд не продержалась более одного месяца.

Конечные цели войны.

«Задачи Германии носят подчеркнуто континентальный характер,— говорил Гит.,— однако от притязаний на колонии, включая Того, Камерун и Бельгийское Конго, мы не отказываемся. Восточную Африку иметь желаттельно, но не обязательно».

Военные цели на 1942 г.: Гит. заявил Ошине, что Москва и Ленинград должны быть уничтожены. Следует добраться до Ирана и Ирака, а тогда можно будет завладеть и Афганистаном; Японии надо в первую очередь захватить Австралию. Посол (бывший вице-канцлер) ф. Пап. был убежден, что сейчас настал подходящий момент снова утвердить церковь на Востоке. Гит. же считал основной проблемой оснащение полиции танками, а также дележ огромного «пирога», чтобы можно было:

1. овладеть им;
2. управлять
3. и эксплуатировать его.

Северную Африку следует удерживать во что бы то ни стало в качестве предполья Европы. Как только Баку и Ст., а также Саратов, Горький, Астрахань и Архангельск будут взяты, а случится это в начале октября, все будет в основном окончено. Возможно и так, что войной на Востоке не придется больше заниматься. Гит. не боялся ни Англии, ни Франции, ни рейхсвера, ни «Стального шлема», ни промышленников и помещиков, так как имущие классы не воюют. О России и Америке он точно ничего не знал. За свою империю ф. испугался, только когда она стала принадлежать к разряду имущих. Поэтому он напал на Россию, пока общественное мнение это еще позволяло.

Пример Н.*

После того как Н. предал идеалы французской революции, он вторгся в Россию с армией в 450 000 человек. Его противниками были 160 000 русских. После 84 дней марша (включая 14-дневную остановку в Витебске) он достиг Москвы с 95 000 человек. 19 октября он начал отход. 26—28 ноября он перешел Березину с 14 000 солдат в строю и 26 000 отставших. 5 декабря Н. покидает пределы России. В первой трети декабря начинаются холода.

Не следует полагать, что армия следовала за ним добровольно. Уже в 1810 г. в Европе под господством Н. было осуждено за уклонение от службы в армии 160 000 человек; репрессировали и семьи осужденных. В 1811—1812 годах 60 000 чел. было осуждено за неповиновение.

Зима 1812 г. не отличалась чрезмерной суровостью. Позднее сторонники Н., чтобы как-то оправдать поражение, объявили природу его противником. Скорее сам замысел похода страдал просчетами. Солдаты Н. дошли бы до самой Индии, если бы им кто-нибудь мог сказать, для чего это нужно.

Гит. не хотел поступать как Н.!

Генералы советовали ему идти прямо на Москву. А он вовсе не хотел идти на Москву! Ну, а если же он все-таки попадет в Москву, так не даст противнику сжечь ее, а скорее сам потопит!

Подготовка Гит. к военным действиям в 1942 г.

1. Сбор зимних вещей; среди прочего были пожертвованы: меховая шуба старого рейхсканцлера фон Бис. и охотничья муфта Гинденбурга.

2. Вынесены смертные приговоры представителям высших слоев общества, директорам заводов, начальникам учреждений, ведающих распределением продовольственных карточек, и даже бургомистрам — чтобы создать атмосферу, в которой каждый еще больше проникся бы духом войны.

3. Назначен генеральный инспектор по автотранспорту.

4. Весной в Восточной Пруссии были приняты Антонеску, Борис III, фон Каллай и Маннергейм; укрепление союзов.

5. Создан совет военной промышленности, своего рода орган самоуправления промышленности в период войны. Гауптamtслейтер Зауэр отвечал за производство танков. Несколько авиационных заводов было переключено на производство локомотивов. Сталепрокатные заводы перевели на трехсменную работу. С ноября 1942 г. предполагалось ежемесячно выпускать по 25 танков типа «тигр».

6. Генерал фон Ун. назначен специальным уполномоченным по «прочесыванию» тыла.

7. Гит. добился от рейхстага чрезвычайных полномочий.

8. Генералу азии Ф. поручено сформировать в Южной Греции специальный штаб (с немецко-арабским учебным батальоном).

9. Генерал-фельдмаршал фон Кл. предложил взять из его фронтового резерва в районе Ржева 12 дивизий для наступления на юге. Это предложение было отклонено Гит.

Гит. и зима.

Гит. физически не переносил мороза и снега. В начале лета под Воронежем Гит. был еще хладнокровен и действовал расчетливо. К концу лета он становился все более раздражительным. Часто менял подчиненных. Летом случалось, что четыре армии, выполняя беспрерывно поступающие противоречивые приказы, маневрировали вокруг котлов, в которые так и не попали основные силы противника.

Revirement**

Гит. угнетала уже сама мысль о том, что придется выстоять еще одну зиму. Он сместил фон Б. и разжаловал начальника генштаба Гал*** за его предложение отступить на одном из участков. Гит. заявил: «От командования я требую такой же твердости, как и от войск на фронте». Гал. возразил: «У меня эта твердость есть, мой ф.,

* Н. — Наполеон.

** Смена руководства (франц.).

*** Гал. — Гальдер.

но ведь на фронте гибнут наши храбрые солдаты». Гит. ответил: «Генерал-полковник Гал., каким тоном вы позволяете себе разговаривать со мной?».

Буквально вслед за этим разгорелся спор с генерал-фельдмаршалом Л., руководившим операциями на Кавказе. Гит. послал к Л. своего помощника генерал-полковника Йод. По телефону Гит. упрекнул Йод. (который, кстати, после Нарвика сидел за обедом по левую руку Гит.) в том, что он будто бы поддался на уговоры Л. Йод. считал себя оскорбленным. Гит. решил как можно быстрее заменить его. Плохо настроен был он и по отношению к генерал-фельдмаршалу Кейт. Свое убежище Гит. покидал только потайным ходом. Он перестал обедать вместе со штабом. Позднее пустовавший стул Гит. занял Бор. Не прошло и 48 часов после спора с Йод., как появилась дюжина рейхстаговских стенографов, которые в дальнейшем стали записывать все военные заседания. По этому поводу Гер. заявил: «Если так будет всегда, то ф. от этого только проиграет. Генералы станут говорить только для стенограммы». После смещения фон Л. Гит. сам взялся командовать армиями на Кавказе.

Первый удар судьбы.

В ночь на 3 ноября в Африке отступил Ромм.* Гит. предположил наличие сговора между Ромм. и одним 50-летним майором из второй закрытой зоны, который вовремя не разбудил его (Гит.). Утром 3 ноября Гит. приказал расстрелять в течение 10 минут этого майора. Начальник майора, генерал В., пытался заступиться за него. Майора отдали в штрафной батальон.

Второй удар судьбы.

В полдень 6 ноября Гит., сопровождаемый ближайшими сотрудниками, сел в служебный поезд, направляясь в Мюнхен. Во второй половине ночи поезд задержали на какой-то станции в Тюрингии. Гит. передали сообщение о высадке союзников на западном побережье Северной Африки.

Третий удар судьбы.

19-го поступило донесение о событиях в Ст. В это время Гит. принимал в Оберзальцберге гостей — своих сотрудников из первой закрытой зоны. Здесь же присутствовал министр Лам. Остальные офицеры находились в поезде «Атлас», неподалеку от Берхтесгадена, а генштаб — в Мазурских лесах. А что поделявал Гер.? Шесть раз звонил по телефону Кессельрингу из парижского отеля.

Ссора Гит. с Йод. помешала последнему нанести еще один удар по самонадеянности Гит.

От генерал-полковника фон Рих. поступило предложение отвести 6-ю армию назад. Но Гит., прибыв в Восточную Пруссию, углядел в районе Ст. «самые благоприятные перспективы». Весь день 29 ноября изучалась обстановка.

О находящемся в Африке фельдмаршале Ромм. Гит. сказал: «Я действительно думаю, что нельзя слишком долго обременять человека тяжелой ответственностью. Со временем это расшатывает ему нервы».

Гит. был убежден, что все генералы лгут, все они вероломны, все против национал-социализма и к тому же реакционеры. Гит. желал одного: снова надеть коричневый мундир! Снова ходить в театры и кино!

Задним числом Гит. (не в пример фон Ман.) добровольно взял на себя ответственность и вину за ст-скую катастрофу. Тем самым он показал, как мало значит вопрос вины, когда катастрофа уже произошла. Ответственность может служить лишь инструментом для предотвращения подобной катастрофы. При ее масштабе вопрос личной ответственности не играл почти никакой роли; с воспитательной целью виновных можно было найти среди подчиненных.

Что предпринимали русские?

О. Тогда русские перешли в атаку широким развернутым строем с красными знаменами и оркестрами.

В. С оркестрами?

О. Да, с оркестрами.

В. Вы это лично видели?

О. Мы все это видели.

В. С какого расстояния?

О. Они перешли железнодорожную насыпь примерно в 800 или 1000 метрах.

В. Нельзя ли рассказать об этом более подробно? Я слышу о таком впервые. Словно при Фридрихе Великом.

О. Да, да, там в котле они поступали так довольно часто.

На порядочном удалении от флангов 6-й армии русские вбили два клина, взяв противника в клещи. Так это было?

19-го они вбили северный клин, а на следующий день — южный. Танки прошли, не встретив сопротивления.

Кто руководил этим?

* Ромм. — Роммель.

Точно не известно. Это трудно установить: товарищи Ст., Шапошников, Хр., Р., В., генерал-полковник Вас., маршал Е.,* — все они в большей или меньшей степени руководили операцией. Она проходила успешно.

Знали русские, что они делали?

Они пытались реализовать оперативный замысел. До сих пор им это не удавалось.

Долгое время товарищи Шапошников, Ст., Вас. и другие опасались, не являются ли открытые фланги севернее и южнее Ст. немецкой ловушкой.

А могли они быть действительно ловушкой?

Русские знали, что за Доном никаких резервных немецких войск нет. Значит, это была не ловушка.

Итак, русские танки просто прошли насквозь?

Они прорвались; на второй день (21 ноября) обе группы, то есть северная и южная, развернулись на 90°, чего немцы не заметили. Развернувшись, танки устремились к населенному пункту К. и захватили его вместе с прилегающим мостом к вечеру 21 ноября.**

Что они предприняли после того, как 6-я армия осталась на месте?

Они стали наносить беспокоящие удары на южном и западном участках, а на северном — предприняли наступление, когда фон Зейд. немного оттянул назад свои войска. Они пытались организовать пути подвоза и закрепиться вокруг котла. Опыта по проведению таких операций у них не было.

Может быть, им сильно везло?

Отчасти везло, отчасти нет. Погода 19 и 20 ноября благоприятствовала им; авиация генерал-полковника фон Рих. не видела их. Правда, несколько русских групп заблудились, но и немецкие группы тоже сбивались с пути. Захват моста у К. был для них счастливой случайностью. Зато одна их кавалерийская группа с ходу попала в балку западнее Дона и была уничтожена немецкой артиллерией. Организация снабжения у русских до конца декабря была неудовлетворительной.

С какого времени они считали окружение завершенным?

После того, как 24 ноября в котле все еще не отмечалось никаких передвижений, а до 27 ноября 6-я армия не предприняла попытки выйти из окружения.

Считало ли русское командование опасными наступательные операции фон Ман. по деблокированию окруженных войск?

23 декабря оно снова привело в боевую готовность 400 танков южнее котла. Прорыв на северном участке оно считало маловероятным.

Что предприняли русские после провала операции по деблокированию?

У них возникли сомнения. Генерал-полковник Вас. хотел устроить передышку. Маршал Е. предполагал бросить оставшиеся 400 танков на преследование деблокирующих войск, а В. и Р. поручить уничтожение котла. Метод действий по схеме 19 ноября оставался тактической основой на юге вплоть до осени 1944 г. Под Яссами он снова оправдал себя в операциях против 6-й армии. Только при наступлении на группу армий «Центр» в начале июля 1944 года был применен новый метод, который затем оставался основным при наступлении в Венгрии, на Висле и в битве за Берлин.

Были теперь русские уверены в победе?

Они были осторожны. По мнению командования 6-й немецкой армии, русские могли бы за четыре дня после начала генерального наступления, т. е. после 10 января, разделаться с котлом. Они не воспользовались такой возможностью, так как боялись ловушек. Из-за недостатка транспорта и отсутствия опыта они продвигались с запада (а позднее и с юго-запада) на восток примерно по 1—2 километра в день. Наступление велось также с северного направления, считавшегося второстепенным. На заключительном этапе они раскололи котел сперва на две, а затем на три части, продолжая дробить каждую часть на более мелкие. Этот метод они сохранили до самого конца войны, применяя его к окруженным войскам.

Что предприняли русские, обнаружив в котле в два раза больше войск, чем они предполагали?

Цифра, сообщенная квартирмейстером немецкой армии майором фон К., была неожиданной для русского командования. Немедленно были приняты соответствующие подготовительные меры для приема столь большого количества пленных.

Была ли отпразднована 2 февраля победа?

Практически в отдельных частях, которые по традиции приветствовали друг друга со знаменами. Основные ударные соединения были уже переброшены на север для наступления на венгров и на 2-ю армию. 2 февраля во второй половине дня высшее командование вылетело из района Ст. Территория котла перешла в руки низших инстанций. Возникновение некоторой дезорганизации на территории котла объясняется, между прочим, и отбытием командования. Операции, подобные Ст-ской битве,

* Ст. — Сталин, Хр. — Хрущев, Вас. — Василевский, Е. — Еременко. Б. М. Шапошников в это время не работал в Народном Комиссариате Обороны; А. И. Еременко в тот период имел воинское звание генерал-полковника.

** Город Калач был занят советскими войсками в 14 часов 23 ноября.

не являются окончательной победой. Начатое 19 ноября наступление русских практически закончилось не ранее 1944 г., после занятия Румынии, а вернее — после взятия Вены и Берлина. Но и при этом было еще не ясно, окончательно ли ликвидирована угроза. Поэтому, в соответствии с их образом мышления, такие победы (Кёнигсгретц, Седан, Смоленск, Умань, Брянск и др.) не являются окончательными, а следовательно, и время для празднования еще не настало. Разумеется, бывало, что и русские отмечали свои победы.

Армия создается заново.

Заново сформированная 6-я армия пыталась отомстить за свою предшественницу на юге России зимой 1943 г. и весной 1944 г. Позднее все дивизии 6-й армии вторично погибли — некоторые в Крыму, большая часть — под Яссами, а остатки — в Пуш-те под командованием Фреттер-Пико и Брейта.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А. Военные планы.

(Как готовились и готовятся войны)

Военный план 1882 г.

Последний строго рассчитанный военный план был составлен Мольтке-старшим в 1882 г.; до ухода Мольтке на пенсию в 1888 г. он оставался в основном без изменений: мощный прорыв на Востоке через внутренние рубежи; сдерживание западного противника на дефиле между Страсбургом и Мецем (именно по этой причине была аннексирована Лотарингия). Только так, сказал Мольтке-старший, сможем мы, вероятно, выстоять в войне. «Куда и когда можно будет подтянуть на Рейн подкрепления с восточного театра военных действий, — заявил он, — будет зависеть от успехов, завоеванных на Висле». О победе и речи не было. (Старый фельдмаршал имел обыкновение начинать войны, если у него было 80—82 шанса из 100 на успех.) Канцлер фон Бис- и Мольтке-старший понимали, что шансы на успех по сравнению с 1870—1871 гг. с каждым годом уменьшаются, и очень тревожились за то, что молодое поколение при подобной ситуации на всех парусах рвалось вперед к решению общих вопросов «мировой политики».

Военный план 1887 г.

Граф Вальдерзее надеялся, начав превентивную войну против России, крупными силами Двойственного союза охватить ее с двух сторон и уничтожить. С венским генеральным штабом была заранее достигнута договоренность.

Военный план 1890 г.

Согласно этому плану граф Шлиффен предвидел успех на западе; на востоке, к сожалению, приходилось сотрудничать с ненадежным союзником — Австро-Венгрией. Из девяти проведенных по этому плану военных игр три закончились благоприятно для «синих».

Военный план 1905 г. (так называемый «план Шлиффена»).

Полководец включил в реализацию своей концепции Бельгию и Голландию. Основная задача состояла во внезапном захвате Люттиха. Восточному фронту полководец не уделял должного внимания, иначе у него не набралось бы более или менее достаточного количества войск против западного противника. Подсчет показал, что «синие» не обладают превосходством в силах, как это бывало иногда в предыдущие годы. Отсюда единственный шанс — внезапный сокрушительный удар (Канны) по западному противнику, а затем, возможно, борьба с прорвавшимся за это время восточным противником. В 1905—1906 гг. восточный противник был побежден японцами, вследствие чего план Шлиффена оказался особенно благоприятным. До этого времени и после 1912 г. оставался в силе план Шлиффена.

Военный план 1914 г.

Италия, Австрия, Турция, Германия выступают против Франции, Сербии и России. Победа достигается в результате восьми победоносных сражений, если только Австро-Венгрия тоже окажется достаточно сильной! Если же в войну вступит Англия, то потребуется, кроме того, еще выиграть 12—16 морских битв. Обстановка осложнилась, когда возникло предположение, что от центральных держав отпадает Италия. Для полной победы не хватало 16 армейских корпусов. Афганистан, вполне возможно, будет на стороне Германии. Стратегически, согласно пересмотренному плану Шлиффена, исходили из того, что «красный» противник № 1 (Восток) будет устранен, иначе казалось невозможным получить стратегически удовлетворительное решение одновременной победы на западе и на востоке. На западе предполагалось устроить «Канны», при этом правый клин должен был пройти восточнее Парижа. В случае же неудачи разделаться сперва с Востоком. Чего же они хотели? Получить удовлетворение за убийство в Сараеве! Наказать заносчивого противника, а возможно, заполучить и бельгийские железные дороги.

Военный план 1936 г.

Ни в коем случае не допустить войны, говорил начальник генерального штаба Б. Это грозит нам налетами бомбардировочной авиации Советского Союза. Удерживать оборону на западе небольшими силами; основные же армии «синих» должны прорваться через линию долговременных укреплений в Чехии и уничтожить там угрожающие флангу войска противника. Восточную Пруссию в случае нужды эвакуировать морем. Несколько тактических игр на макете показали, что в день «Д+30» (т. е. через месяц после начала военных действий) Рурская область оказалась в руках «красных», а основные силы армии «синих» находились все еще перед линией чешских долговременных укреплений. Б. пытался вообще отговорить политическое руководство страны от всякой войны.

Военный план 1938 г.

Теперь, благодаря захвату Австрии, открылись благоприятные возможности для устранения противника на фланге. 10 тактических игр приводили к ничейному результату, если только западный противник не предпринимал немедленного наступления. Большинство других тактических игр закончилось все-таки поражением, учитывалась также угроза налетов советских бомбардировщиков для поддержки противника, находящегося на фланге.

Военный план в августе 1939 г.

Победа над Польшей. Если французы перейдут в наступление еще в сентябре, тогда поглядим, что делать; вероятнее всего, произошла бы катастрофа. (Риск слишком велик, считали генералы фон Р., Г., фон Рун., Браух., фон Шт., фельдмаршал Гер., генералы фон Л., фон Лис. и др.).

Военный план в ноябре 1939 г.

Немедленная переброска войск на запад. Теперь здесь ничего опасного не может произойти. Каким планом руководствовало высшее командование? Наступление правым флангом по Шлиффену должно было вследствие захвата северного побережья Франции и Бельгии создать благоприятные условия для нанесения ударов по Англии. Этот план был заменен планом «Зихельшнитт» (разрез серпом).

Военный план в ноябре 1940 г.

После удачных операций на западе возникла альтернатива: либо захват Англии, либо захват района Средиземного моря, чем наносился известный ущерб противнику. Быть может, предпочтительнее захват Гибралтара? А может быть, заключение союза с Испанией?

Военный план 1941 г.

Чтобы завладеть Польшей, Гит. пришлось вести войну с Францией и Англией. Предпосылки для окончания этой войны Гит. хотел создать нападением на Россию. В войну с Грецией и Югославией он был втянут Италией, а войну против США ему навязала Япония. В интересах Гит. лучше было выступить против Италии и Японии, которые причиняли ему только ущерб, заставляя наживать новых врагов в самое неподходящее для него время. Чтобы вести войну против России, Гит. должен был обеспечить себе юг России и Кавказ.

В стратегическом плане следовало предусмотреть, что опытная немецкая армия могла сначала выиграть по меньшей мере два крупных сражения, окружив войска противника в районе Бел. и Вяз.* Как будут развиваться события дальше, неизвестно. Если бы Гит. тогда не начал этой войны, у него, возможно, не было бы больше благоприятных предпосылок для похода на Восток, позже общественное мнение могло измениться.

Военный план 1942 г.

Реализовать невыполненные пункты военного плана 1941 г.; захватить наконец необходимую кавказскую нефть. Если возможно — продвинуться через Афганистан в Индию и взять в клещи территорию от Суэца до Индии.

Военный план на рождество 1942—1943 гг.

Формально никаких военных планов не было. «Часто говорят: то или иное сражение было победоносным,— сказал Гит.,— я же считаю, что смысл победоносного сражения в том, чтобы как-нибудь попридержать ход истории».

Б. Язык высшего командования.

В день рождения кайзера среди офицеров возник спор о том, не превысит ли тост Мольтке-старшего за кайзера десяти слов, включая обращение и первое «ура». Мольтке сказал: «Уважаемые господа, за кайзера ура!» Но когда на следующий год офицер, проигравший пари, не пожелал спорить, то упустил верный выигрыш, так как Мольтке-старший на этот раз сказал: «Уважаемые господа! Да здравствует его величество кайзер и король! Ура, ура!» Итого, 11 слов!

* Бел.— Белый, Вяз.— Вязьма.

Генерал-полковник фон З., когда еще командовал войсками, выслеживал лишние слова, как зайцев на охоте, и вычеркивал их из проектов штабных документов. Приказ, который надо было представить на подпись генерал-полковнику Адаму или последнему великому стилисту среди командующих генерал-полковнику Б., составляли сначала шесть офицеров, затем четыре офицера правили его и перерабатывали, далее заместитель командующего его просматривал, и только после этого проект представляли «самому», который, однако, каждый раз находил еще более простые и меткие выражения. Офицеры школы графа Шлиффена тренировали свой мозг, чтобы лучше бить противника еще на составлении текстов, ибо, как в малом, так и в большом, успех гарантирован только при простом и лаконичном, целенаправленном замысле.

Однажды фельдмаршалу фон Браух. был представлен проект приказа, в котором имелось выражение «никоимейшим образом». Фельдмаршал указал своим приближенным, что это не тот стиль, каким следует писать проекты приказов. По мнению фельдмаршала, следовало избегать:

иностранных слов, как правило, лишних,
повторяющихся оборотов,
начинать приказы от первого лица и т. д.

Генералы старой Пруссии, Блюхер и др., не обладали способностью точно выражаться. Гит. же забивал своего собеседника потоком слов, он врывался в речь партнера, используя самую незначительную паузу, делая это по тем же законам, по каким прорывается вода, используя малейшую щель. Его сотрудники — военные специалисты школы Шлиффена: фон Л., фон З., Адам, Б., и Г., наоборот, обладали хорошим даром речи; эти офицеры внесли ясность в стиль сводок вермахта. В приказах Мольтке-старшего можно было заметить иностранные слова. Стилисты, работавшие над упрощением языка, удалили их.

Кант сказал: «Понятие без наглядности—пусто, наглядность без понятия—слепа». Поэтому отточенный штабной язык должен был занимать среднее положение. Слишком конкретную форму имело бы выражение: «Брешь в обороне в 10 км шириной» или «Дивизия истекает кровью». Правильнее: «Удержание высоты с отметкой 116,5 не выходит за пределы возможного, хотя и связано с риском, уклоняться от которого требовать не следует».

Будничный язык.

Будущий генерал-полковник Рейн. никогда не делал в речи ошибок. Часто офицеры не могли уследить за смыслом его быстрой речи, так как с напряжением ожидали, когда же он оговорится или неправильно построит предложение; но последовательность слов всегда оставалась четкой. Генерал пехоты Штр., наоборот, не мог довести до конца ни одного предложения. Он произносил отдельные слова, не связанные между собой. (Например: «Разрешите-ка, вот тут, на такой высоте, вот, повыше, господи; хотел бы я это видеть, позвольте!» или: «Дальше, быстрее, поехали! Быстрее, дальше, быстрее, быстрее!» или: «В темпе!»)

Генерал-фельдмаршал фон Браух. сказал: «Поход на Восток — это скачка без препятствий. И продлится он шесть недель!» Фон Ман. сказал, обращаясь к Гит., который терпеть не мог верховой езды: «Задача будет состоять в том, чтобы, преодолевая препятствия, перебросить через барьер сначала свое сердце». Гит. отклонил предложение фон Ман.

Фельдмаршал граф Шлиффен как-то поинтересовался потерями в битвах Ганнибала, Цезаря, Наполеона и других полководцев. Взгляд Шлиффена остановился на потерях при Бородино, выраженных необычайно высокими цифрами: 48 000 французов и 56 000 русских. «Вполне прилично!» — сказал фельдмаршал.

Язык командования во время второй мировой войны.

Гит. Вон те несколько мостов авиация должна была бы, собственно, уничтожить. Кристиан, вот эту железную дорогу во что бы то ни стало следует разрушить, чтобы русский не разъезжал, куда вздумается. Видите ли, Цейт., в общих чертах я все продумал. Ни при каких обстоятельствах мы не должны ничего отдавать; отбить назад мы ничего никогда не сможем. А что это значит, мы понимаем. И внезапных операций я тоже не могу организовать. На этот раз все случилось слишком поздно. Могло быть быстрее, если бы мы не стояли так долго под В. В самом начале можно было, вероятно, проскочить с ходу. Но внушать себе, что можно сделать то же самое еще раз, к тому же, когда ты отходишь и оставляешь технику и материалы, просто смешно. Всего они взять с собой не смогут. Лошади измотаны; значит, тягловой силы нет. Лошадей кониной не накормишь. Но я не могу приказывать кобыле жрать другую кобылу. Это ни к чему не приведет, и, значит, дело пропащее. Не скажешь ведь: через день-два все изменится, дайте только порцию овса. Через два дня лошади лучше не станут. Все, что не удастся вывезти машинами, пропадет. Там великое множество тяжелой артиллерии, мортир, и все это погибнет.

Цейт. У нас там огромное количество артиллерии резерва главного командования.

Гит. То, что у нас там пропадет, нам никогда не восполнить. Если мы откажемся от них, значит мы откажемся и от смысла всего похода. Вообразить, что я второй раз смогу сюда прийти, безумие. Сейчас, зимой, мы можем, используя имеющиеся силы, создать отсечную позицию. У противника есть возможность подвозить подкрепления по железной дороге, а как только река вскрыется ото льда, в его распоряжении будет Волга. Он-то знает, как много зависит от этого. Итак, сюда мы больше не дойдем, а поэтому мы не имеем права отсюда и уходить. К тому же нами пролито слишком много крови. Если я приму это за само собой разумеющееся, то скажу, пожалуй, что в котле наведу порядок только тогда, когда начнется весеннее половодье; обычно весь этот район заливают. Наступит такое время, и продлится оно несколько недель, когда здесь все абсолютно будет залито водой. Ширина заливных лугов здесь достигает частично до 20—30 км, а ниже еще шире. Есть, правда, и отдельные островки. Около города нет никаких строений, только один островок. Все остальное покрыто кустарником и находится весной под водой.

Кейт. Прежде всего, когда вскрывается лед.

Гит. Тогда и можно будет провести операцию по очистке. Но главное при этом сосредоточить все дело в своих руках. Конечно, всю эту территорию нужно будет при любых обстоятельствах очистить, как только мы заполучим ее в свои руки. Я представляю себе этот мешок; его можно, пожалуй, сравнить с харьковским. Это именно мешок, и он начинает все явственнее вырисовываться. Харьковский мешок доходил почти до К.

Х. Он доходил до сих пор и проходил здесь и вот здесь до сих пор.

Гит. Этот, пожалуй, немного побольше, но ситуация примерно такая же. Единственное преимущество, которым они обладают, это железная дорога.

Цейт. И притом не одна. Я хочу привести с собой завтра специалиста-железнодорожника и генерал-квартирмейстера, чтобы с ними обсудить этот вопрос.

Гит. В общем, я бы расположил здесь немецкую группировку, чтобы нанести удар и ликвидировать всю эту историю. Следующий решающий удар я бы нанес вот здесь. Но возможно ли будет его реализовать, следует подумать. Вполне возможно, что его и не удастся осуществить, так как, вероятно, его как раз и ожидает противник; так что ничего не останется другого, как повторить всеми силами прежний удар. Затем придется остановиться и выждать, что он предпримет в котле. Скорее всего он будет ждать двухстороннего охвата.

Цейт. Один клин будет вбит здесь, а второй клин вот здесь. У второго клина пока что нет одной стороны.

Гит. Это смогла бы сделать 11-я танковая дивизия.

Цейт. Если бы она тоже действовала здесь, то получился бы полный клин. Но если она не будет здесь действовать, то клин будет неполным.

Заключительный этап битвы.

Гит. Они, видно, сдались там по всем правилам. В противном случае собираются в кулак, создают круговую оборону, а последней пулей убивают себя. Как подумаю, что даже женщина, у которой есть гордость, услышав оскорбление по своему адресу, кончает жизнь самоубийством, так теряю всякое уважение к солдату, который боится этого и предпочитает сдаться в плен. Я могу понять это в одном случае, как это было с генералом Жиро: мы вступаем, он выходит из машины, и его хватают. Но...

Цейт. Я тоже не могу представить себе этого. Я все еще думаю, что, быть может, это не так, быть может, он тяжело ранен.

Гит. Нет, это так.

Цейт. Собственно говоря, это невозможно объяснить.

Гит. Не скажите! В мирное время в Германской империи ежегодно кончали жизнь самоубийством от 18 000 до 20 000 человек, не будучи при этом в подобном положении. А здесь человек видит, как умирают 50—60 тысяч его солдат, сражаясь до последнего; как же он может сдаться большевикам?

Цейт. Это что-то такое, что трудно себе даже представить.

Гит. К тому же он знал, что его смерть придает силы тем, кто удерживает следующий котел. Если уж он подал подобный пример, так трудно предположить, что люди будут и дальше сражаться.

Цейт. Никаких оправданий нет. Ему нужно было застрелиться раньше, как только он почувствовал, что нервы могут отказаться.

Гит. Если нервы откажут, то все равно ничего другого не останется, как сказать: «Я ничего не мог поделать», — и застрелиться.

Цейт. Я все-таки думаю, что они покончили с собой, а русские только утверждают, что они якобы сдались в плен. Мы были так твердо уверены, что в конце концов они...

Гит. Что все это закончится героически, можно было предположить.

Цейт. Ничего другого предположить было нельзя.

Гит. Как же иначе следовало действовать, имея вокруг себя солдат? Тогда получается, что любой солдат просто идиот, который рискует, постоянно рискует своей жизнью. Я бы еще мог понять, что смалодушничал какой-нибудь штатский.

Цейт. Командующему войсками это сделать значительно легче. На него все смотрят. Ему же легко застрелиться.

Восстановление хода битвы.

Гит. Восстановите для меня весь ход событий. Во время своей поездки я, вероятно, буду разговаривать с Антонеску. Если только я верно припоминаю, то в первом донесении, которое я получил, сообщалось о двух наступлениях, предпринятых здесь, но в основном без артиллерии и танков. Наступление было предпринято главным образом силами пехоты, без мощной артиллерийской подготовки.

Цейт. Это было самое первое донесение.

Гит. С этого все и началось.

Цейт. Много дней они не предпринимали ничего серьезного, никто уже не думал, что здесь может начаться большое дело, и считали, что это так, пустяки. Вот внутренняя причина того, что решительных мер не предпринимали. Русские провели это очень искусно; вначале действуют таким образом, что все обретают уверенность и считают, будто ничего серьезного не предстоит, а потом внезапно в этом районе начинается большая операция. Для иллюстрации сказанного я могу подготовить несколько карт.

Затуманивание смысла.

«До последнего человека!» — сказал директор гимназии, капитан в отставке Хауль. Неизвестно, однако, остался ли у Цезаря хоть один солдат, который принес печальное известие, или погибли все, то есть были найдены мертвыми на поле битвы. Этого из текста никак нельзя узнать. В ответ на призыв «Драться до последнего человека и последнего патрона» майор генштаба фон Ц. сказал: «Мой ф., солдаты в Ст. не могут драться до последнего патрона, его у них просто нет».

В. Мир внешних форм.

Взлеты.

Аттестация офицера на присвоение очередного звания составлялась по следующим пунктам:

1. Наличие опыта службы в войсках.
2. Равномерное продвижение по службе, т. е. отсутствие протекции, но тем не менее благополучный переход за майорский чин.
3. Разумное участие в общественных мероприятиях, здоровые отношения с другими офицерами.
4. Желателен интерес к кавалерии.
5. Хорошая организация командно-штабных учений.
6. Желателен интерес к опере или наличие других интересов, позволяющих судить о духовном развитии офицера.

Отрицательными чертами считались: чтение книг, бахвальство, скандальные истории с женщинами, склонность к рассуждениям, *povarum regum cupiditas**, особенно в области полевой и крепостной артиллерии и кавалерии.

Профессиональная деформация личности.

Высшая власть изменяет лица. Причины: 1. Необходимость удерживать людей впереди. 2. Желание быть представительным. 3. Подражание. Так, например, высших генералов можно распознать по особенно чувствительной коже и по заостренным кверху, оттопыренным, так называемым кавалерийским ушам. Говорят, что в средние века женщин с такими ушами сжигали. Губы гладкие, глаза пронизательные, цепкие. Голос невыразительный, резкий.

Слабые и сильные стороны.

Генерал-майор Л. заплакал, когда за один день наступления потерял 27 танков, так как у русских на этот раз оказались противотанковые ружья, пробивающие немецкую броню. Неделю назад на совещании генералов говорили о том, что броню можно усилить путем специальной экранировки. Кое-кто из погибших командиров танков имел призы, полученные в мирное время на состязаниях в Торне, Растенбурге, Кёнигсберге. Офицеры штаба принесли генералу рюмку коньяку, и ко времени вечерних донесений он успокоился.

Полковник Галлюс заплакал в 1943 г., когда в нескольких километрах западнее опорного пункта, считавшегося потерянным, появилось 70 немецких танков, которых никто уже не ожидал. Он считал, что ему придется удерживать здесь оставшихся солдат без всякой надежды на спасение.

В Ст. заплакал ротмистр фон Г., когда к нему 26 января явились три обер-ефрейтора его бывшего разведывательного батальона, считавшегося погибшим; они без разрешения покинули подразделение, к которому были прикомандированы в принудительном порядке. В тот же вечер эти трое захватили руины одного дома, из которых противник угрожал командному пункту ротмистра.

Полковнику З. в последний момент удалось ускользнуть из Ст. на самолете. После его выздоровления друзья не могли заставить его молчать. Во время официальных

* Жажда перемен, переворота (лат.). (Из речи Цицерона против Катилины.)

приемов он неожиданно начинал плакать, выдвигал против высшего командования обвинения, которые ничем не мог доказать. Друзья предупреждали его. В конце концов его отдали под суд.

Падения.

В течение полугода в 1941 г. были смещены или умерли: генерал-фельдмаршал фон Рун., генерал-фельдмаршал фон Р., генерал-фельдмаршал фон Л., генерал-фельдмаршал фон Б., генерал-фельдмаршал фон В., генерал-фельдмаршал фон Лис., генерал-фельдмаршал фон Браух., генерал-полковники фон Ш., Г., Гуд., Штр. и др. За исключением двух, все были представителями старой школы. Фон Кл., занимавший среднее положение между «реформистами» и «стариками», хотел во что бы то ни стало удержаться. Он действительно удержался, но через два года после смещения «реформистов» умер.

Гит. и мир внешних форм.

Многие генералы видели в Гит. выскочку. Другие шли с ним на компромисс, а такие, как генерал фон Р., генерал-фельдмаршал фон Клейс, и генерал П. почитали его.

Генерал фон Б. любил рассказывать: «Неприятно было смотреть, как Гит. ест; левую руку он упирал в бедро, а правой держал ложку и как лопатой накладывал в рот пищу, состоящую из различных овощей. Правый локоть он не отрывал от стола, предпочитая наклоняться к тарелке».

Генерал Ф. особенно зло подсмеивался над тем, как неправильно произносит Гит. иностранные имена и названия. Гит. говорил, например, «Чемберлайн», «Юнитед пресс» и т. п.

Для офицеров, выдрессированных в духе генштаба, т. е. приученных к лаконичности при разборе обстановки, невыносимо было многословие Гит. Он смещивал без всяких пропорций важное и второстепенное; логическое построение мысли при этом часто отсутствовало.

Мнение Гит. во время Ст-ской битвы. Генералы обманывают его. Кроме того, они необразованны и плохо знают свое ремесло. Им нельзя поставить в упрек отсутствие у них достаточно высокого культурного уровня, так как они просто не получили соответствующего образования; он а priori не верил ни одному из генералов.

Мнение Гит. спустя полгода. Всем доволен. Положительно отзываясь о фон Кл., фон К. и фон Ман.; утверждает, что фон Клейс. установил весьма тесный контакт с ним (Гит.), а также с национал-социалистским движением. Особенно лестно отзываясь о Буше. Даже по отношению к генерал-фельдмаршалу фон Лис. настроен сейчас значительно положительнее, чем раньше.

Может ли мир внешних форм бунтовать?

1. Попытка «стариков».

Фон Г.-Е. и фон Шт. хотели предпринять что-нибудь в 1933 г.; в 1938 г. Г. и Браух. совместно с некоторыми другими генералами тоже хотели что-то предпринять; в 1939 г. говорили, что находящийся в это время в Кельне фон Г.-Е., кажется, что-то намерен предпринять. В 1939—1942 гг. генералы в общем и целом действовали весьма успешно, а победоносные генералы, как известно, не бунтуют.

В 1943 г. фон Кл., кажется, хотел что-то сделать. Фон Кл. был известен как любитель быстрой езды. Во время своих блиц-поездов в автомашине в действующие соединения он давал указание шоферам ехать с предельной скоростью. Он сорвал покушение на Гит., в котором должен был участвовать, получив во время автомобильной катастрофы тяжелое ранение.

Генерал-фельдмаршалу фон В., прежде чем реализовать план покушения на Гит., пришлось лечь на операцию, чтобы вырезать геморрой. Пока он находился в клинике, Гит. снял его с занимаемого поста.

Когда фон Ман. хотел показать свои стратегические успехи, он никогда не возражал. Если же он возражал, то, значит, у него не было никаких успехов. Но в 1943 г. только немногие военачальники достигали решающих успехов. Полководцы-неудачники не могут бунтовать.

2. Подкуп сверху.

«С благословения божьего добыл в войне». Имущество генерала фон Г., Тридцатилетняя война.

Уходя на пенсию, генерал-полковник Цейт. мог выбирать: имение, деньги или высокую награду. Несмотря на плохое расположение духа, Гит. был готов выдать вознаграждение. Цейт. отказался от прощальных подарков, означавших подкуп сверху. А вот генерал-фельдмаршал фон Кл. поступил иначе; он взял от Гит. в день своего рождения чек на 250 000 германских марок, из которых 125 000 он имел право вложить в свое имение. Дотацию получили также генерал-фельдмаршал фон Ман., генерал-фельдмаршал фон Б., генерал-фельдмаршал Буш и другие.

В 1944 г. фон Ман. подыскивал себе имение сначала в Силезии, а затем в Поме-
рании. Тогда фон Ман., как положено, рассчитывал на ничью в этой большой войне.

Генерал-фельдмаршалу фон Б., также получившему подарок, одно доверенное
лицо намекнуло на ситуацию, возникающую в связи с неизбежным поражением нем-
цев. Однако, как только послышалась критика высшего командования, фон Б. прервал
его криком: «Я не потерплю, чтобы кто-нибудь нападал на ф. Я закрою его своей
грудью и буду защищать его от каждого, кто осмелится нападать на него».

Генерал-фельдмаршала Буша, ставшего позднее командующим группой армий
«Центр», Гит. назначил членом народной судебной палаты. Так как он ничего не пони-
мает в юридических вопросах, рассказывал Буш, то решил приговаривать всех обвиня-
емых к смерти. Этому он добивался даже тогда, когда юристы судебной палаты при-
держивались иного мнения.

Генерал Бл. сказал: «В политических делах мы, генералы, часто круглые дураки.
Этим мы обязаны своему происхождению и воспитанию. Мы хорошо сделаем, не по-
желав стать иными».

3. Попытка «молодых».

Подполковник фон В., отмеченный самыми высокими наградами за храбрость,
добивался перевода со своим полком в Восточную Пруссию, чтобы устранить Гит.

Офицеры штаба фон Кл. сговорились совершить групповое покушение на Гит.,
как только тот посетит штаб группы армий. Что могло произойти после 16 pistolетных
выстрелов? Солдаты всегда должны немного верить в счастье.

Заряд взрывчатки в форме небольшого пакета был помещен в самолете, в
котором Гит. должен был лететь из См. в Р., но запал не сработал. Через несколько
дней один из заговорщиков забрал пакет уже в ставке ф.

Обер-лейтенант Шульце-Б. из министерства авиации, идеалист, передавал по
радио русским секретные сведения. Он и его друзья, среди которых было много жен-
щин, расстреляны.

Фон дер Б. хотел укрепить у себя на теле взрывчатку и во время демонстрации
нового обмундирования обнять Гит. смертельным объятием. Но так как запасы обмун-
дирования, образцы которого хотели показывать, были уничтожены во время воздуш-
ного налета, демонстрация была отменена. Фон дер. Б. внутренне приготовился к
смерти. Через несколько недель он получил на Восточном фронте такое же тяжелое
ранение, к какому он готовился в случае покушения.

Английская взрывчатка, спрятанная под деревянным домиком генерал-лейтенанта
Шт. в ставке ф., неожиданно взорвалась; расследование, слава богу, было поручено
одному из участников заговора.

В Вене путч против Гит. не только не был доведен до конца (как это было и в
Париже), но и ликвидирован с общего согласия участников; ничего невозможно было
доказать. Только начальник отдела контрразведки в Вене полковник граф Маронья-
Редериц, который прикрыл остальных, был арестован и казнен. Фон Пл., находясь на
допросе в имперском главном управлении государственной безопасности, попал в
столь трудное положение, что, оттолкнув допрашивающих, выпрыгнул из окна верх-
него этажа. Другие арестованные офицеры также ничего не выдали.

Обер-лейтенант Г. хотел освободить графа Гар., который лежал в одной из бер-
линских больниц под стражей; для этой цели он через весь Берлин пронес автоматы.
Кроме того, он хотел сбросить с самолета бомбы на ставку ф. Командуя танковой ро-
той, он намеревался вести разведку в случае восстания. Прежде он был национал-
социалистом. В апреле 1945 г. его расстреляли.

